

Арсений Куманьков
Война в XXI веке

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

Арсений Куманьков
Война в XXI веке

Издательский дом
Высшей школы экономики

УДК 172.4
ББК 87.7+66.4
К90

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Рецензенты: д.филос.н. Б.Н. КАШНИКОВ
д.филос.н. А.В. ПРОКОФЬЕВ

Куманьков, А. Д.
К90 Война в XXI веке [Текст] / А. Д. Куманьков ; Нац. ис-
след. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Выс-
шей школы экономики, 2020. — 296 с. — (Политическая
теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1957-8 (в пер.). —
ISBN 978-5-7598-2049-9 (e-book).

В монографии обсуждаются два вопроса: что представляет собой война в XXI в.? И как моральная теория оценивает современные войны? Автор дает социально-политические и этические интерпретации конфликтов. Для ответа на первый вопрос он прослеживает историю развития классического образа межгосударственной войны и предлагает оригинальную концептуализацию войн нового типа, ориентируясь на исследования ведущих специалистов (Мэри Калдор, Херфрида Мюнклера, Мартина ван Кревельда). Это позволяет выделить наиболее значимые характеристики и признаки новых войн, а также типичные практики их ведения. Отвечая на второй вопрос, автор рассматривает способы нравственного обоснования применения военной силы и моральную составляющую наиболее заметных форм и практик ведения современной войны — терроризма, роботизации и компьютеризации войны, деятельности частных военных компаний.

Книга адресована широкому кругу читателей — философам, политологам, социологам, историкам, культурологам.

УДК 172.4
ББК 87.7+66.4

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1957-8

ISBN 978-5-7598-1957-8 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-2049-9 (e-book)

© Куманьков А.Д., 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1	
ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЙНЫ В НОВОЕ ВРЕМЯ	16
Классическая война эпохи модерна	16
Появление и развитие науки о праве войны и мира	43
Тотальная война	51
Трансформация войны после 1945 г.	58
ГЛАВА 2	
КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ВОЙНА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ	68
Новое поколение вооружённых конфликтов	68
Что такое новые войны?	73
Основные характеристики	86
Виды и тактики	124
ГЛАВА 3	
ЭТИКА ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА: КОГДА ДОПУСТИМО ВОЕВАТЬ?	145
Современная этика войны	146
Моральный статус конфликта: дебаты о справедливой причине	157

Самооборона и помощь жертве агрессии168
Упреждающие и превентивные действия180
Вмешательство в гражданскую войну и гуманитарная интервенция191
ГЛАВА 4	
МОРАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	
ВОЙН В XXI ВЕКЕ	214
Терроризм215
Индустрия организованного насилия: частные военные компании	228
Кибервойна	238
Роботизация войны	253
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.	
ОТ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ К ЭТИКЕ МИРА . . .	268
ЛИТЕРАТУРА	277

Посвящаю эту книгу родителям —
Елене Владимировне Куманьковой
и Александру Сергевичу Богдановскому —
моим лучшим учителям

Введение

Организация Объединенных Наций преследует Цели:

Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира¹.

СРЕДИ всех социальных практик война может оказаться одной из самых древних. Война меняется вслед за сменой эпох и трансформациями институтов, а также под воздействием развития техники. Нередко она сама определяет изменения во всех сферах человеческой жизни. Исследование войны — это изучение человека в его прошлом и настоящем. Если принять точку зрения, что ключевым событием в становлении модер-

¹ Статья 1 Устава Организации Объединенных Наций.

на стала Великая французская революция, то мы увидим, что Современность буквально возвращается в колыбели войны: сначала в гражданской войне в Вандее, а затем в последующих революционных и Наполеоновских войнах. Соответственно, если мы хотим понять, что происходит с человеком в XXI в., нам, помимо прочего, необходимо выяснить, как сегодня используется понятие о войне эпохи модерна.

Кроме того, война в силу своей смертоносной и разрушительной сущности неизбежно ставит множество моральных вопросов. Казалось бы, ужасы и страдания, приносимые войной, очевидны. Уже в «Илиаде» Гомер проклинал многослёзную войну, разверзающую «погибельной брани огромную пасть»². Тем не менее немало интеллектуальных усилий было направлено на то, чтобы оправдать необходимость, а иногда даже желательность ведения войны. Так сформировалась мощная традиция морального обоснования и ограничения войны.

Двум этим проблемам и посвящена данная книга. Она написана на стыке социальной философии, этики, политической теории и социологии войны, чтобы дать по возможности наиболее обобщённое представление о том, какой стала война на рубеже XX–XXI вв., а также в каких случаях война получает моральное обоснование и какие способы её ведения считаются допустимыми с точки зрения этики. На двух этих проблемах важно сфокусироваться. Отчасти это связано с тем, что в России до сих пор не так много философской литературы о войне. В большом количестве появляются работы отечественных и зарубежных авторов, где война рассматривается с позиций истории, международных отношений, права или даже психологии. Однако в дискуссии об обновлении войны после окончания холодной войны мы пока ещё находимся на пе-

² Гомер. Илиада. СПб.: Наука, 2008. С. 133.

риферии, даже несмотря на то, что были переведены важные книги политических учёных Мартина ван Кревельда³ и Мэри Калдор⁴. Тема этического анализа войны остаётся ещё менее освоенной в отечественной философской литературе. Эта область философии на английском, немецком, французском языках прирастает на десятки, если не сотни, монографий ежегодно, множество журналов специализируется на проблемах этики войны как таковой или на частных её аспектах. В России общее количество опубликованных монографий по современным вопросам этики войны и мира даже с учётом переводной литературы не превышает и десятка⁵.

Но важность обращения к темам трансформации войны и её морального осмысления объясняется, конечно, не только этими обстоятельствами. Война, а одновременно с ней и политическая сфера, трансформируются таким образом, что этическая составляющая современных войн значительно усиливается — два выделенных нами сегмента изучения войны пересекаются. Сами по себе войны вызывают те же вопросы, что и прежде, но требуют от по-

³ *Кревельд М., ван.* Трансформация войны. М.: Альпина Паблишер, 2005, а также *Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.

⁴ *Калдор М.* Новые и старые войны. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

⁵ Важно выделить: *Сисе Х.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007; *Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна.* М.: Гардарики, 2002. За обзором истории развития учения о справедливой войне и актуальными дискуссиями в рамках этой теории можно обращаться к моей предыдущей книге: *Куманьков А.Д.* Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. МакМахан. СПб.: Алетейя, 2019. Отдельно стоит отметить сотрудников сектора этики Института философии РАН, А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна, А.В. Прокофьева, которые в своих книгах и статьях уделяют внимание этике войны.

литиков и военных более детальных разъяснений, кто, почему и как должен в них участвовать. Далекое не всегда срабатывают доказательства необходимости войны в духе Realpolitik XIX в.: великие державы сталкиваются между собой, стремясь защитить или реализовать свои национальные интересы. В постгероических обществах Запада войну необходимо обосновывать чем-то, кроме национального интереса, за который мало кто готов умирать. А борьбу с такими вызовами, как терроризм, религиозный фундаментализм или массовые нарушения прав человека в какой-либо стране невозможно объяснить иначе, кроме как на языке морали. Это же относится и к обогащению средств ведения войны, прежде всего за счёт частных военных компаний, кибероружия и роботизированных систем. Новации, связанные с ними, одновременно настораживают, поскольку вызывают размывание традиционных способов определения статуса участников боевых действий и интерпретации ключевых понятий военного лексикона (атака, угроза), и воодушевляют — не станет ли война более гуманной или, возможно даже, не близки ли мы к тому, чтобы передать обязанность сражаться машинам, избавив себя от смерти и страданий. Современная война должна получить не только правовую, но и моральную легитимацию. Её практически невозможно обосновать, если не указать, что она служит международному миру и безопасности. Парадоксальная ситуация, которая требует прояснения.

Философ Александр Павлов выделяет три существующих способа концептуализации философских подходов к современной войне: реактуализация теории Клаузевица, дискурс теории справедливой войны и, наконец, дискурс новых войн⁶. Последний, по мнению Павлова, позволяет

⁶ Павлов А.В. Послесовременность войны // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 249–251.

наиболее адекватно оценить социальную реальность войны в XXI столетии. Однако и он нуждается в дополнении, которое возможно при обращении социальной теории к проблематике новых, постсовременных войн⁷. Солидаризируясь с этой оценкой, я также хотел бы указать на необходимость выработки критической теории войны, одновременно историчной и нормативной, прослеживающей трансформации войны и их причины и задающей границы морально допустимого в войне. Возможно, настоящая книга могла бы послужить развитию такой теории.

В книге не раскрываются все аспекты этического осмысления войны, но представляется критический обзор основных проблем, связанных с приложением этики к современным войнам. Скорее, книгу следует рассматривать как доступное введение в проблемное поле моральной теории войн XXI столетия. В главе 1 речь пойдёт об образе войны, который был сформирован и отрефлексирован в Новое время, и о дальнейших трансформациях этого типа войны. Этот период начинается с укрепления национальных государств, которые постепенно подчиняют себе сферу организованного насилия и монополизируют право на применение военной силы. Война ведётся государствами ради их собственных интересов при помощи регулярных армий против других государств, возможно, не уступающих им в силе, но равных в правовом и моральном отношении. Именно такую войну описал прусский генерал и военный теоретик Карл фон Клаузевиц в знаменитом труде «О войне»⁸. Войну той эпохи можно назвать классической, традиционной, регулярной, старой войной. Со временем этот тип войны переживёт несколько существенных преобразований, и на рубеже XX–XXI столетий развернётся активная дискуссия о том, что классическая

⁷ Там же. С. 260.

⁸ *Клаузевиц К., фон.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.

регулярная война, если и не исчезла совсем, то перестала быть доминирующим типом вооружённого конфликта, уступив место так называемым новым войнам. Этому вопросу посвящена глава 2 настоящей книги.

В главе 3 рассматриваются непосредственно этические проблемы, связанные с современными войнами. Здесь для нас ключевым станет вопрос, как структурные изменения основных общественных институтов сказываются на трансформации войн и как в связи с этим конвертируется курс нравственной оценки войны. Мы рассмотрим основные парадигмальные споры в теории справедливой войны и постараемся обобщить причины, по которым, согласно этой теории, вступление в войну считается морально обоснованным. И наконец, в главе 4 разбираются споры относительно некоторых наиболее важных аспектов современной войны: терроризма как одной из наиболее значимых угроз миру и безопасности; частных военных компаний, роль которых в конфликтах XXI столетия, по-видимому, будет усиливаться; компьютеризации и роботизации войны. Обращение к этим практикам и техникам ведения войн позволит дополнить описание этических вызовов, которые ставят войны XXI столетия. Для России дискуссия о моральном статусе современных видов оружия, в котором используются новые технологии, особенно важна, поскольку у нас не сформирована традиция публичного обсуждения войны с её вызовами и проблемами, в том числе и моральными, а кроме того, не отрефлексированы этические нормы поведения военнослужащих. Попытка отреагировать на современные проблемы войны, появляющиеся в связи с возникновением новых угроз и задействованием высоких технологий, могла бы быть полезной для поддержания дискуссии такого рода.

Я выражаю особую благодарность Александру Владимировичу Павлову за мотивацию и всестороннее содей-

ствие моей работе. Это касается не только данной книги, но и многого другого. Большая честь и удача работать вместе с ним. Я глубоко признателен Борису Николаевичу Кашникову за многолетнее содействие и наставничество. Также я хотел бы сказать спасибо всем коллегам и студентам Школы философии НИУ ВШЭ и магистратуры по политической философии МВШСЭН, с которыми мы обсуждали вопросы, затронутые в этой книге — их замечания часто помогали найти неожиданные ракурсы рассмотрения, казалось бы, хорошо понятных теорий и событий. Отдельно я хотел бы поблагодарить свою семью, где неизменно нахожу понимание и участие и моральную поддержку моим трудам.

Глава 1

Трансформации войны в Новое время¹

Французская революция даёт начало большим национальным войнам нашего времени, приводящим в действие народные армии и достигающим своего наивысшего размаха в грандиозных коллективных побоищах².

Мишель Фуко

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЭПОХИ МОДЕРНА

ИЗВЕСТНЫЙ тезис прусского генерала и военного теоретика Карла фон Клаузевица — «война есть продолжение политики, только иными средствами»³ — указывает на отношения зависимости, кото-

¹ Некоторые части этой главы были опубликованы ранее: *Куманьков А.Д.* Мировая задача России: члены Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва о Великой войне // Вестник Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2014. № 10. С. 81–86; *Куманьков А.Д.* Мнимая трансформация войны // *Философия. Язык. Культура* / отв. ред. В.В. Горбатов, А.В. Марей. Вып. 6. СПб.: Алетейя, 2015. С. 329–340.

² *Фуко М.* Политическая технология индивидов // *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью.* М.: Праксис, 2002. С. 362.

³ *Клаузевиц К., фон.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 38.

рые устанавливаются между политикой и войной. Война находится в подчинении у политики, она полностью контролируется и управляется государством. Эта зависимость войны от политики кажется Клаузевицу совершенно естественной. Однако подобные отношения сложились между политической и военной сферой довольно поздно, в Новое время, т.е. в исторический период, начавшийся в XVII в. Сперва должна была родиться политика в современном смысле этого слова как «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства»⁴ и, соответственно, должно было появиться государство. Именно возникновение национального государства и масштабная трансформация социального и политического порядка, которая произошла в Европе в XVI–XVII в., оказали самое решительное влияние на практику ведения войны и на понимание её функционального предназначения.

Эпоха Средних веков характеризовалась серьёзной децентрализацией власти, одновременным действием множества субъектов, которые считали, что они обладают правом на использование насилия. Папа, император, короли, князья и крупные феодалы, республики и города оспаривали друг у друга право самостоятельно решать вопросы, связанные с ведением войны и заключением мирных договоров. Периодически та или иная сила занимала главенствующее положение, но «в результате... сначала императорская власть проиграла папству, и затем и папство потерпело поражение от зародившейся во Франции идеи территориального суверенитета»⁵. Политическая раз-

⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 646.

⁵ Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. С. 147.

дробленность постепенно преодолевается при формировании национальных государств, правители которых (как правило монархи) централизуют систему власти и управления. Немецкий политический теоретик Карл Шмитт отмечает характерную для этого процесса «детеологизацию» и рационализацию политического пространства: «образование международно-правовых понятий этой эпохи вращается вокруг одной единственной оси: суверенного территориального государства. Новая величина — “государство” — вытесняет сакральную империю и императорскую власть Средневековья; она ликвидирует также и международно-правовую *potestas spiritualis* папы и пытается превратить христианскую церковь в инструмент своих полицейских акций и своей политики»⁶.

Так появляется понятие «государство», характерное для эпохи модерна. Для его определения мы можем вновь обратиться к Максу Веберу. В «Политике как призвание и профессия» он предложил знаменитую формулировку: «...современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции»⁷. Мы не ставим себе целью обсуждение, насколько полон вариант определения или разъяснения, предложенный Вебером. Нам в данном случае достаточно, что эта формула явно передаёт суть того феномена, который мы рассматриваем: в ка-

⁶ Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 143.

⁷ Вебер М. Указ. соч. С. 651.

кой-то момент на политической арене возник обезличенный субъект, подчинивший себе все прочие центры силы. Ключевые его характеристики: суверенитет, организация признанной власти на определённой территории и установление монополии на применение насилия⁸.

Определение Вебера удобно именно потому, что немецкий социолог также обращает внимание на последнюю из приведённых характеристик — на факт монополизации государством права на все виды легитимного насилия, в том числе и военного. Эта монополия — привилегия особого рода, за которую будет бороться государство в ходе своего становления, и то, что помогает ему состояться как государству. До тех пор, пока не появится субъект, получивший в данном регионе монополию на насилие, нельзя говорить о существовании государства. Вместе с этим, если появятся силы, способные оспорить или лишить государство этой монополии, то можно говорить о начале гражданской войны и разрушении государства.

В Новое время право объявлять войну, вести её и заключать мир закрепляется за верховной государственной властью. Эту трансформацию и особое значение войны для политической сферы точно зафиксировал Жан Боден. В «Шести книгах о государстве» он пишет о суверенитете как о высшей власти, которая, во-первых, не подчинена власти императора, а, во-вторых, сконцентрирована в одних руках. Управление государством, издание законов, регулирование системы судов, но также и решение вопросов войны и мира представляют собой важнейшие функции, возложенные на государя⁹.

⁸ См. подробнее: *Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 81–234.

⁹ *Bodin J.* Les six livres de la Republique. Paris: Fayard, 1986. P. 306–321. См. также: *Баязитова Г.И., Митюрева Д.С.* В преддверии рожде-

Представление о государстве как о субъекте, ответственном за управление сферой насилия, получает развитие у авторов XVII века. Гуго Гроций ещё будет доказывать, что частная война (та, что ведётся лицом, не имеющим гражданской власти) не запрещается естественным правом или Писанием¹⁰. Но в последующих поколениях политических мыслителей и юристов подобные архаичные, средневековые взгляды будут пересмотрены в пользу исключительного права государства. Томас Гоббс обращается к этому вопросу в 18-й главе «Левиафана». Он называет верховенство в военной сфере одним из важнейших прав суверена: «...в компетенцию верховной власти входит право объявления войны и заключения мира с другими народами и государствами, т.е. право судить о том, что требуется в данный момент в интересах общего блага и какие силы должны быть для данной цели собраны, вооружены и оплачены, а также какая сумма должна быть собрана с подданных для покрытия расходов»¹¹. Через полтора столетия схожие мысли будут выражены в гегелевской «Философии права»: «...свою направленность во-вне государство обретает потому, что оно есть индивидуальный субъект. Его отношение к другим государствам составляет прерогативу власти государя, которой поэтому только единственно и непосредственно принадлежит право командовать вооруженными силами, поддерживать отношения с другими государствами посредством послов и т.д., объявлять войну и заключать мир, а также право заключать другие договоры»¹².

ния государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень, 2012.

¹⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 118–123.

¹¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 139.

¹² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 363–364.

Но Гоббс в праве решать вопросы войны и мира видит даже нечто большее, нежели одну из рутинных обязанностей суверена. Он продолжает рассуждение о войне, предлагая смотреть на военное руководство как на деятельность, обеспечивающую или подтверждающую верховный статус того, кто осуществляет это руководство: «...гарантию защиты доставляют каждому народу его вооруженные силы, а сила армии состоит в объединении ее сил под единым командованием, которое поэтому принадлежит суверену, ибо одно право командования над вооруженными силами без всякого другого установления делает того, кто обладает этим правом, сувереном. Вот почему, кто бы ни был генералом армии, лицо, обладающее верховной властью, всегда является генералиссимусом (*generalissimo*)»¹³. Война, таким образом, понимается как определяющая сфера политической жизни. С одной стороны, она обеспечивает суверену его главенствующее положение, а с другой стороны, решение вопроса о войне и мире представляет собой ключевую обязанность суверена, коль скоро он ответствен за поддержание общего блага.

В этом проявляется специфика и двойственность отношений между государством и войной. Государство появляется благодаря войне. Как пишет израильский историк и политический теоретик, Мартин ван Кревельд, «если бы не необходимость воевать, почти наверняка было бы гораздо труднее добиться централизации власти в руках великих монархов»¹⁴. Обязанность вести войны позволила королям сосредоточить управление в своих руках и обеспечить отмеченную выше победу территориального суверенитета над папой, императором или свободным городом. Государство было выковано благодаря войне.

¹³ Гоббс Т. Левиафан... С. 139–140.

¹⁴ Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. С. 413.

Но также государство и закаляется в горниле войны. Страдания, которые приносит война, не кажутся авторам этой эпохи бесцельными и бессмысленными. Через войну народ получает признание своей политической субъектности, славу и счастье. Сохранение прочности государства зависит непосредственно от выполнения им военных функций, и оно поддерживает своё существование, ведя войну. Речь здесь не только о самообороне, т.е. буквальном спасении от уничтожения, когда военное насилие используется для отведения угрозы. Мощь и устойчивость государства во многом связаны с тем, что оно позиционирует себя как единственного гаранта безопасности и стабильности. Безопасность превращается в услугу, требующую щедрого вознаграждения в виде жизней его граждан, налогов, труда идеологов, людей искусства и журналистов. В результате военным нуждам в той или иной степени подчиняются все сферы жизни. В обществах Нового времени практически нет институтов так или иначе не работающих на войну, на оборону и безопасность. Мартин ван Кревельд приводит в пример финансовую сферу, отмечая, что банковский сектор, системы подоходных налогов, социального страхования и государственного контроля экономики не сложились бы в том виде, в котором это произошло, без стоящей перед государством необходимости по мобилизации населения для начала новых войн. Мы можем в качестве другого примера указать на сферу образования. Система всеобщего начального образования появилась в Пруссии при Фридрихе II, чтобы решить проблему управления войсками — различия в диалектах немецкого языка порой не позволяли солдатам понимать приказы своего унтер-офицера. Реформы продолжились после поражения Пруссии в войне с наполеоновской Францией (Война четвёртой коалиции 1806–1807 гг.). Появилась образовательная система, обучавшая учеников не в последнюю очередь патриотизму и дисциплине. В результате че-

рез несколько десятилетий в ходе Прусско-австрийской войны битва при Садовой закончится победой прусского учителя над австрийским.

Подобные изменения полюсов политической силы непосредственным образом сказываются на трансформации войны, которая происходит в Новое время. Подробное освещение этой темы потребовало бы написания отдельной крупной работы. Однако мы в предельно обобщённом виде зафиксируем ряд характерных особенностей войны Нового времени, поскольку именно в это время рождается тип регулярной, симметричной, межгосударственной войны, ориентируясь на который мы можем говорить о появлении новых войн на рубеже XX–XXI вв.

Государства, одной из важнейших функций которых с момента его «изобретения» Томасом Гоббсом «было ведение войн против себе подобных»¹⁵, действительно в XVII–XVIII вв. очень активно ведут войны. Однако происходит существенное изменение характера этих войн. Государство признаёт равным себе только другое государство и, соответственно, ведёт войну только с другим государством. Отныне претензии какого-либо сообщества на самостоятельное распоряжение военным насилием будет идентифицироваться как мятеж и караться как государственное преступление. Во всяком случае до той поры, пока этот мятеж не окончится успехом, т.е. пока не произойдёт смена власти или за счёт отделения не появится новое государство.

Равенство статусов участников международных отношений предполагает взаимное признание ими равного права политической субъектности. В том числе это касается и права на ведение войны. Швейцарский юрист и философ Эмер де Ваттель очень ясно обозначил это в своём «Праве народов»: «...нации свободны, независимы, рав-

¹⁵ Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. С. 413.

ны и каждая судит по своей совести о должном»¹⁶. Каждый народ, объединённый в государство, обладает равным правом на ведение войны и волен реализовать его в меру собственных представлений о должном.

Также в высказывании Ваттеля выражено представление о суверенитете, развивавшееся Боденом, Гроцием, Гоббсом. В сочинениях последнего оно наиболее иллюстративно. Гоббс предлагает схему объяснения отношений между государствами, актуальную для ряда политических концепций и в наши дни. Он описывает феномен естественного состояния, в котором нет ничего, что гарантировало бы безопасность человека. Люди находятся в состоянии войны всех против всех, поскольку обладают равным правом на всё. От опасностей этой перманентной войны люди спасаются благодаря договору, учреждающему государство. Отчуждая право на насилие в пользу суверена, они взамен получают гарантии безопасной жизни. Но государства между собой так и остаются в состоянии враждебности, потенциально означающей возможность открытой войны. В результате международные отношения всегда представляют собой либо войну, либо действия, предвещающие войну или призванные отсрочить её. Как пишет об этом сам Гоббс: «...короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны»¹⁷.

¹⁶ Ваттель Э., *де*. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 32.

¹⁷ Гоббс Т. Левиафан... С. 88.

Состояние анархии, в котором государства пребывают между собой, поддерживается за счёт взаимного признания суверенитета друг друга и временных выгод, которые могут дать межгосударственные соглашения. Но эти соглашения, по мнению Гоббса, непременно будут нарушены в связи с изменением национальных интересов того или иного государства. Подобная ситуация могла бы быть исправлена появлением правительства, которое встало бы над государствами, или надгосударственного суда. Но, как это символизирует знаменитый рисунок на фронтисписе первого издания «Левиафана», подобное невозможно или, во всяком случае, не является возможным в политических условиях Нового времени. Надпись на рисунке воспроизводит слова из Книги Иова «нет на земле подобного ему» (Иов. 41:25). Левиафаны равны в своих правах, а потому никто не может прекратить их взаимную враждебность.

Далее, крайне важно заметить, что в таком положении каждое государство может претендовать на обладание справедливой причиной к войне. Европа вступает в эпоху секулярного понимания войны, апелляция к необходимости наказания грешника, характерная для средневекового теологического подхода к легитимации войны, перестаёт быть актуальной. Война в Новое время становится делом исключительно политическим. Но стало ли это преимуществом в отношении вопроса о минимизации насилия? До этого на протяжении более чем тысячи лет ключевую роль в решении вопроса об оправданности войны и понимании дозволенного и недозволенного на войне играли теологические соображения. Несмотря на высокую степень децентрализации и раздробленности, эпоха Средних веков знала и специфический подход к нормативному определению войны. Появлялись правовые документы и договоры, регулировавшие практику ведения войны. Они были признаны положить предел взаимной враждеб-

ности христианских народов и снизить степень жестокости, характерной для любой войны. Развитие христианского учения о войне сформировало традицию морального обоснования войны и определение дозволенного и запрещённого на поле боя. Как пишет Филипп Контамин, «различные документы пропагандистского характера, так же как и дипломатические источники, говорят о постоянном внимании, если не к *идеологии*, то к *фразеологии* концепции справедливой войны»¹⁸.

Христианское учение о справедливой войне было выстроено вокруг идеи наказания за совершение греха. Такой подход к моральному оправданию военного насилия был предложен Августином Аврелием. Мудрый правитель, понимающий волю Бога, по Его санкции воздаёт грешнику за совершённые прегрешения. Не что иное, кроме серьёзного греха, не может оправдать войну, сделать её справедливой. Августин постоянно подчёркивает, что ведение справедливых войн — это обязанность, возложенная на христианского правителя как защитника христиан и хранителя веры. Обязанность неприятная, но необходимая: «...несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну»¹⁹. Наказав грешника, справедливый государь должен исправить его.

Теологическая концепция войны видит своим окончанием не уничтожение противника, но его духовное исцеление. Иными словами, она должна заканчиваться моральной

¹⁸ Контамин Ф. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. С. 303.

¹⁹ Августин Аврелий. О граде Божием. Кн. XIV–XXII // Августин Аврелий. Творения. Т. 4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. XIX. 7. С. 333.

викторией обеих участвующих сторон. Но в то же время мы должны отметить присущее средневековому мышлению в духе учения о справедливой войне представление о различии в моральном статусе участников войны. Справедливый воитель стоит к Богу, источнику справедливости, значительно ближе, нежели грешник. Его моральное положение более совершенно, что и позволяет ему осудить и наказать грешника. Таким образом, доктрина справедливой войны — это учение об иерархизации политического порядка.

В Новое время учение о государственном суверенитете делает христианскую теорию наказательной войны устаревшей. Во-первых, в силу вступает отмеченное равенство суверенитетов участников международных отношений. Как об этом писал Ваттель в приведённой выше цитате, для государств в качестве единственного источника, который задаёт критерии оценок должного и запретного, выступает только их собственное представление о справедливом и несправедливом. Никто не может вменить другому собственное представление о должном, никто не может выступить судьёй в отношении другого. Эту мысль будут раз за разом воспроизводить философы, юристы и государственные деятели на протяжении XVII–XIX вв. В «Трёх книгах» Гроций весьма поэтично высказывается по этому поводу: «...если между народами или государями возникают разногласия, то почти всегда судьёй между ними оказывается Марс»²⁰. И далее делает более подробное разъяснение: «...правильно говорит Демосфен, что война ведётся против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке. Ибо ведь судебные формы действительны против тех, кто мнит себя слабее; против равносильных же или мнящих себя таковыми ведутся войны»²¹. Самуэль фон Пуффен-

²⁰ Гроций Г. Указ. соч. С. 44.

²¹ Там же. С. 50.

дорф предостерегает от поспешного принятия решения о войне — сперва необходимо испробовать мирные способы решения конфликта, при помощи переговоров или обращения к сторонним арбитрам. В случае если объективный арбитраж невозможен, война становится вполне оправданной²². Иммануил Кант в «Метафизике нравов в двух частях» подтверждает представление об изначальном моральном и легальном равенстве в отношениях между державами: «...каждое государство есть судья в своем собственном деле»²³.

Гоббс, который схожим образом оценивает сферу межгосударственных отношений, выделяет три мотива, подталкивающие государства к ведению войны: «во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажду славы»²⁴. И приходит к заключению, что в войне государств «ничто не может быть несправедливым». Этот вывод был не столь единодушно поддержан теоретиками Нового времени, о чём ещё будет сказано ниже. Однако он показателен — становится невозможным рассуждение о войне с характерным для средневековой доктрины справедливой войны однозначным разделением сторон на грешников и карающих их целомудренных воинов.

Во-вторых, в связи с развитием идеи суверенитета и равенства государств постепенно складывается традиция рассматривать войну не в теологическом, а, скорее, юридическом, контексте. Народы не знают единого позитивного законодательства, так как нет такой силы, которая могла бы утвердить свою волю в качестве закона, общего для всех народов. Однако это не означает, что взаимоотношения народов не подчинены никакому законодатель-

²² *Pufendorf S. De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem. N.Y.: Oxford University Press, 1927. P. 102–103; 154.*

²³ *Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 386.*

²⁴ *Гоббс Т. Левиафан... С. 95.*

ству. В силу вступает естественное право, а также право народов (*ius gentium*). В случае серьёзного правонарушения (например, если нарушаются границы) одно государство не может призвать другое к ответу в суде, поскольку не существует суда народов. Ему остаётся только ответить на несправедливость военной силой, и этот ответ будет оправданным.

В эту эпоху появляется представление о самообороне как ключевой справедливой причине войны. Суверенитет и неприкосновенность государственных границ занимают положение высших ценностей. Любое покушение на них — военное нападение или провокационные агрессивные действия — дают основание применить войска. Со временем самооборона станет едва ли не единственной справедливой причиной войны, что найдёт отражение в документах ООН и иных международных документах. Но подобное положение не было типичным для Средневековья. Как мы уже сказали, в Средние века моральное обоснование получала война, в ходе которой прекращался грех и виновный в нём наказывался. Несправедливое, агрессивное нападение могло быть таким грехом, но представляло собой скорее один из рядовых случаев в числе других. Не меньшим грехом, а, возможно, ещё более тяжёлым, могло быть разграбление церкви и кража святынь, оскорбление достоинства короля или феодала, или ересь. Собственно, рассуждения Августина о справедливой войне необходимо понимать именно в контексте борьбы с еретиками: манихеями, пелагианцами и донатистами. Это серьёзным образом отличается от ситуации Нового времени, когда защита государством самого себя, своих союзников или безопасности и порядка как таковых, в пределах континента или даже всего мира, превращается в определяющий элемент риторики войны.

В объяснении трансформаций, произошедших с войной в Новое время необходимо провести ещё одно срав-

нение со средневековым типом войны. Оно связано с проблемой морального ограничения войны. Помимо закреплённого в теории теологического деления войн на справедливые и несправедливые, Средневековье знало немало практических попыток отрегулировать способы ведения войны. Так, можно привести в пример доктрины Божьего мира (*Pax Dei*) или Божьего перемирия (*Tregua Dei*). Духовные движения за мир состояли в отказе христиан воевать друг с другом, во всяком случае в дни церковных праздников. Согласно этим доктринам, предполагалось также, что жертвами войны не могут стать крестьяне и духовенство, защищалась их собственность. Идеи Божьего мира и перемирия стали важной частью работы над решением двух задач, без которых не обходится обсуждение и современных боевых действий: определить, кто и в каком объёме имеет право применять вооружённое насилие, и установить, на кого именно можно обратить это насилие. Так, Божий мир «в значительной мере содействовал оформлению понятия естественной неприкосновенности невоюющих и их имущества», в то время как «предписаниями Божьего перемирия было запрещено в любое время года только насилие, не связанное собственно с *войной*»²⁵. Тем самым можно было отделить войну, которую ведёт публичная власть по справедливым причинам, от разбойного набега алчных феодалов. Эти меры должны были служить минимизации насилия. Правда, наказание, предусмотренное за нарушение Божьего мира, среди прочего предполагало применение военной силы в отношении нарушителя.

Периодически также появлялись соглашения о запрещении тех или иных видов вооружения или военных практик. Возможно, наиболее известный из них свя-

²⁵ Контарин Ф. Указ. соч. С. 291–292. См. также: Флори И. Идеология меча. М.: Евразия, 1999. С. 240–243.

зан с провозглашением на Втором Латеранском соборе 1139 г. незаконным применение различных метательных средств: пращей, арбалетов, дальнобойных луков. Явно перед нами попытка сделать войну более безопасной, но не для всех её участников, а исключительно для элитарной группы воителей — для рыцарства. Они не были защищены от арбалетчиков, способных пробить рыцарский доспех. Кроме того, в бою с простолюдином-арбалетчиком, который поражает издали, невозможно было обрести славу, столь желанную для благородного воина.

Само представление о существовании образа благородной войны, которую приличествует вести рыцарю — ещё одно свидетельство наличия ограничений, накладываемых на войну. Рыцарство, не слишком большая по численности группа, воспринимало идеал ограниченной войны, в результате которого важнее проявить мужество и тем прославить себя, а не уничтожить противника (во всяком случае, оно декларировало этот принцип). Именно поэтому нередко поверженного противника не убивали, но пленили и просили за него выкуп. Филипп Контамин связывает это как раз с установлением плотных взаимосвязей внутри элитарной группы рыцарей: «...на войне стали часто сталкиваться одни и те же люди, которые могли быть знакомы, могли вспомнить, узнать друг друга, сознавая схожесть своего положения и переменчивость неудач и успехов»²⁶.

Однако отношение к куртуазным нормам ведения войны было амбивалентным, как в среде самого рыцарства, так и за его пределами. Е.В. Калмыкова указывает на два измерения, определявшие восприятие рыцарского кодекса чести: «...во-первых, совершенно очевидное сосуществование в средневековой культуре двух этосов: рели-

²⁶ Контамин Ф. Указ. соч. С. 273.

гиозного и аристократического, пересечение, слияние и взаимодействие которых и дают такой своеобразный результат, как осуждение и восхваление войны одними и теми же авторами на соседних страницах. Во-вторых, соотношение христианских максим и социальной практики усложнялось вовлеченностью духовенства в систему вассально-ленных отношений»²⁷. Христианское учение о справедливой войне давало двойственную оценку войне как таковой. Сама по себе она не признавалась грехом. Важно было рассмотреть все обстоятельства, которые привели к ней, определить статус участников конфликта и, наконец, оценить их действия на поле боя. В этом смысле и рыцарь в тот момент, когда он обращал своё оружие против врагов веры, в защиту христианства или Святого престола, приравнивался к мученику²⁸. Если же он был занят разбойными нападениями или движим жадной славой, не совместимой со смирением истинного *miles Christi*, то его следовало осудить как грешника, которого ждут муки ада. Эта двойственность характерна для Средневековья, и она не исчезнет и в Новое время с появлением государства, изменится лишь регистр определения границы между допустимым и недопустимым, законным и незаконным.

Итак, Средние века знали немало разнообразных по своему статусу и силе влияния источников нормативного регулирования войны: теологическая доктрина справедливой войны, документы канонического права (приведём в пример важнейший Декрет Грациана), папские постановления, документы церковных соборов, представления о рыцарской морали, частные соглашения между воюющими сторонами и т.д. Но всё же мы

²⁷ *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. С. 190.

²⁸ *Флори И.* Указ. соч. С. 47–48.

должны признать, что средневековые феодалы, короли, рыцари зачастую действовали, игнорируя все установления церковных отцов или рыцарский кодекс чести. Главной жертвой войны становились те, кого мы сейчас называем гражданскими лицами — жители сельских местностей, которых убивали, грабили, насиловали, угоняли в плен для использования в качестве рабов или обмена на выкуп. Вновь обратившись к исследованию Филиппа Контамина, можно указать на три фактора, которые мешали реализовать идеал гуманизированной войны: личная заинтересованность отдельных государей в «тотальной войне»; формирование армий за счёт неблагородных слоёв населения, нечувствительных к рыцарскому кодексу чести; обычаи некоторых народов или коммун, согласно которым как таковое пленение неприятеля или обмен пленных на выкуп были неприемлемыми²⁹. Иными словами, зачастую сама культура ведения войны провоцировала неограниченную жестокость.

Новое время предлагает свои варианты правового и этического регулирования войны, соответствующие обозначенным выше трансформациям политической сферы. В политической практике основными механизмами управления войной следует признать представление о доминирующем положении государственного (национального) интереса и решающей значимости принципа баланса сил.

Идея государственного интереса (*ragione di stato* по-итальянски, или *raison d'Etat* по-французски) начала активно обсуждаться на излёте Ренессанса³⁰, а в Новое время она становится нервом публичной политики. *Raison d'Etat* заменяет личный интерес государя или религиозную идентичность в качестве источника полити-

²⁹ Контамин Ф. Указ. соч. С. 309–310.

³⁰ Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 412–423.

ческого целеполагания. Это хорошо заметно по тому, как выстраиваются военные союзы уже в XVII в. В ходе Тридцатилетней войны католическая Франция выступит на стороне протестантских государств и княжеств против католического императора и короля Испании. В борьбе за политическую гегемонию вопросы веры перестают играть решающую роль, хотя и не делаются абсолютно незначимыми. Слова британского политика, министра иностранных дел (во время произнесения речи) Генри Джона Темпля виконта Палмерстона: «...у нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг — следовать им», — могут дать ещё один пример понимания государственного интереса³¹.

Идея государственного интереса представляет собой чистое политическое понятие. Оно не связано с представлениями об устройстве гармоничного космоса или существовании божественного порядка. *Raison d'Etat* актуализируется исключительно в связи с существованием у государства определённых целей, базовой из которых является вопрос о сохранении самого государства. С государственным правительственным интересом совпадает и идея о том, что не существует высшего законодателя по отношению к государствам. То есть государство самодостаточно и автономно, а потому постоянно находится в состоянии соперничества с другими носителями *raison d'Etat*. Конкуренция активизирует новый компонент политической жизни, «новый элемент политического интереса — это сила... сила государств»³². Государства будут

³¹ *Palmerston H.J.T. Speech to the House of Commons. 1 March 1848 // Hansard. Vol. 97. P. 122.*

³² *Фуко М. Безопасность, территория, население / Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 386.*

отныне бороться не просто за продолжение собственного существования, но за «сохранение определенного соотношения сил, сохранение, поддержание или развитие динамики сил»³³.

Отношения государств определяются взаимовлиянием разнообразных, расходящихся сил. По большому счету эти силы всегда находятся в столкновении между собой, т.е. уравновешенное состояние достигается лишь теоретически, но фактически исчезновение борьбы означало бы отсутствие действия, отсутствие жизни вообще. Как пишет Хаймо Хофмайстер в книге «Воля к войне, или Бессилие политики»: «...любая человеческая деятельность — это использование силы в противоборстве с природой, с вещами или в столкновении с другими людьми... *Конфронтационные действия* — это не определенный способ политических действий, а момент любой деятельности, и их невозможно мысленно отделить от нее»³⁴. В конфронтации, в противоборстве человек находит себя, выстраивает отношения с внешним миром; и точно такие же отношения характерны и для политических субъектов. Научная революция утверждает роль движения в качестве базового состояния природы, и эта мысль переносится и на описание политики. Олицетворенные государства подчиняются тем же законам, что и физические тела. Война являет собой предел наличествующей между государствами политической поляризации и напряженности.

Поиск должного соотношения сил между государствами, появившимися в XVI–XVII вв., приводит к установлению системы баланса сил или политического равновесия. Сама по себе идея баланса сил не была изобретением Но-

³³ Там же. С. 387.

³⁴ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. С. 59.

вого времени. Уже в «Истории» Фукидида высказывается предположение, что опасения перед ростом мощи соперника могут заставить напасть на него: «...истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать»³⁵. После описания переговоров с союзниками спартанцев эта мысль повторяется: «...нарушить мир и начать войну лакедемоняне решили вовсе не в угоду союзникам и не под влиянием их убеждений, а скорее из страха перед растущим могуществом афинян, которые уже тогда, как видели лакедемоняне, подчинили себе большую часть Эллады»³⁶. Тем самым Фукидид усиливает впечатление об опасности лакедемонян понести стратегическое поражение в случае, если они никак не отреагируют на экспансионистскую политику афинян, которые могут установить господство над греческими полисами, даже и не вступая в прямое военное столкновение со Спартой.

В Новое время принцип баланса сил приобрёл особое значение в связи с провалом проекта построения единого, всеевропейского политического порядка. Мишель Фуко описывает механику реализации этого принципа следующим образом: «...если государства находятся по отношению друг к другу в конкуренции, то необходимо найти систему, которая позволяет насколько возможно ограничивать мобильность всех остальных государств, их амбиции, их рост, их усиление, но оставляя тем не менее каждому государству возможность добиваться своего максимального усиления, не провоцируя его противников и не доводя это усиление ни до своего собственного исчезновения, ни до своего ослабления»³⁷.

³⁵ Фукидид. История. М.: Ладомир; АСТ, 1999. С. 17.

³⁶ Там же. С. 52.

³⁷ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 387.

Важнейшие международные соглашения и мирные договоры несли на себе печать этого принципа. Вот что замечает об этом Генри Сент-Джон Болингброк, один из авторов Утрехтского мирного договора 1713 г., подписанием которого закончилась Война за испанское наследство (1701–1714 гг.): «...с того момента как образовались две великие державы — Франция и Австрия — и, как следствие этого, между ними возникло соперничество, интересы их соседей заключались в том, чтобы бороться с сильнейшей и наиболее активной и заключать союз и дружбу с более слабой. Отсюда — концепция равновесия сил в Европе, на котором покоятся безопасность и спокойствие всех. В свою очередь, нарушить это равновесие было целью каждого из соперников. Принцип, на котором основывались все мудрые решения европейских совещаний, касающихся Франции и Австрии, определялся стремлением предотвратить нарушение равновесия, не давая склониться чаше весов на одну сторону»³⁸. Военная история XVII — начала XVIII в., по мнению Болингброка, иллюстрирует нарушения равновесия сил, которое становилось иногда роковым для Европы. А задачу политика и помогающего ему историка он видит в наблюдении за чашами весов могущества, которые никогда не находятся в равновесии, но которые всё же не должны отклоняться чрезмерно³⁹.

Война в новой политической реальности, жёстко определяемой государственным интересом и идеей балансировки сил, начинает восприниматься как политический инструмент, значимый, но не единственный в арсенале средств межгосударственной борьбы. Итогом войны видят не истребление или преобразование грешника,

³⁸ Болингброк Г.С.-Дж. Письма об изучении и пользе истории. М: Наука, 1978. С. 81–82.

³⁹ Там же. С. 122.

а решение политического конфликта, связанного с ожиданием негативных последствий из-за нарушения баланса сил или вызванного агрессивными действиями соперника. В пространственном отношении государства представляют собой зоны порядка, безопасности и мира. Но поддерживается это состояние при помощи легитимного насилия, физического или символического, которое, согласно уточнению Бурдые, «является условием реального владения монополией на физическое насилие»⁴⁰. Насилие побеждается насилием. Внутри государства в качестве субъекта, который реализует это насилие, выступает полиция, на межгосударственной арене — армия. Государство как живой организм борется с болезнями внутри себя и с угрозами во внешней среде; оно всегда первично по отношению к средствам поддержания своей жизнедеятельности.

Суждение Карла фон Клаузевица о войне как продолжении политики другими средствами выражает именно такое, подчинённое положение, которое занимает война в Новое время. Телеология войны раскрывается Клаузевицем следующим образом — война не может иметь свою причину в себе самой, эта причина должна быть внешней, т.е. политической. Не религиозной, идеологической или экономической, а именно политической. Настоящая цель войны не всегда однозначно различима во время ведения боевых действий. Но она всегда наличествует и происходит из сферы политической борьбы. Определение, данное прусским генералом войне — «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»⁴¹, — надлежит понимать двояко. Боевые действия, или манёвры, вынуждают армию противника прекратить

⁴⁰ Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 50.

⁴¹ Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 20.

сопротивление — так достигается военная цель войны, но вследствие этого реализуется и правительственная воля, враг подчиняется и в политическом отношении. Итак, политическая цель войны, а не военная (лишить противника возможности сопротивляться) выдвинута на первый план. И цель эта состоит в навязывании противнику собственной воли. Достижение же этой цели лежит в области насилия. Такой инструментальный подход к войне действительно отражал положение дел Вестфальской эпохи международных отношений. И значимость Клаузевица в первую очередь связана с тем, что ему удалось выразить дух своего времени, сформулировать наиболее характерные представления о войне самых разных своих современников (политиков, юристов, философов): война ведётся государствами при помощи армий ради достижения политических целей.

Государству, и только ему, принадлежит прерогатива распоряжаться нормами *jus ad bellum* (лат., букв. — право или справедливость на войну) и *jus in bello* (лат. — право или справедливость во время войны), т.е. вся целокупность *jus belli* (лат. — прав войны)⁴², предполагающих возможность самостоятельно определять врага и бороть-

⁴² *Jus ad bellum* и *jus in bello* — латинские выражения, обозначающие принципы, соблюдение которых свидетельствует о том, что применение военной силы является справедливым и обоснованным. Буквальный перевод: «право на войну» и «право во время войны», соответственно. Нормы *jus ad bellum* — такие, как принципы правого дела (или справедливой причины, *justa causa*), крайнего средства, пропорциональности, вероятности успеха, добрых намерений, легитимной власти — позволяют ответить на вопрос «Почему можно начать войну?». Принципы *jus in bello* — пропорциональности и различия — отвечают на вопрос «Как вести войну?». В последнее время говорится также о нормах *jus post bellum* — «право после войны» — принципах, которыми следует руководствоваться при завершении военного конфликта и установлении мирного положения.

ся с ним, исходя из собственных понятий независимости и свободы. В этом исключительном праве государства на войну содержится огромная сила политического, которая ставит его над любой другой общностью. И Клаузевиц указывает на эту силу, на эту волю к решению — она в полномочии требовать от собственного народа готовности к смерти и решимости физически уничтожать всякого человека, который стоит на стороне врага.

Человек приходит к войне, движимый не всегда собственными интересами, а, скорее, в силу необходимости, определяемой государством. Философия войны, которую развивают Клаузевиц и другие авторы того времени, не говорит и не может говорить об отдельной личности, её главный действующий субъект — это сообщество индивидов, объединенных в государство. Война относится не к области наук или искусств, но к области общественной жизни, и является актом человеческого общения.

Клаузевиц понимал это очень точно, предлагая «тринитарную» модель войны, как называет её Мартин ван Кревельд⁴³. К у частникам войны прусский генерал причисляет армию во главе с полководцем, но также народ и правительство. Каждый из участников представляет одну из сил, проявляющих себя в войне и управляющих ею. Народу свойствен «слепой природный инстинкт», армии и полководцу — «свободная духовная деятельность», а правительству — «чистый рассудок»⁴⁴. В результате именно на правительство ложится обязанность контролировать страсти и духовные порывы, подчиняя их импульсы поставленной цели: «...страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и

⁴³ *Кревельд М., ван.* Трансформация войны. М.: Альпина Паблишер, 2005. С. 66–77.

⁴⁴ *Клаузевиц К., фон.* Указ. соч. С. 40.

таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели принадлежат исключительно правительству»⁴⁵.

Армия фактически выступает средством, инструментом в руках правительства, и единственной её задачей становится решение политических конфликтов. Постепенно этот идеал будет претворяться в жизнь. Армия будет освобождаться от полицейских, охранных, спасательных функций. Она будет набираться и готовиться для одной цели — вступить в бой с такой же армией противника; партизанские действия, набеги и грабежи перестанут считаться легитимными способами борьбы. Одновременно будет расти уровень профессионализма солдат. Военная служба перестанет быть делом незначительного круга благородных людей. Появится система рекрутских наборов и призывов. В ходе Французской революции произойдёт первая массовая мобилизация (*levée en masse*) — под ружьё попытаются поставить всех холостых мужчин возрастом от 18 до 25 лет. В законе о конскрипции (призыве) Журдана-Дельбрея от 5 сентября 1798 г. утверждалась идея вооружённой нации: «каждый француз — это солдат, и обязан защищать отечество». Подобное выделение особой роли солдата и военного долга сказалось на появлении профессионального солдата, занятого только службой и ничем иным. Вместе с тем такое обособление солдата — пожизненная или многолетняя служба, размещение солдат в казармах или лагерях — делало всё прочее население государства исключённым из военной сферы. Разделение на комбатантов и гражданских лиц будет обладать не только теоретическим, но и практическим значением; для групп разного статуса будут заданы различные права и меры дозволенного в войне.

⁴⁵ Там же.

Распространение симметричной или регулярной войны, в которой равные по своему статусу (государства) сражаются при помощи примерно равных сил (регулярных армий), позволит Гегелю говорить о гуманизации войн⁴⁶. В какой-то степени это действительно верный вывод — в эпоху Нового времени значительно меньшее число потерь приходится на долю гражданского населения. Безусловно, оно могло пострадать. Например, если находилось на линии боевых столкновений. Но непосредственно против него не было направлено острое военного насилия, оно не было основной целью войны, как это нередко случалось в Средние века.

Такая «тринитарная война, основанная на идее государства и различении правительства, армии и народа, была неведома большинству обществ на протяжении всей истории»⁴⁷. Учреждение порядка, в котором такая война стала возможной, имело значительные последствия для европейской истории. Мышление посредством однозначно определённых бинарных оппозиций⁴⁸ войны и мира, друга и врага, комбатанта и гражданского лица, законной и неприемлемой жертвы позволяло сделать войну чуть менее жестокой и поставить под защиту значительные категории людей.

Есть и ещё один важный момент, характеризующий тип войны, появившийся в Новое время. Война воспринимается в этот период как абсолютно рациональная, осмысленная и логически оправданная форма политического взаимодействия. «Содействие разума» не исключает войны, поэтому ошибкой, по мнению Клаузевица, будет сказать, что с развитием просвещения войны исчезнут, поскольку люди станут более цивилизованными, образо-

⁴⁶ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 368.

⁴⁷ Кревельд М., ван. Трансформация войны. С. 98.

⁴⁸ Мюнклер Г. Осколки войны... С. 10–11.

ванными и гуманными⁴⁹. Но цель этой рационализированной войны — мир, а не уничтожение противника. Боевые действия служат необходимым этапом на пути к заключению мирного договора на условиях, выгодных победителю, но который, как правило, не предполагал аннигиляции одного из противников или полного поглощения его территории. Гегель в своей теории государства фиксирует невозможность истребительной войны. Проигравшим в такой войне будет в том числе и государство-победитель. Существование государств возможно только во взаимном признании, и если некому признавать данное государство, значит, этого государства не существует. Но при этом ограниченная межгосударственная война — это каталитический момент развёртывания истории, необходимый для продолжения политической жизни. Гегель проводит аналогию между отсутствием войны и состоянием, в котором оказываются озёра, вода которых не тревожится ветром. Такие озёра со стоячей водой постепенно превращаются в болота. Война же — это ветер, который не даёт воде застоиться⁵⁰.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУКИ О ПРАВЕ ВОЙНЫ И МИРА

Новое время ищет новые ответы на вопросы о допустимости войны и смысле мира и пытается найти моральную оценку применению военной силы. Международная

⁴⁹ Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 20.

⁵⁰ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 360. Подобные мысли высказывались ещё Платоном, который одинаково осуждал излишнюю агрессивность и миролюбие. Граждане полисов, которые стараются во что бы то ни стало избежать войн, становятся излишне мягкими и трусливыми. В случае нападения они сдадутся и тем самым утратят свою независимость. См.: Платон. Политика // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Ч. 4. М.: Мысль, 1994. С. 78. 307е.

политика не могла регулироваться исключительно представлениями о национальном интересе и балансе сил. В это же время идёт процесс становления международного права, опорой которому служит не только теория права и политическая философия, но и развитие дискуссии об этике войны и мира. Традиционно Гуго Гроций называется отцом современной науки о международном праве. В данном случае не будем пускаться в дискуссию о первенстве — вклад нидерландского юриста очевиден и внушительен. Именно его «Три книги о праве войны и мира» зададут основные траектории обсуждения проблем, связанных с ведением справедливой, т.е. законной и нравственно оправданной войны.

Будучи блестяще образованным, Гроций опирался в своей работе на обширный корпус литературы — от Священного Писания и греческой философии до современных ему работ по праву и политике. И эту традицию следует иметь в виду при рассмотрении теории Гроция, равно как и при обсуждении вопроса о современной этике войны и мира. По мысли Гроция, народы взаимодействуют друг с другом на основании норм естественного права. Хотя концепция самого Гроция остаётся предельно теологизированной, сила этих норм столь велика, что они могли бы существовать и быть очевидными, даже если допустить, «что бога нет или что он не печется о делах человеческих»⁵¹, согласно аккуратному предположению, которое в Пролегоменах к «Трёх книгам» сделал Гроций. Свойственные человеку стремление спокойно жить в обществе и разумность позволяют открыть законы естественного права, а поскольку природа разума универсальна, то и нормы естественного права универсальны и общезначимы. Они действуют для всех разум-

⁵¹ Гроций Г. Указ. соч. С. 47. Примечательно, что Гроций делает оговорку: подобная мысль — тягчайшее преступление.

ных людей вне зависимости от их подданства или верований.

Гроций отказывается от представления, будто всё, что человек делает, он делает только исключительно ради своей выгоды. Природа человека наделила его склонностью к общению с другими людьми. Она заставляет людей искать взаимной выгоды, т.е. справедливости. Природной же оказывается способность разума узнать морально необходимое и морально «позорное», т.е. выносить суждения о том, что соответствует естественному праву. Ради поддержания общественного порядка человек будет уважать право собственности, возмещать причинённый ущерб, соблюдать обещания и выполнять условия договоров, воздавать заслуженное наказание, соблюдать меру в распределении благ. Это и есть основные нормы естественного права.

Наличие этих принципов позволяет выстраивать отношения между отдельными людьми и между народами. Однако помимо них существует ещё один источник нормативности, который позволяет выстраивать отношения с соседями мирно и справедливо. Вот как доказывает его происхождение и существование сам Гроций: «...подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть то право, которое называется правом народов»⁵².

Итак, нормы естественного права универсальны и неизменны, они очевидны для каждого разумного человека. Принципы права народов (*ius gentium*) основаны на соглашении, поэтому они могут меняться время от вре-

⁵² Там же. С. 48.

мени и иметь различное прочтение в разных обстоятельствах. Что касается права войны и мира (Гроций в большей степени пишет о праве войны), то оно формируется на стыке естественного права, права народов, а также божественного права — такого, которое связано с проявлением Божией воли. Все эти источники позволяют сказать, в каких случаях допустимо начинать войну и что дозволено на войне. Второй вопрос не менее важен, чем первый. Как мы уже указывали выше, Гроций сравнивает войну с судебным процессом. Суд будет законным и справедливым только в случае, когда, во-первых, к ответу привлекается правонарушитель, а во-вторых, когда процесс его осуждения и наказания соответствует нормам права и морали. Это же относится и к войне, которую необходимо начинать и вести справедливо.

Справедливыми причинами войны Гроций считает: самозащиту (*defensio*), возвращение имущества (*recuperatio rerum*), наказание (*punitio*), а также оказание помощи союзнику или любому народу, попавшему в беду. На государство, таким образом, возлагается обязанность или, точнее сказать, предоставляется возможность следить за соблюдением естественных прав и выступать защитником невинных, если в их отношении «творится явное беззаконие, если какой-нибудь Бузирис, Фаларис или Диомед Фракийский творит над подданными такое, что не может быть оправдано никем, кто не утратил справедливости»⁵³. Гроций не слишком подробно останавливается на этом вопросе, но сказанное им необходимо учитывать в дальнейших дискуссиях о праве вмешательства во внутренние дела другого государства по соображениям морали и гуманности.

Несмотря на то что среди справедливых причин войны Гроций выделяет наказание, наиболее важной он всё

⁵³ Гроций Г. Указ. соч. С. 562.

же считает самозащиту. Она естественна, так как каждый человек обладает правом распоряжаться своей жизнью и делать всё для её защиты. Равно и государство должно делать всё для своей обороны. Примечательно, что вопрос о наказании как причине войны хотя и рассматривается Гроцием, но занимает совсем скромное место. Скорее мы видим, что проблема наказания начинает интерпретироваться как часть дискуссии об ответе за правонарушение и возмещение вреда. Фактически наказание перестаёт быть причиной войны и превращается в цель войны, причём не столь значимую, как ретрибуция. Учение о праве и этике войны начинает приобретать всё более секулярную форму, поэтому вопрос о наказании грешника и воздаянии ему не воспринимается более как значимый элемент дебатов о войне.

Влияние Гроция на последующее развитие науки о международном праве было довольно сильным. Несмотря на критику последующие поколения политических теоретиков будут действовать в рамках предложенной Гроцием парадигмы, основу которой составляет учение о естественном праве и праве народов. По этому пути пойдут такие авторы, как Самуэль фон Пуфендорф, Джон Локк, Адам Смит и многие другие. Однако нам стоит указать на ещё одну ветвь развития учения о международном праве XVII–XVIII вв., которая оказалась столь же плодотворной и значимой для современной дискуссии о праве и этике войны и мира. Это направление связано с такими авторами, как Томас Гоббс и Эмер де Ваттель. В какой-то степени при обсуждении проблем межгосударственных отношений они пользуются тем же языком и инструментарием, что и Гроций. Однако выводы их о моральном статусе участников конфликтов или о допустимых средствах ведения войны отличаются от того, что мы находим в традиции, связанной с нидерландским мыслителем.

Так, согласно Гоббсу, война всех против всех не прекратилась абсолютным образом после учреждения гражданского состояния и появления государства, но сменилась войной одного народа против другого, одного государства против другого. Но, как пишет Гоббс, «там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет несправедливости. Сила и коварство являются на войне двумя основными добродетелями»⁵⁴. Государства в отношениях между собой будут стремиться к наибольшей выгоде для себя и не будут способными к соблюдению норм, продиктованных моралью войны.

Ваттель не приемлет подобного радикализма. Однако позиция его в чём-то более сложная, нежели позиции Гроция и Гоббса. С одной стороны, он утверждает: «...законы естественного общества настолько важны для блага всех государств, что если бы вошло в обычай их попирать, то ни один народ не мог бы рассчитывать уцелеть и спокойно жить... Все нации имеют право применить силу к той из них, которая открыто нарушает законы установленного природой общества или прямо выступает против благополучия этого общества»⁵⁵. В то же время мы уже приводили его слова о том, что каждая нация судит о необходимом и допустимом по своей совести. Государства ориентируются в первую очередь на собственные интересы (*raison d'État*), в этом и заключается их сущностная характеристика, именно поэтому Ваттель и отмечает релятивизацию справедливости, когда каждое государство начинает трактовать её по-своему. Не существует судьи народов, который мог бы выступить в споре государей, поскольку все они находятся между собой в естественном состоянии, где действует Гоббсово правило «*non est potestas super terram quae com-*

⁵⁴ Гоббс Т. Левиафан... С. 97.

⁵⁵ Ваттель Э. Указ. соч. С. 33.

paretur ei»⁵⁶. Государства в праве требовать от других государств соблюдения норм общежития, но не могут осудить нарушителя этих норм как морального преступника. Даже государство, спровоцировавшее войну, не лишается своего юридического и морального статуса и не перестаёт рассматриваться в качестве носителя суверенных прав.

Это равенство статусов порождает правовой порядок, который Карл Шмитт назвал *jus publicum Europaeum*⁵⁷. В рамках политического единства европейских народов выстраивались особого рода отношения, которые находили свое проявление в регулярном характере войны, оберегаемой межгосударственным правом. Войну, которая представляла собой столкновение суверенных носителей *jus belli* и предполагала борьбу со справедливым врагом (*justus hostis*), вели регулярные, государственные армии.

«Оберегание войны» (*Hegung des Krieges*), по замечанию Шмитта, дало европейской гуманности нечто экстраординарное: отказ от криминализации, дискриминации и диффамации врага, релятивизацию вражды и отрицание абсолютной вражды. Война понималась как столкновение политических субъектов, равных по своему статусу, признающих суверенитет друг друга и действующих на основании единого для всех, «нейтрального, чисто гуманистического *jus naturale et gentium*»⁵⁸. Отношение к врагу не как к грешнику или преступнику, а как к справедливому и равному партнеру с таким же правом на существование и самооборону, означало, что с этим врагом можно заклю-

⁵⁶ Иов. 41:25: «Нет на земле подобного ему». Сентенция, представленная на фронтисписе первого издания «Левифана» Томаса Гоббса. Обычно переводится как «нет на земле власти, которая бы сравнилась с ним».

⁵⁷ Шмитт К. Номос земли...

⁵⁸ Там же. С. 122.

чать мирный договор и продолжать политическое сосуществование по завершении войны.

* * *

Если обобщить всё, сказанное выше о войне в Новое время, то у нас получится следующий образ. В эту эпоху в Европе появляется особый институт, централизующий управление всеми социальными и политическими процессам — государство. Государство присваивает себе право на войну и ведёт её при помощи регулярной армии против другого государства. На место средневековой оппозиции грешника и мудрого/целомудренного воителя в Новое время встаёт противопоставление субъекта, обладающего законным правом на ведение войны, и не обладающего таковым. Последний будет восприниматься как мятежник или преступник, который пытается нарушить монополию государства на применение физического насилия. Поскольку по своему статусу государства равны, такие войны называются межгосударственными или симметричными. Иначе войну этой эпохи можно назвать конвенциональной, т.е. ведущейся в соответствии с обычаями войны, представлениями о допустимых средствах и нормами международного права при помощи конвенциональных видов вооружения. Другой термин, подходящий для описания такой войны, — регулярная война. В ней однозначно выдержаны бинарности военного состояния и мирного, комбатанта и нонкомбатанта, друга и врага. Справедливой причиной войны признаётся агрессия — явная, когда государству приходится отражать нападение, или неявная, когда от противника исходит высокая степень военной угрозы или он чрезмерно усиливается политически или экономически. Целью войны, соответственно, является балансировка сил или восстановление *status quo*. Такая война представляет собой серию операций,

в ходе которых стороны при помощи сражений и маневрирования пытаются сломить сопротивление противника. Мирное соглашение завершает войну, после чего с неприятелем могут быть восстановлены отношения. Как писал об этом переходе от войны к миру Клаузевиц: «При заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, и напряжение ослабевает, ибо все склонные к миру умы... совершенно отходят от линии сопротивления»⁵⁹.

ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА

Описанная выше конвенциональная, оберегаемая и в известном смысле гуманизированная война, ведущаяся в соответствии с формализованными догмами военного права и обычаями войны, представляла собой столкновение исключительно политических субъектов. Она была ограничена политическими целями, сдерживающими антагонизм сторон. Нацеленная скорее на поддержание равновесия сил, эта война не ставила целью полное истребление или уничтожение противника. Враг в такой войне признавался законным или справедливым, его политическая субъектность не подвергалась сомнению. Потому, например, у Канта мы встретим рассуждение о том, что в случае появления несправедливого врага, с которым связана перманентная угроза всеобщей безопасности, необходимо создать коалицию государств, действующих против него. Эта коалиция объединяется для того, чтобы произвести смену режима, но *«не для того, чтобы разделить страну врага и как бы стереть ее с лица земли, так как это было бы несправедливостью по отношению к народу [этой страны], который нельзя лишить его первоначального права — права объединения в общ-*

⁵⁹ Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 42.

ность»⁶⁰. Надо оговориться, что положение было характерным не для войны вообще, но для войны между европейскими народами.

Война в это время подчиняется следующей логике. Военные цели прежде всего имеют своим объектом вооруженные силы противника и его волю к сопротивлению. Политические же цели, из которых рождается война, определяются правительством, они выстраиваются вокруг государственных интересов. Таким образом, уровни политических и военных целей оказываются разведёнными и политические цели занимают главенствующее положение, управляя войной и направляя её. На фоне действия политических задач и целей война становится всего-навсего орудием, инструментом, с помощью которого эти цели достигаются, и только в абстрактной, идеальной форме политическая и военная цель совпадают. Однако уже в XX в. люди столкнулись с тем, что абсолютная, тотальная, ничем не сдержанная война оказывается реальностью и затрагивает не только миропорядок политических субъектов, но угрожает бытию каждого отдельного индивида. Это превращение ограниченной конвенциональной войны в тотальную войну требует отдельного рассмотрения.

Клаузевиц, выстраивая свою теорию, использовал понятие идеальной войны — абстрактный термин, которым он обозначал военный конфликт, не знающий политического ограничения. В этом конфликте наблюдается крайний предел напряжения и стороны взаимно устремляют друг друга к крайности проявления насилия. Однако в действительности, по мнению Клаузевица, подобные крайности и идеальные формы вряд ли достижимы. Естественным ограничением устремления войны к своему предельному состоянию служат всевозможные тре-

⁶⁰ *Каит И.* Метафизика нравов в двух частях. С. 387.

ния. Войне очень сложно принять свой абсолютный облик в силу воздействия на неё «непоследовательности, неясности и слабости человеческого духа»⁶¹. Не всегда она идет, сообразуясь с законами разума, и в соответствии с определёнными изначальными целями. Просчёты, страх и даже влияние погодных условий может нарушить планы, разработанные в штабах или правительственных кабинетах. А самое главное, что война всегда остаётся ограниченной политическими мотивами. То есть философское, идеальное понятие войны далеко от того, что имеет место в действительности. Как только война приняла бы форму ничем не ограниченного насилия, «она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики, как нечто от нее совершенно независимое»⁶². Ограниченность войны сохраняет её политическое измерение; перестав быть сдержанной, выйдя за пределы политического, она превращается в тот вид войны, который в XX в. назвали тотальной войной.

В каком-то смысле идея тотальной войны представляет собой развитие мысли Клаузевица: война являет собой масштабный конфликт двух государств или коалиций, где теоретически взаимному применению насилия нет пределов. Но то, что немецкий генерал предполагал лишь как идеальный, абстрактный образ войны, в тотальной войне становится действительностью — мы сталкиваемся с «абсолютным проявлением насилия»⁶³, а сама война, как видно из приведённой в предыдущем абзаце цитаты, перестаёт быть политическим актом, приобретая самодовлеющее положение.

Мы можем вслед за Мартином ван Кревельдом указать на немецкого фельдмаршала барона Кольмара фон

⁶¹ Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 521.

⁶² Там же. С. 14.

⁶³ Там же.

дер Гольца как на одного из первых авторов, ясно описавших сущность тотальной войны в книге «Вооруженный народ»⁶⁴. Гольц издал свой труд в 1883 г. и утверждал там, что «время кабинетных войн минуло. Теперь решает дело не утомление одного лица, стоящего во главе нации, или одной какой-либо господствующей партии, но только истощение борющихся народов... Войны в настоящее время сделались совершенно национальным делом. Даже и тот, кто лично не одобряет войны, считает долгом посвятить себя ей всецело, когда судьба отечества зависит от победы или поражения, и всякий находит такой поступок добродетельным»⁶⁵. Экономическое, техническое, культурное, интеллектуальное развитие нации делает её крайне уязвимой в случае военной угрозы, поэтому Гольц приходит к утилитаристскому по своей сути заключению: развитые народы должны постоянно готовить себя к войнам. Причём, поскольку война становится делом всей нации, речь идёт не только о совершенствовании военного мастерства и накоплении материальных средств, но и о наращивании нравственных сил. Война подчиняет себе всё, в том числе и политику. Тезис Клаузевица о войне как продолжении политики оборачивается своей противоположностью.

Клаузевиц полагал, что народ представляет собой одну из сил, участвующих в войне, но ограничивал его роль каталитической функцией. Он должен был дать чувство ненависти и вражды, которые усиливают непримиримость политиков и военачальников. Гольц соглашается с тем, что страсти, коренящиеся в народных представлениях,

⁶⁴ Гольц К., фон дер. Вооруженный народ / Соч. об устройстве армии и образе ведения войны в наше время бар. Кольмара ф. д. Гольц, подполк. королевско-прус. службы. СПб.: Воен. тип., 1886; Крегельд М., ван. Трансформация войны. С. 77–79.

⁶⁵ Гольц К., фон дер. Указ. соч. С. 7.

разжигают воинственность. Но в эпоху господства всеобщей воинской повинности значение народных масс не исчерпывается одной лишь психологической составляющей. Армия потенциально может вобрать в себя всех, кто способен носить оружие. Таким образом, в эпоху массовых армий мобилизуется весь народ. Техника предоставляет людям идеальные средства уничтожения, поэтому в эпоху технической и политической тотальности истребительный потенциал оружия увеличивается вместе с ростом населения и развитием промышленности. Результатом такой войны становятся тотальные потери и расходы — людские, технические, ресурсные, духовные. Массовые жертвы понесёт и гражданское население, в меньшей степени страдавшее от войн в предыдущие столетия. По итогам Второй мировой войны потери среди гражданских лиц многократно превзойдут число убитых военных.

Мобилизованными оказываются также и все сферы общественной жизни, которые подчиняются военным нуждам. Политика, экономика, даже наука и искусство встают на службу господствующей цели обретения военной победы. Людвиг фон Мизес следующим образом описывает эту ситуацию: «...[государства. — *А. К.*] не позволяют своим подданным остаться в стороне; всё население рассматривается как элемент вооружённых сил. Кто не может воевать, должен работать, участвовать в снабжении и вооружении армии»⁶⁶.

Поскольку все силы государства приводятся в напряжение и подчиняются одной только цели — вооружённой борьбе, итогом которой должно стать полное, тотальное уничтожение противника, — исчезает бинарность, присущая войне Нового времени. По замечанию британского политического теоретика Мэри Калдор, «в тотальной

⁶⁶ *Мизес Л., фон.* Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. С. 148.

войне публичная сфера стремится охватить собой все общество в целом, таким образом упраздняя само различие между публичным и частным. Соответственно, начинает стираться и различие между военными и гражданскими, между комбатантами и нонкомбатантами»⁶⁷. Подобное тотальное вовлечение в войну с неизбежностью ставит вопрос о личном вкладе в войну и победу. Каждый призывается к борьбе — либо фактической, на поле боя, либо к не менее изнурительной физической — на производстве, либо к идейной. Вся территория враждующих государств представляет собой линию фронта. Борьба ведётся не только огнестрельным или холодным оружием, но и каждодневным трудом, молитвой, размышлением. Русский философ Сергей Николаевич Булгаков так отозвался на начало Первой мировой войны: «...не все призываются к борьбе с врагом внешним, но к борьбе с духовным врагом, расслабленностью и маловерием, призваны все»⁶⁸.

Из столкновения двух государств и двух армий, как это было в классических войнах европейских народов, конфликт перерастал в решающую битву двух мировоззрений, одновременное сосуществование которых было невозможным. Особенно явным это стало во время Второй мировой войны, изначально представлявшей собой конфликт идеологий. Война начинает восприниматься как последняя битва добра со злом. Отсюда полуполюгендарная фраза Черчилля: «...если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в Палате общин»⁶⁹. Завершить такой конфликт дол-

⁶⁷ Калдор М. Новые и старые войны. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. С. 75.

⁶⁸ Булгаков С.Н. Русские думы // Русские философы о войне. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 315.

⁶⁹ Nagorski A. The Greatest Battle: Stalin, Hitler, and the Desperate Struggle for Moscow that Changed the Course of World War II. N.Y.: Simon & Schuster, 2008. P. 150–151.

жен «не “договор” и не “мир”, и уж тем более — не “мирный договор” в международно-правовом смысле, но обвинительный приговор победителей побежденному. Этот последний в дальнейшем клеймится как враг тем более, чем более он побежден»⁷⁰. Победа абсолютизируется и может заключаться только в уничтожении враждебного миропорядка. Обе тотальные войны заканчивались именно таким образом: Первая мировая — крушением империй центральных держав, Вторая мировая — капитуляцией Третьего рейха и исчезновением единой Германии.

Подобная интенсификация войны и предельная вовлечённость народов в конфликты приведёт к тяжелейшему переживанию войны. Это заметно по реакции населения непосредственно во время войны. Так, воодушевление 1914 г. очень быстро сменилось разочарованием и усталостью от войны. Перемена в настроении заметна даже в интеллектуальных кругах. В качестве примера можно привести эволюцию восприятия войны членами Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва, куда входили многие видные русские философы: Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. В октябре 1914 г. они провели заседание, на котором, несмотря на некоторые разногласия, единодушно высказались в пользу того, что Великая война представляет собой событие особого порядка, которое требует от России проявления всей её духовной мощи. Казалось, что Российская империя должна в ходе войны решить «мировую задачу» и, добившись победы, преобразиться и подняться на новый уровень духовности. Однако со временем тон и содержание дискуссий о войне в философском обществе меняется. Затяжной характер конфликта исчерпывает силы не только бойцов, сидящих в окопах от Прибалтики до Румынии и

⁷⁰ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 382.

Кавказа, но и воинов-интеллектуалов. Неудачи на фронтах поставили под сомнение изначальную святость миссии России, попрали веру в её духовную чистоту и особую мощь. С.Л. Франк следующим образом формулирует вопрос, с которым столкнулась мыслящая Россия: не было ли допущено ошибки в нравственной оценке противника? И отвечает на него пугающим образом — Германия, если и не преодолела духовный упадок, смогла за счёт своего нравственно-волевого начала найти основания для ведения продолжительной и временами успешной борьбы⁷¹. Россия же не смогла в ходе войны сохранить чистоту своей высокой цели, обратилась к неприемлемым средствам борьбы, а потому идёт ложной дорогой, всё чаще попустительствуя безнравственному и постыдному⁷². Подобное переосмысление войны не было уникальным для русского философского сообщества. Переживание травматического опыта Великой войны будет определять умонастроения во многих странах Европы вплоть до 1939 г. Усталостью и ужасом от Великой войны можно объяснить и странную войну 1939–1940 гг. Стремлением избежать большой войны будут продиктованы многие решения эпохи холодной войны.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ ПОСЛЕ 1945 Г.

6 августа 1945 г. на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба «Мальш». Через три дня эта же судьба постигла ещё один японский город — Нагасаки. Было убито, по разным оценкам, более 150 тыс. человек, города

⁷¹ Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С.437.

⁷² Подробнее см.: Куманьков А.Д. Мировая задача России: члены Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва о Великой войне // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та. 2014. № 10. С. 81–86.

были основательно разрушены. Споры о военной необходимости применения ядерного оружия против японских городов ведутся до сих пор. В течение нескольких дней после удара по Нагасаки правительство Японии приняло решение о капитуляции, что означало окончание Второй мировой войны. И всё же моральная сторона подобного способа ведения войны и приближения победы вызывает вопросы, поскольку основной жертвой ударов стало гражданское население, которое было обречено на страшную смерть и мучения. Однако сам факт атомных бомбардировок имеет куда большее политическое значение. Его не стоит рассматривать всего лишь как один из эпизодов, пусть и ключевых, в истории Второй мировой войны. Последствия применения ядерного оружия продолжают сказываться по сей день, во многом определяя образ современной мировой политики. Кроме того, появление ядерного оружия у США, а четырьмя годами позднее и у Советского Союза и затем у ещё нескольких стран, непосредственно повлияло на трансформацию войны второй половины XX в.

Как отмечают авторы доклада «Ядерное сдерживание и нераспространение», ядерное оружие следует рассматривать «не как средство ведения войны, а как инструмент политического давления, сдерживания или устрашения других стран»⁷³. Паритет ядерных сил и угроза взаимного гарантированного уничтожения привели в действие систему ядерного сдерживания. Опасность ответного удара делает нападение на ядерную державу попросту неразумным шагом, заставляя отказаться от прямого военного столкновения с ней. Наблюдаемое после Второй мировой войны постепенное сокращение числа межгосударственных войн во многом связано именно с формированием так

⁷³ Ядерное сдерживание и нераспространение / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 12.

называемого ядерного клуба (США, СССР/Россия, Великобритания, Франция, КНР, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР).

Противостояние западного и восточного блоков во время холодной войны не завершилось открытым военным конфликтом во многом именно благодаря наличию у противоборствующих сторон атомного оружия. Биполярный мир знал серьёзные кризисы. Нередко стороны были готовы к открытой конфронтации, но представление о разрушительных последствиях, политической нестабильности, которая может быть связана с ядерной войной, всякий раз предотвращало мир от ядерной катастрофы. Безусловно, нельзя было говорить о полном умиротворении и торжестве гуманизма в политике. Война вытеснялась за пределы Европы и Северной Америки в страны третьего мира. Именно там Советский Союз, Соединенные Штаты и их союзники могли найти пространство для опосредованного столкновения между собой, оказывая помощь местным освободительным и революционным движениям и включаясь в антиколониальные войны. Но сама ситуация, когда государства отказываются применять свои армии в случае возникновения серьёзных угроз их национальным интересам, была уникальной. Таким образом, создание и применение ядерного оружия переформатировало всю систему международно-политических отношений, хотя и не было единственным фактором, оказавшим на неё влияние.

Ещё одним результатом Второй мировой войны, оказавшим существенное влияние на мировую политику и практику ведения войн, стало создание Организации Объединённых Наций (ООН) в 1945 г. В Уставе организации было зафиксировано, что основная её цель — «избавить грядущие поколения от бедствий войны»⁷⁴. Работа ООН

⁷⁴ Устав ООН. Преамбула.

в сфере поддержания международного мира и безопасности нередко критиковались. Её недостаточную эффективность сравнивали с недееспособностью Лиги наций, которая не смогла предотвратить Вторую мировую войну. Текущий формат организации Совета безопасности ООН, где правом вето обладают пять постоянных членов, приводит иногда к патовым ситуациям, когда из-за разногласий между государствами-членами не может быть положен предел эскалации военного напряжения. Однако само существование политического органа, заботящегося о реализации норм международного права, а также представляющего собой площадку для коллективного обсуждения актуальных международных проблем и пытающегося предотвратить начало вооружённых столкновений и содействовать прекращению огня, стоит признать необходимым элементом системы международной безопасности.

Среди факторов, оказавших влияние на изменение способа отношения к войне и практики её ведения, стоит отметить также и постепенно нарастающую делегитимацию войны. Война перестаёт восприниматься как абсолютно законный способ решения конфликтов, как это было ещё в первой половине XX в., и происходит это сразу по нескольким причинам.

Во-первых, международное законодательство осудило агрессивную войну как преступный акт. Эта норма была закреплена в пакте Бриана–Келлога 1928 г., где говорилось, что война не может служить орудием национальной политики. Затем в Уставе ООН 1945 г. и ряде последующих документов этой организации была зафиксирована возможность применения вооружённых сил только ради общих интересов, но не частных. Наконец, в 1974 г. была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии», в которой агрессивная война признавалась преступлением и декларировалось, что никакое территориальное приобретение или выгода,

полученная в ходе такой войны, не может считаться законной⁷⁵. Меняется также и понимание роли, которая отведена государству как институту, обладающему суверенитетом и правом на неприкосновенность границ.

Во-вторых, мы должны указать на особое отношение западных обществ к войне в это время, которое американский военный и политический эксперт Эдвард Люттвак назвал постгероической эпохой. Мы указали ранее, что «придуманное» Гоббсом государство выступало в роли поставщика охранных услуг. Гарантируя безопасность, оно в критические моменты получало право использовать население в качестве инструмента разрешения конфликтов. Правительство вело войны по своему усмотрению, набирая солдат и взимая военные налоги. Как пишет Люттвак: «...до сих пор по умолчанию предполагалось, что статус великой державы подразумевает готовность применять силу всякий раз, когда это выгодно, спокойно принимая при этом боевые потери — конечно, до тех пор, пока их численность будет пропорциональна масштабам завоеваний»⁷⁶.

Но в современном западном мире государство выступает не просто как гарант безопасности — с ним связываются представления о благополучной жизни, в которой нет места насилию, страданиям и рискам проиграть войну. Британский историк и исследователь войны, Майкл Ховард, сравнивает современное государство с корпорацией, которая обязана выплачивать дивиденды своим акционерам⁷⁷. Призывы к войне без действительно веских

⁷⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. XXIX сессия. Приложение № 31. С. 181–182.

⁷⁶ *Люттвак Э.* Стратегия. Логика войны и мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 96.

⁷⁷ *Howard M.* The Invention of Peace: Reflections on War and International Order. New Haven, CT: Yale University Press, 2001. P. 100. *Ховард М.*

причин, по каким-то туманным идеологическим основаниям уже больше не воспринимаются столь безропотно и не поддерживаются, как это могло быть ещё сто лет назад. Гегелевское обоснование значимости войны как средства поддержания жизненных сил и здоровья государства утрачивает свою объяснительную силу. Подготовка общественного мнения к принятию войны требует значительных усилий. Можно вспомнить долгую кампанию по обоснованию необходимости нанесения удара по Ираку в 2003 г. Неудивительно, что всё чаще войну пытаются представить не как крупномасштабный вооруженный конфликт, а как охранительную операцию. Отсюда и многообразие новых именовании для различных форм военных действий: контртеррористическая операция, операция по принуждению к миру или по поддержанию мира, гуманитарная интервенция, полицейская акция. Обыватель, привыкший к спокойной, умиротворённой жизни, представляющий систему, «которая существует за счет исключения смерти и идеалом которой является нулевая смерть»⁷⁸, в меньшей степени заинтересован в том, чтобы отправиться на военную службу и подвергнуться риску получить ранение или быть убитым. Постепенный уход в прошлое массовых армий, основанных на всеобщем призыве, тому подтверждение. Вместо рекрута и призывника основной боевой единицей становится профессиональный солдат-контрактник, принимающий опасности, на которые идёт, или боец частной военной компании. Но даже в этих условиях нулевая смертность понимается как важнейший ориентир при планировании боевых операций. Так, часто приводятся в пример события 3–4 октяб-

Изобретение мира: размышления о войне и международном порядке. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2002.

⁷⁸ *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 105.

ря 1993 г., когда потеря в одном бою во время сражения в Могадишо 18 американских солдат (казалось бы несопоставимые жертвы с уровнем дневных потерь во Второй мировой войне или Вьетнамской войне), вынудила правительство США покинуть Сомали, а также почти на десятилетие отказаться от сухопутных военных операций.

Согласно Люттваку, наступление постгероической эпохи означает конец проекта «великой державы», готовой применить военную силу для отстаивания своих интересов и ради этого свободно распоряжавшейся жизнями своих граждан. Причём связывает эти процессы американский теоретик не с особенностями политического развития стран запада, а с демографическими факторами: в постиндустриальных обществах размер семьи резко сократился, поэтому потеря единственного ребёнка воспринимается гораздо острее, нежели потеря одного сына из четырёх-шести, как это было в доиндустриальную и индустриальную эпохи. В результате оказывается, что гражданское общество в бывших великих державах (Россия, США, Великобритания, Франция, Германия) «настолько не переносит жертв, что в действительности демилитаризовано или близко к этому»⁷⁹. Херфрид Мюнклер, который не упоминает Люттвака в своём исследовании постгероической эпохи, сходится с ним во мнении относительно роли демографического фактора. Но он также обращает внимание на значение религиозного идеализма, отличающего героические общества от постгероических и нередко способствующего эскалации насилия за счёт ресурсов, позволяющих обосновать значимость жертвенности⁸⁰.

Таким образом, постгероизм следует понимать не как глобальный феномен, но как доминирующий способ восприятия войны в западном мире. Совмещение демографи-

⁷⁹ Люттвак Э. Указ. соч. С. 101.

⁸⁰ Мюнклер Х. Осколки войны... С. 157.

ческих факторов и особенностей духовного развития не позволяет относиться к войне и связанным с ней жертвам и потерям так же просто, как в прошлом. Но при этом с постгероическими обществами сосуществуют героические, в большей степени готовые к насилию и иначе относящиеся к смерти. Соответственно, вооружённые конфликты нашего времени следует рассматривать, имея в виду эту оппозицию героических и постгероических обществ и их взаимное влияние и столкновение.

В-третьих, помимо дегероизации западных обществ на восприятие войны влияет и новая фаза развития, в которой находится нововременной проект государства. Существует немало исследований, которые связывают трансформации в области силовой политики, если не с «концом истории», то, во всяком случае, с постепенным закатом государства эпохи модерна, которое появилось после Тридцатилетней войны, и было описано Ж. Боденом, Т. Гоббсом, С. Пуфендорфом, Дж. Локком и затем М. Вебером и другими авторами новоевропейской политической науки. Так, Мартин ван Кревельд ещё четверть века назад заявил, что «институт государства, возможно, находится на пути к исчезновению — и потому, что его способность противостоять организациям, подобным ему самому, все более сомнительна, и потому, что не имеет особого смысла сохранять лояльность организации, которая не сражается, не может и не будет сражаться»⁸¹. Схожее рассуждение мы находим и у М. Калдор: «Изменения государства происходят по-разному, и... самый важный аспект этой трансформации состоит в изменении роли государства в отношении организованного насилия»⁸².

Другими словами, государство, позиционировавшее себя как монополист в сфере применения легитимного

⁸¹ *Кревельд М., ван.* Трансформация войны. С. 289.

⁸² *Калдор М.* Новые и старые войны. С. 383.

физического насилия сталкивается сразу с двумя проблемами. Оно перестаёт восприниматься как источник безопасности и защитник общего блага. Именно исполнение этой роли предоставляло государству право рекрутировать военнотружущих, использовать их по своему усмотрению, а также проводить финансовую политику, обеспечивающую военные расходы. Но сейчас многие государства утратили само желание участвовать в активной политической жизни и вооружённых конфликтах, а также развивать армию и военные технологии. Достаточно вспомнить о периодически повторяющихся требованиях США в отношении своих союзников по НАТО увеличить государственные расходы на оборону до размера не менее, чем в 2% ВВП. Кроме того, происходит процесс размытия монополии государства на насилие. Как мы уже отмечали, государство на протяжении долгого времени обладало монополией на войну, обусловленной узурпацией права на насилие верховной властью, однако в прошлом столетии государство стало стремительно утрачивать это уникальное право. Давление на государство идёт как сверху, так и снизу. Сверху стоят межгосударственные организации, глобальные и региональные, как, например, ООН или НАТО, которые выстраивают собственные способы отношения и обращения к военному насилию. Снизу — частные военные компании (ЧВК), повстанцы, террористы, сепаратисты, крупные преступные группировки, держащие собственные армии, в общем, все, кто пользуется слабостью или отсутствием государства в данном регионе для того, чтобы самостоятельно заниматься военной деятельностью. Естественно, сказывается и то, насколько самостоятельны или, наоборот, зависимы государства от влияния локальных лидеров или глобальных сверхдержав. Таким образом, условия, в которых идут современные войны, чаще всего определяются тем, что государство не готово заниматься войной и(или) теряет мо-

нополюю на организованное насилие, поскольку появляются новые силы, претендующие на право вести войны.

Все эти трансформации в понимании условий общественного договора делают войну непопулярной и чрезвычайно дорогой в политическом смысле. Правительства вынуждены ограничивать свои амбиции ястребов. Крупный конфликт становится всё менее желательным, поскольку может привести к непредсказуемым политическим последствиям на внутренней политической арене. Государство перестаёт восприниматься в качестве политического субъекта, способного решить проблемы безопасности, к тому же нередко задачи, ставившиеся в прошлом перед вооружёнными силами, передаются частным военным компаниям.

Однако это не означает, что война в принципе исчезает или перестаёт быть возможной. Скорее, мы вступили в период, когда межгосударственные войны будут редкостью и доминирующей формой военного конфликта станут так называемые новые войны (о них подробнее будет сказано в следующей главе). Они новые не потому, что человечество никогда не сталкивалось с такого рода конфликтами. Их новизна заключается в том, что они сменяют старую, классическую, регулярную войну Нового времени, которая велась государствами при помощи армий в условиях, когда государства воспринимали право войны как свое естественное право и могли требовать от своих граждан участвовать в этих войнах и жертвовать своими жизнями, полностью подчиня себя Левиафану.

Глава 2

Как изменилась война на рубеже тысячелетий¹

Всякая эпоха имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия, свои собственные затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также и свою собственную теорию войны, если бы даже всюду рано или поздно люди были склонны разрабатывать эту военную теорию сообразно философским принципам².

Карл фон Клаузевиц

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

В ПРОШЛОМ столетии война претерпела множество трансформаций. В первой половине XX в. разыгрались две тотальные войны, последствиями которых стали колоссальные военные потери, уничтожение не-

¹ Некоторые части этой главы были опубликованы ранее: *Куманьков А.Д.* Теория справедливой войны в XXI в.: основные задачи и проблемы // *Философия. Язык. Культура* / отв. ред. В.В. Горбатов. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2014. С. 352–365; *Куманьков А.Д.* Мнимая трансформация войны // *Философия. Язык. Культура* / отв. ред. В.В. Горбатов, А.В. Марей. Вып. 6. СПб.: Алетейя, 2015. С. 329–340.

² *Клаузевиц К., фон.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 701.

скольких десятков миллионов гражданских лиц, разрушение инфраструктуры на территории десятков государств, распад и создание новых государственных образований. Затем изобретение и применение ядерного оружия, возможно, удержало мир в эпоху идеологического противостояния между коммунизмом и капитализмом от третьей мировой войны. Столкновения между сверхдержавами не могли проходить в форме фронтальной войны, но на периферии пылало множество кровопролитных, затяжных конфликтов, которые сопровождали холодную войну на всём её протяжении. Также война прошла процесс криминализации в ходе выстраивания системы международного права. Агрессия была определена как преступление, соответственно, война за исключением ряда случаев, связанных с самообороной или защитой прав человека, перестала считаться легитимным политическим средством. Кроме того, в первом мире в связи с повышением значимости индивидуальной жизни и ростом уровня экономического благосостояния война в своём традиционном образе столкновения двух государств перестала восприниматься как приемлемая практика. Цена боевых потерь стала чрезмерно высокой, а общественная реакция на них также склоняла к демилитаризации политики западных государств.

Оценивая эволюцию войны после 1945 г., можно прийти к выводу, что межгосударственная, конвенциональная, регулярная война, появившаяся в XVII–XVIII вв., пребывает в кризисе. После 1945 г. лишь в редких случаях одно государство открыто воевало с другим, хотя иногда масштаб таких конфликтов был действительно значительным, как это случилось во время Корейской, Вьетнамской или Ирано-иракской войн. Как мы отметили выше, классическая нововременная война характеризовалась высокой степенью регулярности, упорядоченности и была непосредственным образом связана с государством — единственным политическим субъектом, способным начинать, ве-

сти и заканчивать войны. Завершением конфликта должно было стать заключение выгодного договора, после чего могли быть восстановлены добрососедские отношения, как политические, так и экономические. Ключевой характеристикой такой борьбы можно назвать, в терминах К. Шмитта, оберегание врага. Существенным оказывается, что война такого типа не была борьбой на полное уничтожение, не была нацелена на истребление армии и гражданского населения противника и изменение формы правления во вражеском государстве. Война, как бы странно это ни звучало, была основой жизни государства, оказывая непосредственное влияние на его развитие, прогресс промышленности и экономики и способствуя унификации нации. Взаимосвязь войны и науки, войны и культуры отмечал Кант. В «Критике способности суждения» он пишет: «...несмотря на ужасающие бедствия, которым война подвергает человеческий род, несмотря на, быть может, еще большие бедствия, которые вызывает в мирное время постоянная подготовка к войне, все же война есть еще одна побудительная причина к тому, чтобы до высшей степени развивать все таланты, которые служат культуре»³.

И вот мы замечаем, что европейская государственная система, выстроенная вокруг функции ведения войны, в этих условиях начинает подвергаться эрозии. Происходит то, что Мартин ван Кревельд называет «утратой веры» в государство, смертный бог Левиафан проходит через процесс секуляризации. Государство перестаёт восприниматься как источник безопасности и стабильности. Граждане государств не готовы принимать на себя роль «одушевлённых инструментов»⁴ (human instruments), ко-

³ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. С. 275.

⁴ Термин использовал Майкл Уолцер: *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. N.Y.: Basic Books, 2006. P. 36. Возможно при этом Уолцер цитировал Аристотеля: «Во всех

торыми распоряжаются правительства. А само государство, с его разросшимся бюрократическим аппаратом, скорее терпят, нежели восхищаются им⁵.

По мнению американского социолога Чарльза Тилли, мы становимся свидетелями ухода в прошлое государственной системы, выстраивавшейся по европейскому образцу, с характерной для неё автономией суверенных государств. Тилли называет множество признаков разложения этой системы: «...безвыходное положение ООН, вытеснение быстро складывающихся альянсов устойчивыми военно-экономическими блоками, формирование таких образований, которые имеют рыночные связи, Европейское экономическое сообщество и Европейская ассоциация свободной торговли, интернационализация капитала, появление корпораций, капитал которых находится повсюду и нигде, требование автономии и национального состава в уже существующих государствах, что может привести к дроблению на кусочки некогда целого пирога, озабоченность внутренними проблемами Соединенных Штатов и Советского Союза, активизация национальных движений в бывшем СССР, получение значительной власти в мире демилитаризованными странами — Японией — перспектива или угроза, что Китай распространит свою громадную организационную, демографическую и идеологическую власть на весь мир»⁶. Почти три десятилетия,

ремеслах с определенно поставленной целью нужны бывают соответствующие орудия, если работа должна быть доведена до конца, и из этих орудий одни являются неодушевленными, другие — одушевленными (например, для кормчего руль — неодушевленное орудие, рулевой — одушевленное), потому что в искусствах ремесленник играет роль орудия» (*Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 381. 1253b*).

⁵ *Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 507.

⁶ *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. С. 322.

прошедшие с момента публикации книги Тилли, подтверждают, во всяком случае частичную, правоту американского исследователя. Уровень интеграции, достигнутый в Европейском союзе, и возникновение сепаратистских движений даже в тех регионах, которые казались прежде территорией стабильности, задают новые условия мировой политике в XXI в.

Однако по мере того, как государство утрачивает свою власть над умами и сердцами своих граждан и жизнь в западном мире умиротворяется, войны вовсе не исчезают в глобальном масштабе. Как показывают исследования Чарльза Тилли, государства в третьем мире идут по пути милитаризации, власть там получают военные, и почти во всех регионах (исключая Латинскую Америку) эта тенденция усиливается. Власть военных кажется Тилли опасной по ряду причин. Для неё характерны большее давление на права человека, больший уровень насилия со стороны правительства по отношению к собственным гражданам⁷ и, продолжим, умножение поводов и мотивов для начала вооружённых конфликтов. Добавим к этому опасение, высказанное Мартином ван Кревельдом: «...многие государства “третьего мира” всегда испытывали огромные сложности в том, чтобы изъять деятельность по применению насилия из рук прочих людей и организаций и монополизировать ее в собственных руках»⁸, чтобы прийти к «обнадеживающему» для партии войны выводу. Не состоявшиеся с точки зрения европейского проекта государственности государства третьего мира, власть в которых нередко принадлежит военным, представляют собой очаги напряжённости, которые продолжают порождать вооружённые конфликты и не дадут войне исчезнуть.

⁷ Тилли Ч. Указ. соч. С. 308.

⁸ Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. С. 482.

В условиях пересмотра или, возможно, в перспективе демонтажа нововременного проекта государства войны представляют собой нечто иное по сравнению с той регулярной войной, которая была характерна для эпохи модерна и межгосударственных столкновений. Войны ведутся по иным правилам и им присущи новые характеристики. Настоящая глава будет посвящена систематическому описанию признаков современных войн, которые с лёгкой руки британского политического теоретика Мэри Калдор, получили название новых войн (*new wars*).

ЧТО ТАКОЕ НОВЫЕ ВОЙНЫ?

В 1989 г. Фрэнсис Фукуяма написал статью «Конец истории», которая была позже развернута в книге «Конец истории и последний человек». Эти работы многократно критиковались, однако многие предположения Фукуямы стали довольно популярными. В частности, Фукуяма писал о том, что в ситуации, когда идеологии, альтернативные либерализму, перестанут братья на вооружение правительствами государств, мы будем наблюдать ускорение «перестройки международных отношений по модели связей между странами Общего рынка», а также снижение вероятности начала «какого-либо крупномасштабного конфликта между государствами»⁹. Государства, живущие в эпоху постистории, т.е. склонившиеся к либерализму и отказавшиеся от всех иных идеологических альтернатив, откажутся от вооружённой борьбы друг с другом. Однако сохранят своё значение этнические и национальные размежевания, благодаря которым «среди международных проблем по-прежнему сохраняются терроризм и национально-освободительные вой-

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 113.

ны»¹⁰. Объявив о приближающемся конце истории, Фукуяма возвестил также и приближение эпохи господства негосударственных войн, дискуссия о которых стала особенно острой на рубеже второго и третьего тысячелетия, после окончания холодной войны и терактов 11 сентября, ставших символами нового этапа в истории международной безопасности.

После распада Советского Союза и ухода в прошлое Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений многие исследователи начали обсуждать новую парадигму описания войны. Появились самые разнообразные подходы к определению того, что происходит с войной после холодной войны. Калеви Холсти при помощи понятия «войны третьего типа» (*wars of the third kind*) пытался объяснить процессы, происходящие в «слабых государствах» (*weak state*) — на территориях, где государственная система распалась или не смогла сложиться¹¹. По мнению Криса Грея, высокие технологии и тотальная компьютеризация произвели революцию в сфере войны, что свидетельствовало о рождении «постмодернистских войн»¹². Дональд Сноу доказывал, что «негражданские войны» (*uncivil wars*) сменили войну клаузевицеанского типа¹³. Эти войны представляли собой внутригосударственные конфликты, основой которых было убийство и террор против гражданского населения. Соответственно, это были более жестокие конфликты, зачастую лишённые централизованного и систематического управления. Довольно популярным стало понятие войны четвёрто-

¹⁰ Фукуяма Ф. Указ. соч.

¹¹ Holsti K. *The State, War and the State of War / Cambridge Studies in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

¹² Gray C.H. *Postmodern War: The New Politics of Conflict*. N.Y.: Guilford Press, 1997.

¹³ Snow D. *Uncivil Wars: International Security and the New Internal Conflicts*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1996.

го поколения (*fourth-generation warfare*), предложенное группой американских экспертов в 1989 г.¹⁴ для обозначения ситуации, в которой теряется различие между войной и миром, гражданским лицом и бойцом, а борьба ведётся в том числе и в сфере культуры. Согласно концепции смены поколений войны на протяжении Нового времени, первое поколение войны (XVII — первая половина XIX в.) представляло собой старую войну, с иерархично выстроенной системой управления, низкими скоростями и использованием тактики построения в линии и колонны. Война второго поколения (XIX — первая половина XX в.) знала больше движения, использовала возможности, которые давали неприцельный артиллерийский огонь и бомбардировочная авиация, а также сильно зависела от производственных мощностей. Третье поколение войны (основы разработаны к 1918 г., реализованы в ходе Второй мировой войны) сложилось в связи с необходимостью сделать войну более эффективной, что означало отказаться от войны на истощение в пользу манёвренности и нелинейности; основной её тактикой был блицкриг.

В 1991 г. Мартин ван Кревельд представил исследование трансформации, происходящей с войной на исходе XX века¹⁵. Об устаревании большой войны писал Джон Мюллер¹⁶. Затем он же использовал словосочетание «остатки войны»¹⁷, которое подхватил Херфрид

¹⁴ *Lind W.S., Nightengale K., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // *Marine Corps Gazette*. 1989. Vol. 73. No. 10. P. 22–26.

¹⁵ *Кревельд М., ван.* Трансформация войны. М.: Альпина Паблишер, 2005.

¹⁶ *Mueller J.* Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War. N.Y.: Basic Books, 1989.

¹⁷ *Mueller J.* The Remnants of War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.

Мюнклер — в его версии речь идет об «осколках войны»¹⁸. Уже в новом тысячелетии появилось понятие гибридной войны; как правило, его авторами называют Фрэнка Хоффмана и Джона Мэттиса¹⁹. Наконец, в 1999 г. вышла книга Мэри Калдор «Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху»²⁰. Понятие новые войны закрепилось в словаре исследователей войны²¹, хотя и вызвало серьёзные дебаты о том, насколько уместен термин «новые войны», действительно ли они новы и можно ли их считать войнами. Сама Калдор многократно отвечала на эти и связанные с ними вопросы, в частности, в третьем издании своей книги она расширила текст за счёт послесловия, посвящённого спорам о новых войнах²², поэтому мы не будем останавливаться на обсужде-

¹⁸ Мюнклер Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018.

¹⁹ Hoffman F., Mattis J.N. Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // U.S. Naval Institute Proceedings (November 2005). P. 30–32. См. также: Tamminga O. Hybride Kriegsführung. Zur Einordnung einer aktuellen Erscheinungsform des Krieges / SWP-Aktuell. 2015. No. 27. <www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2015A27_tga.pdf>; Cruceru V. On Contemporary Warfare: Short Review of Specific Concepts // Revista Academiei Fortelor Terestre. 2014. Vol. 74. No. 3. P. 235.

²⁰ Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge: Polity, 1999 (Калдор М. Новые и старые войны). Двумя годами ранее вышел сборник, где Калдор выступила в качестве соредактора: New Wars: Restructuring the Global Military Sector/ ed. by M. Kaldor, V. Basker. L.: Pinter, 1998.

²¹ Термин «новые войны» стал использоваться политическими учёными и философами. См. для примера: Duffield M. Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security. L.: Zed, 2001; Kalyvas S.N. “New” and “Old” Civil Wars: A Valid Distinction? // World Politics. 2001. Vol. 54. No. 1. P. 99–118; Münkler H. Die Neuen Kriege. Reinbek: Rowohlt, 2002.

²² Калдор М. Новые и старые войны. С. 378–411; Kaldor M. In Defence of New Wars // Stability: International Journal of Security and Develop-

нии того, насколько точно и содержательно данное понятие. Ограничимся лишь замечанием, что, на наш взгляд, оно удобно, поскольку позволяет указать на набор характеристик, по которым могут быть описаны процессы эволюции современных войн, и поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться им.

Итак, политические учёные, философы и социологи, занятые исследованиями вопросов войны и мира, анализируя конфликты рубежа тысячелетий, стали приходить к выводу, что происходят существенные изменения в характере войн современности. Многие исследователи говорят о появлении нового доминирующего типа войны, который пришёл на смену войнам, описанным Клаузевицем. В первую очередь этот вывод связан с тем, что растёт число асимметричных войн, в которых регулярные правительственные силы сражаются с нерегулярными отрядами, и негосударственных конфликтов (*non-state conflict*, определение см. в Уппсальской программе данных о конфликтах (*Uppsala Conflict Data Program, UCDP*)), в которых государство вовсе не участвует. Эти конфликты связываются с иными причинами, нежели традиционные межгосударственные войны, не всегда они имеют под собой только политические причины, в отличие от «войн по Клаузевицу», которые представляют собой продолжение политики. И хотя значительная их часть была внутригосударственными конфликтами, их необходимо было отличить от традиционных гражданских войн. Мэри Калдор предложила концепт «новая война» с тем, чтобы описать доминирующий тип конфликта XXI в. Новая война, как её описывает Калдор, это вооружённый

ment. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 4; *Kaldor M.* Global Security Cultures. Cambridge: Polity Press, 2018; *Калдор М.* Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 1–21.

конфликт, в который «вовлечены сети государственных и негосударственных участников, а основная масса насилия направлена против гражданского населения»²³, кроме того, в этом конфликте «размыто различие между внутренним и внешним. Новые войны и глобальны, и локальны, и они отличаются как от классических межгосударственных, так и от классических гражданских войн»²⁴.

Основной контекст появления новых войн задавали «кризис» нововременного проекта государства и межгосударственных войн, отмеченный выше, а также трансформация мировой политической системы, связанная с окончанием холодной войны и глобализацией. Последние два фактора заслуживают дополнительного внимания. В своём исследовании 1996 г. Дональд Сноу писал об этом следующее: «...международная система, которая развивалась с начала холодной войны, была высоко структурированной и, спустя какое-то время, очень предсказуемой системой отношений», а конкуренция за влияние «между сверхдержавами, в свою очередь, создала рамки, которыми регулировалась внутренняя и международная политика государств третьего мира»²⁵. После распада Советского Союза и окончания противоборства двух идеологических полюсов система международных отношений начала выстраиваться на принципах однополярности. Победа капиталистической системы означала представление соответствующих ей ценностей (демократии, прав человека, рыночной экономики, прогресса) в качестве наиболее передовых и универсальных, а потому подлежащих активному распространению, в том числе при необходимости силовыми методами. Подобный подход породил дебаты

²³ Калдор М. Новые и старые войны. С. 20.

²⁴ Там же. С. 21.

²⁵ Snow D. Op. cit. P. 4.

относительно соответствия этой практики самой идее демократии²⁶.

С другой стороны, окончание холодной войны для ряда стран третьего мира означало прекращение патерналистской поддержки со стороны СССР или США. Такие государства перестали быть полезными в запутанной игре двух систем, поэтому зачастую лишались финансирования, военной и технологической помощи, что привело их к кризису системы политического управления. Как пишет Сноу, «окончание холодной войны сопровождалось очевидным снижением готовности и способности контролировать внутреннее насилие... правительства и те, кто были наиболее готовы к повстанческой борьбе, больше не имели идеологических покровителей, которые предоставляют им средства для совершения насильственных акций, но при этом ожидают, что смогут влиять на то, как это насилие будет осуществлено»²⁷. Лишившись патронажа со стороны сверхдержав, правительства и различные милитарные группы, заинтересованные в военном насилии, стали действовать более самостоятельно и, соответственно, менее предсказуемо. Так появились новые очаги напряжённости. Примером могут послужить конфликты в таких странах, как Ангола, Эфиопия или Никарагуа, где

²⁶ По проблемам, связанным с распространением демократии при помощи военных средств см.: *Bridoux J., Kurki M.* Democracy Promotion. A Critical Introduction. N.Y.; L.: Routledge, 2014; *Markakis D.* US Democracy Promotion in the Middle East: The Pursuit of Hegemony. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2015; *Democracy Promotion and the Challenges of Illiberal Regional Powers/* ed. by N. Babayan, Th. Risse. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2016; *Carothers T.* The Backlash against Democracy Promotion // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 2. P. 55–68; *Merkel W.* Democracy through War? // *Democratization*. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 487–508; *Meernik J.* United States Military Intervention and the Promotion of Democracy // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. No. 4. P. 391–402.

²⁷ *Snow D.* Op. cit. P. 46.

начало перестройки и появление концепции нового политического мышления и, соответственно, отказа от противоборства блоков достаточно быстро привело к поражению сил, ранее активно поддерживавшихся СССР и его союзниками.

Глобализация, особенно её фаза, начавшаяся в 1980–1990-х годах, также представляет собой один из наиболее значимых факторов, определяющих структуру международных отношений и сказывающийся на обновлении войн. В первую очередь с глобализацией связана международная интеграция в сфере экономики. Взаимосвязи и зависимости различных регионов мира самым непосредственным образом влияют на войну. Американский экономист Бринк Линдси в своём исследовании глобальной экономики утверждает, что глобализация началась ещё в XIX в., будучи одним из эффектов промышленной революции и децентрализации рынка. Установление и укрепление трансграничных связей в сфере производства и торговли создавало условия пацификации международных отношений. Как справедливо отмечает Линдси, «в десятилетия перед Первой мировой войной промышленная революция сделала уровень международной экономической интеграции не только сопоставимым, но и в некоторых отношениях превосходящим наши достижения... Политические условия становились все более враждебными, но снижение транспортных расходов и совершенствование средств связи раскрепостило общемировое движение товаров, услуг, капитала и людей в исторически беспрецедентном масштабе»²⁸.

Подтверждают подобный взгляд на свободную торговлю как основу идеала мира и аналитики рубежа XIX–

²⁸ Линдси Б. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 28.

XX вв., такие как русский финансист и промышленник Иван Станиславович Блюх или британский политик и учёный Норман Энджелл. Блюх в 1898 г. опубликовал се-митомник «Будущая война и ее экономические послед-ствия», где отмечал тягость расходов на подготовку к войне того времени и неизбежное разорение экономики, связанные с её ведением²⁹. Ни одна из великих держав, по мнению Блюха не пойдёт добровольно на саморазруше-ние и обособление от внешних связей.

Норман Энджелл высказывался схожим образом в книге 1910 г. «Великая иллюзия». Тесное сотрудничество государств в области промышленности делает войну «га-рантированно тщетной». А оккупация и расширение тер-ритории за счёт соседей не могут считаться эффективным средством ведения политики, поскольку население в заво-ёванной местности перестаёт работать должным образом, т.е. сумма затрат на приобретение земель превышает вы-годы от обладания ей. Кровопролитие становится если не невозможным, то бессмысленным.

Ожидания Блюха и Энджелла относительно экономи-ческих ограничений войны не оправдались. Экономиче-ский космополитизм уступил в борьбе империалистиче-скому милитаризму. «Силы разрушения одержали верх, и трагическим результатом стала Первая мировая вой-на»³⁰. Однако современные формы международного со-трудничества вновь порождают надежды на мирное вза-имодействие государств, даже в тех случаях, когда стал-киваются между собой супердержавы и новые империи.

Современный этап глобализации, как это определя-ет Калдор, связан с интенсификацией взаимосвязанно-

²⁹ Блюх И.С. Будущая война в техническом, экономическом и поли-тическом отношениях. Т. 1. СПб.: Типография И. Ефрона, 1898. С. 162–164.

³⁰ Линдси Б. Указ. соч. С. 29.

сти регионов земного шара и изменением политической власти³¹. Эти процессы зависят от множества факторов, в частности, от развития информационных технологий, распространения универсалистских и мультикультурных ценностей, а также популяризации демократических идей и повышения уровня открытости некоторых обществ, особенно тех, в которых до окончания холодной войны господствовали социалистические режимы. Не менее важны и процессы разложения нововременного государства и изменение в восприятии статуса политической автономности и национального суверенитета. Трансформации такого рода делают большую войну менее возможной, но не исключают возникновение локальных конфликтов, развитие которых может иметь глобальные последствия. Кроме того, это не снимает вопроса об угрозах, которые несут новые войны. Они, хотя и ведутся в условиях глобального внимания к проблематике обеспечения прав человека и секьюритизации общественного порядка, тем не менее зачастую связаны с обострением конфликтов различных идентичностей³².

Эффект глобализации политики и экономики можно оценивать как положительный фактор, способствующий тому, что большая межгосударственная война перестаёт считаться легитимным инструментом мировой политики. В то же время стоит обратить внимание и на критиков глобализации, чаще всего левых политических теоретиков и социальных философов или представителей нового поколения политических реалистов. Нередко они отмечают, что её роль не исчерпывается пацификацией и миротворчеством. Экономическая, технологическая, промышлен-

³¹ Калдор М. Новые и старые войны. С. 34.

³² Rickli J.-M. The Impact of Globalization on the Changing Nature of War // Geneva Center for Security Policy's Policy Brief. 2007. No. 24. February 7. P. 3–5.

ная глобализация, интересы капиталистической и политической элиты могут выступать в качестве фактора, если не прямо разжигающего вооружённые конфликты, то поддерживающего войну. Глобализацию также интерпретируют как новый колониализм, диктат запада, тенденцию к унификации и коммодификации³³. Хотя подобный пессимизм, вероятнее всего, переоценивает глобализацию и её эффекты. Как убедительно доказывает немецкий социолог Эккарт Циммерман, мы не можем игнорировать влияние глобализации, распространения высоких технологий и политики, проводимой мировыми лидерами, на то, как функционирует организованное насилие в том или ином регионе, однако и объяснять любой террористический акт или начало гражданской войны одной лишь ссылкой на глобализацию неверно. «Глобализация может рассматриваться в качестве *фонового фактора* международного терроризма»³⁴, но не как единственный фактор. Всегда необходимо обращать внимание и на локальные особенности, которые могут «включить глобальный “переключатель”»³⁵.

Отдельно от вопроса о глобализации как факторе, который содействует появлению феномена новых войн, необходимо указать и на научно-техническую революцию, предопределившую облик войн XXI в. Как и прежде, военные технологии сверхдороги, поэтому развивать и использовать их по силам только хорошо обеспеченным

³³ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 95–120, 131–167; Hobsbawm E. Globalisation, Democracy and Terrorism. L.: Little, Brown, 2007; Zolo D. Cosmopolis: Prospects for World Government. Cambridge: Polity Press, 1997; McKinley M. Economic Globalization as Religious War: Tragic Convergence. Milton Park, Abingdon, Oxon: Routledge, 2007.

³⁴ Zimmermann E. Globalization and Terrorism // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 27. No. 1. P. 159.

³⁵ Ibid. P. 155.

группам: государствам, организациям, которые финансируются государством, или крупным корпорациям. Однако ряд технологий сделал ведение войны или сопутствующие ей практики (распространение идеологии, рекрутинг, финансирование) куда более простым и быстрым. Особенно важен эффект доступности средств коммуникации и массовой информации, которые в принципе стали одной из важнейших технологий в современной войне. Как считает Мартин ван Кревельд, в середине XX в. новые технологии влияют на войну непредсказуемым образом. Последствия их развития приобрели явно политический характер: «...технологический процесс, который в период между 1500 и 1945 г. способствовал упрочению позиций государства, развернулся в противоположную сторону и в настоящее время зачастую ведет к тому, что государство теряет власть в пользу разнообразных организаций, которые либо не имеют территориальной привязки, либо не обладают суверенитетом, либо и то и другое одновременно»³⁶.

Вывод ван Кревельда справедлив лишь отчасти. Действительно, можно согласиться, что технологический рынок на рубеже второго и третьего тысячелетий обладал эмансипаторным и эгалитарным характером. Не в последнюю очередь благодаря развитию технологий появились новые силы, которые по воле государств или вопреки ей стали перенимать часть функций, ранее ассоциировавшихся исключительно с государством. Можно отметить характерную тенденцию к появлению на международной политической арене негосударственных субъектов, которые в последние десятилетия все чаще угрожают подорвать монополию государства на применение насилия, в том числе и военного. Различные повстанческие организации, террористические группы, наркокартели, непра-

³⁶ Кревельд М., ван. Расцвет и упадок государства. С. 414.

вительственные организации и даже экономические корпорации готовы ставить и решать военные цели самостоятельно, ради чего формируют собственные армии или нанимают частные военные и охранные компании (ЧВК/ЧОК). Для обозначения этого процесса передачи военных обязанностей от регулярных армий частным контрактникам в исследовательской литературе используется термин «приватизация войны». Подробнее вопрос о влиянии, которое оказывает активное вовлечение негосударственных армий в военные конфликты современности, будет рассматриваться далее³⁷.

Тем не менее в связи с этим поспешно было бы делать вывод о закате государства и о том, что государство перестаёт быть основным политическим институтом. Во всяком случае, этот вывод не столь однозначен. В постгероическую эпоху государство может быть заинтересовано в распределении обязанностей и функций между многими игроками. Не в последнюю очередь это касается «грязной» работы, связанной с поддержанием безопасности, особенно, если речь идёт о гуманистической обязанности защищать права человека в глобальном масштабе. В таких случаях государству может быть гораздо выгоднее дистанцироваться от войны, перепоручив её частным военным компаниям или миротворческому контингенту ООН.

Указанные выше процессы — окончание холодной войны, глобализация, развитие технологий, кризис государства и приватизация насилия — вызывают к жизни тип войны, который в исследовательской литературе получил обозначение «новые войны». В главе 1 мы также отметили ряд причин, по которым крупная межгосударственная война в наше время делается мало возможной, особенно если речь идёт о конфликтах между державами,

³⁷ См. гл. 4 наст. изд.

наиболее сильными в военном отношении и развитыми экономически и технически. Нужно понимать, что термин «новые войны» обозначает не способы ведения войны, которых ранее не было, или новизну каждого отдельного их признака. Ново только соединение и одновременное действие всех признаков и характеристик социальной реальности и обозначенных ранее особенностей политического, экономического и технического развития на рубеже XX и XXI вв., которые и обусловили появление новых войн³⁸. При этом появление новых войн не означает, что они становятся единственной формой вооружённого конфликта. Вместе с новыми войнами продолжают существовать и старые, классические войны, когда государства действуют при помощи своих армий по принципам и нормам больших межгосударственных войн.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Понятие «новые войны» ещё нуждается в определении, однако это не означает, что оно полностью лишено объяснительного потенциала. Согласимся с высказыванием Мэри Калдор: «Новые концепты всегда туманны»³⁹. Сейчас мы скорее можем дать описание новых войн посредством приведения ряда характеристик, нежели привести точную дефиницию. Взамен мы получаем возможность понять, что происходит с войной в XXI в., как именно и кем она ведётся. Как правило, различные исследователи предлагают разнящиеся критерии, по которым можно описать новые войны (отсюда возможная критика в произвольности этих критериев). Однако сложно не заметить, что ряд особенностей отмечаются одинаково всеми. Ориентируясь на теоретические построения Калдор,

³⁸ См.: Мюнклер Г. Осколки войны... С. 194–195.

³⁹ Калдор М. Новые и старые войны. С. 384.

Мюнклера и ван Кревельда, мы можем обобщить предложенные этими авторами типологии конфликтов нового типа и выделить наиболее значимые характеристики и признаки новых войн:

- асимметрия (потеря государством исключительного права на применение силы);
- низкая интенсивность;
- глобализованность войны;
- политика идентичности как основание войны;
- применение террора как политического средства, т.е. для установления власти;
- «хищнические» методы финансирования;
- уменьшение боевых потерь (при этом высокий уровень потерь среди гражданских лиц);
- увеличение продолжительности войны и долгосрочное сохранение причин, провоцирующих рецидивы войны;
- территориальная близость к другим войнам как фактор риска;
- утрата ограничений войны, основанных на праве, обычае и военной этике (что наиболее важно для нашего исследования)⁴⁰.

Таким образом, у нас получается модель описания войны, которая предполагает выявление причин, целей, методов ведения, финансирования и способа окончания войны. Важно также обратить внимание и на легально-этический компонент войны — на характерные приёмы обоснования конфликта и придания ему легитимности (этому будет посвящена глава 3 и отчасти глава 4). Рассмотрим приведённые характеристики новых войн чуть подробнее.

⁴⁰ См.: Мюнклер Г. Осколки войны... С. 192–196; Калдор М. Новые и старые войны. С. 34–51, 392; Kaldor M. In Defence of New Wars. P. 8; Кревельд М., ван. Трансформация войны. С. 18–63.

Асимметрия

Классическую, старую нововременную войну мы охарактеризовали в главе 1 как войну симметричную. Государство воевало с другим государством, признавая его равным себе по статусу. Безусловно, государства различались между собой по уровню экономического развития, численности населения, размерам армии и степени её готовности к боевым действиям. Симметрия подразумевает однотипность, а не идентичность и равносильность участников политических отношений⁴¹. Тем не менее важным элементом межгосударственных отношений в Европе Нового времени было признание правового равенства государств.

Война находилась в ведении государств, которые распорядились своими гражданами как «одушевлёнными инструментами». К тому же, множество социальных факторов могло повлиять на желание граждан поддерживать военную или мирную политику, которую вело их правительство. Так, например, после завершения Войны четвёртой коалиции 1806–1807 гг. и подписания Тильзитского мирного договора целая когорта прусских офицеров перешла на службу в русскую армию, не приняв подчинённого положения Пруссии по отношению к Франции (среди них был и Карл фон Клаузевиц, который находился на русской службе с 1812 по 1814 г.). А в 1870 г. на фоне неудач в войне с Пруссией, Седанской катастрофы и пленения императора Наполеона III, во Франции произошла Сентябрьская революция, монарх был объявлен низложенным и провозглашена республика, которая тем не менее продолжила войну, начатую свергнутым императором. Однако эти примеры представляют собой скорее исключения — в подавляющем большинстве случаев народы

⁴¹ Мюнклер Г. Осколки войны... С. 217.

принимали войны, которые объявляли их правительства и поддерживали их вплоть до капитуляции.

Симметрия, характерная для старой войны, усиливалась и тем, что война велась при помощи регулярной армии. Безусловно, имели место партизанские и повстанческие движения. Но насильственная функция в это время однозначно закрепляется за государством, которое может реализовать её при помощи армии или полиции. Все иные случаи обращения к вооружённому насилию признаются теперь преступными и нелегитимными. В частности, это влечёт за собой профессионализацию солдата, который вооружается, одевается, тренируется за государственный счёт. Подобная унификация позволяет зафиксировать бинарность оппозиции военного и гражданского человека, равно как сделать ощутимым различие войны и мира, дозволенного и недозволенного на войне.

Новые войны характеризуются в первую очередь тем, что наиболее активным их участником становится не государство, а негосударственные субъекты (non-state actors): партизаны, повстанцы, террористы, кланы, а также частные военные компании и разведывательные агентства. Многие из них считаются незаконными комбатантами, т.е., согласно нормам международного права, регулирующего войну, не имеют официального статуса участника военного конфликта. Эти акторы международной политики оспаривают монополию государства на ведение войны, представляя одну из воюющих сторон или даже иницилируя эскалацию вооружённых конфликтов. Клаузевиц называл войну подлинным хамелеоном и отмечал: «...раз война есть часть политики, то, следовательно, она будет принимать и ее свойства. Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретет свой абсолютный

облик»⁴². Здесь Клаузевиц говорит о возгонке войны, насилия и жестокости. Но эта схема работает и в обратном направлении. Если политика становится всё более и более партизанской, то партизанской станет и война. По словам Кревельда, крайне редко в современных «конфликтах с обеих сторон принимает участие регулярная армия, хотя часто содержание конфликта состоит именно в том, что регулярные войска, с одной стороны, борются с партизанами, террористами и даже гражданским населением, включая женщин и детей, — с другой»⁴³. И в большинстве случаев регулярным армиям сложно вести борьбу с таким противником, как непосредственно в военном отношении, так и с точки зрения психологии этого процесса.

Кроме того, асимметрия проявляет себя и в том, что ряд государств стали явными лидерами в военной отрасли, с колоссальными военными бюджетами, модернизированными вооружёнными силами и крупными армиями. Если оценивать военную мощь по оборонному бюджету, то первенство здесь, безусловно, принадлежит Соединённым Штатам, за которыми с большим отставанием следует Китай, после которого, опять же на заметном удалении — такие страны, как Индия, Великобритания, Саудовская Аравия, Франция и, наконец, Россия. Наиболее многочисленные армии содержат Китай, Индия, США, КНДР и Россия. По итогам холодной войны появилась одна сверхдержава, получившая военно-техническое превосходство. К тому же она могла рассчитывать на помощь своих союзников. Вступать в большую, фронтальную войну с таким государством, с новой империей, укрепляющей своё господство за счёт использования собственных военных преимуществ, было бы абсурдно и губительно.

⁴² Клаузевиц К, фон. Указ. соч. С. 550.

⁴³ Кревельд М., ван. Трансформация войны. С. 46.

Асимметрия сил и правового положения породила и асимметрию войны. Но война не сфера чистого расчёта, где сильный всегда побеждает слабого. Об этой непредсказуемости войны, несколько в другом контексте высказался Клаузевиц, горячий противник сведения военного дела к математической науке: «...абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятий, счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожим на карточную игру»⁴⁴. И далее: «...военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остается простор и притом равно большой как в самых великих, так и в самых малых делах»⁴⁵. Война крайне неопределённа, успешное её ведение зависит от множества факторов. Нередко морально-психологическое превосходство позволяет компенсировать недостаток в технике или общей военной подготовке.

Итак, изначальную асимметрию в статусе или доступных средствах войны слабая сторона попытается исправить при помощи удачно выбранной тактики (в старой, регулярной, войне тактика была обычно одинаковой — при помощи вооруженных столкновений, сражений, уничтожить армию врага или поставить её в опасное положение и тем принудить противника к подчинению). Как пишет в этой связи ван Кревельд, «если же слабая сторона выбирает насилие, тогда у нее есть два пути. Либо она ис-

⁴⁴ Клаузевиц К., *фон*. Указ. соч. С. 35.

⁴⁵ Там же. С. 36.

пользует в качестве укрытия какое-либо естественное или искусственное заграждение, либо будет полагаться на внезапность, хитрость, организацию засад и тактику нанесения коротких ударов с быстрым отходом. Единственное, что она почти наверняка не будет делать, — это ввязываться в открытый бой; если она все-таки сделает это — либо по собственной воле, либо по ошибке, либо в силу вынужденности, — результатом будет не столько сражение, сколько массовое убийство»⁴⁶. Опасности, связанные с асимметрией сил, невозможность прямого силового противостояния заставляют исправлять неравенство возможностей. В результате противоборствующие стороны начинают уподобляться друг другу, их способности вести войну уравниваются. Это было отмечено ещё Клаузевицем: «...каждый из борющихся предписывает закон другому»⁴⁷. Объяснение природы войны французского антрополога и теолога Рене Жирара почти полностью построено вокруг логики взаимного определения, в том числе и посредством насилия: «...за всяким действием следует ответ, за всяким преступлением — отмщение»⁴⁸; и далее: «...когда обряды, т.е. механизмы сдерживания взаимности, исчезают, от последовательности мирного обмена мы переходим к насильственной и обезразличенной одновременности, соответствующей жертвоприношению»⁴⁹. Таким образом, доказывает Жирар, противники приближаются к состоянию неразличимости. Это происходит и в асимметричном конфликте.

Итак, если наиболее развитые государства доминируют в стратегическом отношении, если они обладают пре-

⁴⁶ Кревельд М., ван. Трансформация войны. С. 260.

⁴⁷ Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 22.

⁴⁸ Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: Изд-во ББИ, 2019. С. 88.

⁴⁹ Там же. С. 89.

имуществом в материальных и людских ресурсах, могут контролировать войну на земле, воде и в воздухе (в том числе и в космосе⁵⁰), значит, их противникам приходится искать слабые места в мощной обороне военных гегемонов. Слабый пытается использовать в своих целях достижения цивилизации и обратить их против носителей цивилизации. Говоря предельно обобщённо, для государств Запада таким слабым местом оказывается постгероизм и чувствительность к потерям; отсюда и развитие четвёртой волны терроризма. Вообще, терроризм можно назвать одной из наиболее распространённых тактик асимметричной войны. Что касается менее развитых государств Азии, Африки и Латинской Америки, то в первую очередь их уязвимым местом оказывается недостаточная институциональная сформированность. В этих государствах не успели наладить свою работу необходимые для европейской нововременной модели государства институты, поэтому они оказались слабыми или несостоявшимися (*failed state*)⁵¹.

Сверхдержавы соседствуют на одной сцене с государствами, менее мощными в военном и экономическом отношении, но также и с негосударственными группами. Тем не менее армии сверхдержав — и в принципе регулярные государственные армии — во второй половине XX в. неоднократно демонстрировали свою низкую эффективность в условиях борьбы с менее организованными, иррегулярными силами, которые к тому же были гораздо хуже оснащены в техническом отношении. Как мы отме-

⁵⁰ Мюнклер Г. Осколки войны... С. 205.

⁵¹ Подробнее об асимметрии сил и способах её преодоления см. классическую статью: Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // *World Politics*. 1973. Vol. 27. No. 2. P. 175–200; а также: Arreguin-Toft I. How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict // *International Security*. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 93–128.

тили, равновесие сил асимметричных противников достигается за счёт использования средств, которые позволяют изначально слабой стороне получить преимущество. Это неизбежно ставит вопрос об эффективности традиционных средств войны и основных принципах всемирной безопасности, особенно о будущем ядерного сдерживания, которое казалось решающим фактором в деле сдерживания межгосударственных войн. Майкл Манн, один из ведущих учёных, занятых исторической социологией, так описывает особенности состояния, в котором война оказалась на рубеже XX–XXI вв.: «...распространение ядерного оружия означает, что мы должны полагаться на рациональность все большего числа мировых лидеров. Никогда нельзя признать рациональным применение ядерного оружия, так как это предполагает непосредственное разрушительное возмездие. Но есть два сценария кошмара. Первый заключается в том, что лидеры, слишком сильно преданные своей идеологии (“ценностно-рациональные”, в терминологии Вебера, т.е. преследующие одну цель в ущерб всем другим соображениям), в случае возникновения серьезных проблем могут применить ядерное (или биологическое, или химическое) оружие. Другая возможность состоит в том, что это оружие может быть украдено и использовано негосударственной группой, также действующей ценностно-рационально, такой как Аль-Каида»⁵².

Манн удивительно точно обозначает целую группу проблем. Во-первых, это политический реализм ценностно-рациональных политиков, которые могут быть готовы пойти на всё для отстаивания того, что они воспринимают в качестве государственного интереса, или для сохранения собственного престижа. К этому опасению

⁵² Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. С. 38.

стоит относиться со всей серьёзностью, учитывая, что исследователи уже отмечают риски возрождения концепции «ограниченной ядерной войны» (limited nuclear war)⁵³. Во-вторых, следует обратить внимание на риски использования криминально-террористическими сетями ядерного, химического или биологического оружия⁵⁴. Отмечается, что преступные или террористические группировки могут купить или украсть комплектующие оружия массового поражения для их непосредственного применения в качестве боеприпасов или для последующей доработки и изготовления «грязных бомб».

В-третьих, возможно, самая ощутимая трансформация связана не с тем, что появились силы, способные бросить вызов государству и поставить под вопрос его монополию на военное насилие, а то, как именно действуют эти силы. Острее всего асимметрия проявляет себя в том, что новые войны чаще всего ведутся против гражданского населения. Происходит перенастройка отношений в триаде Клаузевица правительство–армия–народ. Мы видим, что те позиции, которые раньше занимал каждый из участников этой тройки, в наши дни сложно определить однозначно. Старая война предполагала наличие чётких разграничений на законные и незаконные цели войны. Нападение на гражданское население было недопустимым для межгосударственных войн, во всяком случае, оно стояло вне закона и обычая войны. Размывание границ между комбатантом и гражданским лицом, между сферой войны и мира происходило в ходе тотальных войн. Но эта ситу-

⁵³ *Фененко А.В.* Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 64–65.

⁵⁴ Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения / отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. М.: КомКнига-URSS, 2008; *Фененко А.В.* Указ. соч. С. 533–561.

ация воспринималась как экстраординарная, как вынужденное крайнее напряжение, которое должно было быть снято после обретения победы. Поражение одной из сторон и прекращение войны означало восстановление мирного порядка, в котором вооружённое насилие является аномалией.

Обращение насилия на гражданское население может объясняться сразу несколькими причинами. Будучи наименее защищённым и подготовленным к самообороне, оно для бойцов иррегулярных отрядов представляет собой гораздо более удобного противника, нежели обученные и хорошо вооружённые армейские подразделения. Но вполне возможно, что удар по гражданским лицам представляет собой и намеренно выбранную тактику ведения войны, как это происходит, например, в случае террористических атак. В таком случае стремление распространить ужас (террор) и посеять панику связывается именно с нападением на людей, которые казалось бы никоим образом не связаны с военной сферой и находятся под защитой права и обычаев войны. Но также и регулярные войска, участвующие в асимметричном конфликте (где им противостоят повстанцы, вооружённые и одетые по собственным возможностям или предпочтениям, а не армейские подразделения, обязанные носить униформу и знаки отличия, а также открыто держать оружие), нередко действуют агрессивно против гражданского населения. Неспособные однозначно отличить боевика, с которым они сражаются, от жителя деревни, в которой приходится действовать подразделению, военные рискуют пойти по пути тотального уничтожения любого, кто, по их мнению, похож на врага. Финалом чаще всего становится не славная победа, а совершение военных преступлений, подобных тому, что произошло во вьетнамской деревне Сонгми (община Милай), жители которой были уничтожены подразделением лейтенанта Уилья-

ма Келли. Иными словами, как сильная, так и слабая сторона могут эксплуатировать тактику вовлечения в войну гражданских лиц, вынужденно подчиняясь обстоятельствам или делая это осознанно.

Асимметричная война представляет собой один из отличительных признаков новых войн, но не единственный. По сути своей асимметричные военные действия — основная форма иррегулярной войны, которая противопоставляется войне регулярной, межгосударственной, конвенциональной⁵⁵. Для исследований войны рост количества асимметричных конфликтов представляет определённый вызов. В частности, нуждаются в уточнениях интерпретации и практики применения некоторых положений международного гуманитарного права в связи с тем, что одна из сторон может намеренно идти на нарушение легальных принципов, используя эту тактику в качестве средства борьбы⁵⁶. Как пишет Мюнклер, «...в таких войнах проявляется сильная тенденция к криминализации противника; последний в принципе не рассматривается как равный, а значит, не признается в качестве законной противной стороны, вследствие чего с ним редко воюют согласно законам междуна-

⁵⁵ *Арзуманян Р.В.* Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: АНО ЦСОиП, 2015. С. 35–36.

⁵⁶ *Паулюс А., Вашиакмадзе М.* Асимметричная война и понятие вооруженного конфликта — попытка разработать концептуальную модель // *Междунар. журн. Красного Креста*. 2009. Т. 91. № 873. С. 127–170, особенно С. 146–150; *Пфаннер Т.* Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности // *Междунар. журн. Красного Креста*. 2005. № 857. С. 195–228; см. также: *Münkler H.* Asymmetrie und Kriegsvölkerrecht. Die Lehren des Sommerkrieges 2006 // *Die Friedens-Warte. Journal of International Peace and Organization*. 2006. Vol. 81. No. 2. P. 59–65.

ного военного права»⁵⁷. В этих условиях основной тактикой асимметричной войны становится резня и бойня, ни одна из сторон не чувствует себя обязанной соблюдать нормы права. Это же относится и к этическим аспектам ограничения войны — отказаться от чрезмерного, неначеленного насилия фактически означает поставить себя в невыгодную ситуацию. Однако асимметрия не единственный и не определяющий, хотя и неотъемлемый, признак новых войн.

Низкая интенсивность

Значительная часть новых войн относится к конфликтам низкой интенсивности (low intensity conflict). После 1945 г., как пишет ван Кревельд, большую часть из почти 200 разгоревшихся конфликтов составляли именно войны малого масштаба⁵⁸. Это относится к количественным характеристикам, но не к продолжительности. Вероятнее всего, когда мы думаем о войне, в первую очередь у нас возникают образы Второй мировой войны: фронты, которые пересекают целые континенты, многомиллионные армии, противостоящие друг другу, и, соответственно, огромные потери, продолжительные осады городов, многодневные форсирования рек, стратегические бомбардировки, уничтожающие целые города. Однако ведение войны подобными методами становится всё более и более редким. Вместо фронтовых операций мы чаще наблюдаем бандитские вылазки и рейды войск специального назначения, а вместо стратегических бомбардировок — акции террористов-смертников. Стратегическая цель овладения как можно большей площадью террито-

⁵⁷ Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М.: Кучково поле, 2015. С. 227.

⁵⁸ Кревельд М., ван. Трансформация войны. С. 53.

рии противника или хотя бы наиболее ценными её частями заменяется стремлением установить идеологический, политический контроль над населением. В современных условиях малая война, конфликты низкой интенсивности, «в гораздо большей степени задает направление развития, нежели большая война, бывшая мерилom военной стратегии вплоть до середины XX века»⁵⁹.

Понятие конфликт низкой интенсивности появилось в 80-е годы XX в. и зачастую получает самые разнообразные интерпретации. Мартин ван Кревельд выделяет следующие его характеристики. Во-первых, они происходят в «менее развитых частях» мира. Для проявлений негосударственного насилия в развитых частях света используются другие понятия: терроризм или волнения. Во-вторых, чаще всего они представляют собой столкновение регулярной армии с нерегулярными частями. При этом конфликты низкой интенсивности оказываются более кровавыми, нежели традиционные межгосударственные войны. В-третьих, основным видом используемого вооружения становятся не высокотехнологичные средства борьбы, а самые простые виды оружия⁶⁰. Добавим, что сложную технику применять невозможно либо в силу слабой обученности участников конфликта, либо из-за её недоступности, либо вследствие того, что боевые действия ведутся в населённой местности. Наконец, ван Кревельд отмечает высокую степень политизированности конфликтов низкой интенсивности. В то время, как межгосударственные войны всё реже ведут к заметным политическим последствиям, например, к пересмотру границ, малые войны могут вызывать масштабные трансформации⁶¹. Множество примеров дают освободительные и антиколо-

⁵⁹ Мюнклер Г. Осколки войны... С. 196.

⁶⁰ Кревельд М., ван. Трансформация войны. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 48–49.

ниальные войны в Азии и Африке: Алжир, Ангола, Мозамбик, Индонезия.

Однако эти, предложенные ван Кревельдом, характеристики стоит дополнить ещё несколькими особенностями, позволяющими описать конфликт низкой интенсивности. Значимой задачей в такого рода войне становится подавление воли противника к ведению борьбы или, наоборот, распространение идеологии войны, способствующей эскалации конфликта. Война ведётся не только за территории и позиции, но также не в последнюю очередь за «умы и сердца», по выражению, авторство которого приписывают французскому генералу Луи Юберу Гонзалву Лиотею, подавлявшему Восстание чёрных флагов в Индокитае. О значении информации писали, в частности, авторы концепции войны четвёртого поколения. По их мнению, поскольку запад больше не занимает исключительного, доминирующего положения в мире, характер войны будут определять не западные, а, например, исламские или азиатские военные стандарты. А учитывая технологическую отсталость этих регионов, основной акцент будет сделан на идеологической борьбе, пропаганде и обучении, репутации и умении использовать общественные настроения, а не на проведении масштабных операций с применением сложных видов вооружения⁶². Это значит, что изменяется роль, отведённая гражданскому населению. Она становится более активной. Для регулярной стороны гражданское население может стать источником информации, а авторитет отдельных лиц, уважаемых в данной местности, может действовать умирению региона. Для иррегулярных отрядов гражданское население становится источником новобранцев, снабжения и вновь — информации о расположении и планах противника.

⁶² Lind W.S. et al. Op. cit. P. 25.

Для конфликта низкой интенсивности характерно применение неконвенциональных средств и партизанских методов ведения борьбы. Набеги, точечные убийства, террористические акции — всё это, как следует из второго свойства, отмеченного ван Кревельдом, становится наиболее востребованными тактическими приёмами. Действительно, раз война низкой интенсивности представляет собой в первую очередь асимметричный конфликт, как минимум один из её участников — негосударственный субъект, который в большей степени будет склонен к ведению герильи, а не фронтальной войны.

Однако и регулярные силы идут на изменения в тактике ведения войны. Действия негосударственных субъектов воспринимаются как нарушение порядка и основ международных отношений, ответственность по поддержанию которого, лежит на государстве. Соответственно, государство чувствует себя обязанным восстановить стабильность. Применение военной силы для этой цели, по сути, представляет собой уже не военную кампанию, а операцию по восстановлению правопорядка или принуждению к миру. Государство использует меньшее количество войск, перед которыми ставятся задачи, характерные скорее для полицейских подразделений. Армия занимается не ведением боёв или подготовкой укреплений, а патрулированием, охраной и работой с местным населением. Американский социолог Моррис Янович ещё в 1960-е годы назвал это «констеблизацией» войны⁶³. Можно также добавить, что подобные процессы укладываются в логику поведения, характерную для имперских проектов. Новые империи, примеряющие на

⁶³ *Janowitz M.* The Professional Soldier: A Social and Political Portrait. N.Y.: Free Press, 2017. P. 417–442. См. также: *Мюнклер Г.* Осколки войны... С. 201–202; *Dunlap C.J., Jr.* The Police-ization of the Military // *Journal of Political & Military Sociology.* 1999. Vol. 27. P. 217–232.

себя роль мирового жандарма, заняты не войной с равным, симметричным противником, а выстраиванием системы внутренней безопасности в глобальном масштабе. Применение силы против глобальных преступников или мирового зла легитимируется именно таким образом: «...имперские войны, согласно данной концепции, основываются не на симметричных правовых основаниях — на манер дуэли — а считаются формой выступления против нарушителей законов. Идея справедливой войны опирается на асимметрию в правовых основах»⁶⁴. С другой стороны, исследователи указывают на процесс милитаризации полиции, которая осваивает военную тактику и использует военную технику, снаряжение и вооружение⁶⁵. Таким образом, в конфликте низкой интенсивности теряется освоенное в Новое время и значимое для нововременного проекта государства разделение внешней и внутренней политики, которая предполагала использование армии для решения конфликтов с другими государствами, и полиции для поддержания порядка среди собственных граждан.

Глобализованность войны

Мы уже отмечали выше взаимосвязь между глобализацией и развитием новых войн. Если же говорить о глобализованности современной войны, то можно выделить два аспекта: участие внешних сил в эскалации локального конфликта и влияние локального конфликта на региональную или даже мировую политику. Безусловно, оба этих явления могут наличествовать одновременно.

⁶⁴ Мюнклер Г. Империи... С. 227.

⁶⁵ Campbell D.J., Campbell K.M. Soldiers as Police Officers / Police Officers as Soldiers: Role Evolution and Revolution in the United States // Armed Forces & Society. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 327–350.

В первом случае речь может идти о самых разнообразных сценариях. Например, в прошлом, особенно в ходе холодной войны, междоусобица в каком-либо из государств третьего мира нередко становилась площадкой для столкновения крупных держав. Подобные события мы наблюдаем также и наше время. В исследовательской литературе это явление получило название опосредованных войн, или прокси войн (проху war). Классическое определение опосредованной войны принадлежит Карлу Дойчу, американскому социологу и политическому теоретику: «...международный конфликт между двумя державами, который ведётся на территории третьей страны; представленный под видом внутреннего конфликта этой страны; в нём используется людская сила, ресурсы и территория этой страны в качестве средства достижения преимущественно внешних целей и реализации внешних стратегий»⁶⁶. Такие тайные войны под завесой локальных конфликтов, гражданских войн и антиколониальных выступлений велись между СССР и США во Вьетнаме, Афганистане, а также во множестве африканских стран и на Ближнем Востоке. Однако в опосредованные войны могут быть вовлечены не только сверхдержавы, но и региональные силы, как настаивает Эндрю Мамфорд⁶⁷. В любом случае, проявление опосредованных войн следует признать одной из примет того состояния международных отношений, когда открытое военное противостояние невыгодно или невозможно.

Также вторжение в локальный конфликт может быть связано со стремлением того или иного государства ут-

⁶⁶ *Deutsch K.W.* External Involvement in Internal War // *Internal War, Problems and Approaches* / ed. by H. Eckstein. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1964. P. 102.

⁶⁷ *Mumford A.* Proxy Warfare. Oxford: Oxford: Polity Press, 2013. P. 13, 45–60.

вердиться в данном регионе в качестве ключевого политического игрока. Об этом много пишут в связи с имперскими амбициями США или России⁶⁸. Хотя зачастую в такого рода участии в войне на чужой территории проявляет себя стратегия превентивного предотвращения угроз, перерастания локального конфликта в региональный или борьбы с терроризмом «на дальних подступах». Кроме того, можно также говорить и о заинтересованности в войне негосударственных субъектов, например, наёмников или частных военных контрактников, добровольцев, которые едут поддержать представителей своего этноса или религии.

Что касается влияния, которое иногда локальные конфликты оказывают на мировую политику, то здесь следует указать на усилия мировой общественности поставить войну вне закона, сделать её более гуманной и контролируемой и не допустить совершения военных преступлений и преступлений против человечности. В таком случае к войне приковывается повышенное внимание «международных учреждений, начиная с неправительственных организаций (НПО), таких как Oxfam, “Спасем детей”, “Врачи без границ”, Human Rights Watch и Международный комитет Красного Креста, и кончая такими международными институтами, как Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Европейский союз (ЕС), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Африканский союз (АС) и собственно сама Организация Объединенных Наций (ООН), включая силы по поддержанию мира»⁶⁹.

⁶⁸ Chossudovsky M. *The Globalization of War: America's "Long War" against Humanity*. Montreal: Global Research, 2015; Arakelyan L. *Russian Foreign Policy in Eurasia: National Interests and Regional Integration*. L.: Routledge, 2017.

⁶⁹ Калдор М. Новые и старые войны. С. 35–36.

При этом все эти участники могут оставаться в высшей степени разобщёнными, что, естественно, не сказывается положительно на перспективах быстрого урегулирования конфликта.

Оставляя за скобками проблемы, связанные непосредственно с войной, как то: возможность быть убитым или захваченным в плен и проданным в рабство, а также разрушение городов и инфраструктурных объектов, стоит принять во внимание и влияние локального конфликта на экономические, социальные, демографические процессы, протекающие в регионе. Для примера можно взять войну в Сирии и отчёт Всемирного банка об уже наступивших последствиях этого конфликта. Отчёт позволяет однозначно зафиксировать разрушение социальной структуры, общественную дезинтеграцию, утрату функциональной способности институтов, местами практически полное исчезновение инфраструктуры, отсутствие рабочих мест, что, в свою очередь, провоцирует рост безработицы и продуцирует волны миграции, крупнейшие со времён Второй мировой войны. Так, более чем три четверти населения трудоспособного возраста остаются не занятыми, 60% населения живёт в крайней нищете⁷⁰, а страну покинуло свыше 5 млн жителей⁷¹. Но война в Сирии повлияла также и на соседние с ней страны, в первую очередь на Турцию, Иорданию, Ливан, а также Ирак, которые вынуждены принимать сирийских беженцев и нести экономические потери, связанные с дестабилизацией региональных рынков⁷². Необходимо также помнить и о

⁷⁰ World Bank. *The Toll of War: The Economic and Social Consequences of the Conflict in Syria*. Washington, DC: World Bank Group, 2017. P. viii.

⁷¹ *Ibid.* P. 47–48.

⁷² *Achilli L., Yassin N., Erdoğan M.M.* Neighbouring Host-Countries' Policies for Syrian Refugees: The Cases of Jordan, Lebanon, and Turkey // *Papers IEMed*. European Institute of the Mediterranean. 2017. Vol. 19; *Rother B., Pierre G., Lombardo D., Herrala R., Toffano P., Roos E., Auclair G.*,

затратах и потерях, которые несут международные участники гражданской войны в Сирии, в частности Россия и западная коалиция.

Таким образом, всё в большей степени мы можем говорить о влиянии, которое даже локальная война или конфликт низкой интенсивности оказывают на политические процессы во всём мире, притягивая к себе внимание, силы и ресурсы местных политических игроков и глобальных лидеров. В наши дни мировым значением может обладать любой конфликт, даже периферийный с западноцентричной точки зрения, а как мы понимаем, большинство современных конфликтов — периферийные⁷³.

Политика идентичности как основание войны

Еще одной характерной особенностью новых войн является то, что они провоцируются политикой идентичности, занявшей в малых конфликтах место идеологии или геополитики и приводящей к экстремизму и серьезной радикализации насилия⁷⁴. Это может быть идентичность, основанная на этнических, религиозных, социальных особенностях. По определению Мэри Калдор, политика идентичности — это «притязание на власть на основе партикулярной идентичности — будь то национальной, кла-

Manasseh K. The Economic Impact of Conflicts and the Refugee Crisis in the Middle East and North Africa / IMF Staff Discussion Note. Washington, DC: International Monetary Fund, 2016. Также см. примеры регионального влияния локального конфликта: *Калдор М.* Новые и старые войны. С. 228–232.

⁷³ *Геррман И., Пальмиери Д.* Новые конфликты: архаичная современность? // Междунар. журн. Красного Креста. 2003. № 849. С. 25 и далее. О проблеме отношений между «центром» и «периферией» см.: *Мюнклер Г.* Империи... С. 53–63.

⁷⁴ *Калдор М.* Новые и старые войны. С. 21.

новой, религиозной или языковой»⁷⁵. Тенденциям к глобализации в данном случае противостоят партикуляристские настроения.

Как пишет Калдор, конфликты прошлого также можно было объяснить столкновением различных идентичностей. Такие примеры могут дать войны, двигателем которых был национализм или антиколониализм. Однако в современных войнах теряется связь между апелляцией к идентичности и государственным интересом или идеологией прогрессизма и модернизации, которые обнаруживались в старых войнах: «...в новой политике идентичности речь идет о притязании на власть на основе присвоения ярлыков — в той мере, в какой имеются какие-либо планы относительно политического или социального преобразования, они, как правило, связаны с идеализированным ностальгическим представлением о прошлом»⁷⁶. Присвоение ярлыков выражается в том, что вместо множества идентичностей, посредством которых каждый из нас обычно определяет себя⁷⁷, наибольшей значимостью наделяется одна специфическая идентичность, которая начинает восприниматься как уникальная или даже возвышающая. Разделение по принципу идентичности становится основанием для претензии на государственную власть, которую в случае необходимости приходится получать с оружием в руках. Принципиальным значением при этом наделяется ностальгическое переживание собственной истории и героизация прошлого⁷⁸. Особенную

⁷⁵ Там же. С. 40.

⁷⁶ Там же. С. 41.

⁷⁷ Sen A. *Identity and Violence: the Illusion of Destiny*. L.: Penguin Books, 2006. P. 19.

⁷⁸ Об эмоциональном факторе восприятия собственной нации и родины см.: Смит Э.Д. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 162.

силу политика идентичности приобретает в двух случаях. Во-первых, в ситуации сильной общественной поляризации, когда появляются группы, чувствующие себя изолированными, исключёнными или переживающими несправедливость. Во-вторых, в случае опасений относительно последствий глобализации и её влияния на местную культуру, в том числе и на экономическую культуру и её официальные и теневые институты⁷⁹.

Исключительная идентичность провоцирует войну, но также и укрепляется и кристаллизуется в ходе неё, как это было в конфликтах в Югославии и на территории бывшего СССР. Калдор пытается опровергнуть учение о политическом Карла Шмитта с его выделением ключевой политической оппозиции друга и врага и утверждением, что «война следует из вражды»⁸⁰. По мнению Калдор, которая тезис Шмитта представляет буквально так: политика — это война, в современных войнах отношения вражды и войны меняются. Вражда взращивается войной⁸¹, поэтому не всегда этнические или религиозные различия провоцируют войну, хотя они и обостряются в ходе конфликта. Впрочем, это не отрицал бы и Шмитт, подчёркивавший, что война не есть нечто повседневное, нормальное и желательное, но лишь реальная возможность, к которой может привести интенсификация вражды⁸². И в мо-

⁷⁹ Калдор М. Новые и старые войны. С. 167–172.

⁸⁰ Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 308.

⁸¹ Kaldor M. Identity and war // Global policy. 2013. Vol. 4. No. 4. P. 339.

⁸² Шмитт К. Понятие политического. С. 308. Задолго до Шмитта об этом же писал Клаузевиц в абсолютно просвещенческом духе: «Борьба между людьми проистекает в общем счете из 2 совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту, чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; меж-

мент, когда эта возможность становится действительностью, конфликт будет тем более жесток, чем более в нём будет преобладать не политическая вражда, а этническая, экономическая или религиозная рознь. Войны такого рода опасны своей чрезмерной бесчеловечностью⁸³. В них используется метафорический язык дискредитации и расчеловечивания врага. Это делается посредством описания его как врага рода человеческого — фашиста, террориста, — с которым нужно бороться до конца и которому невозможно сохранить жизнь, а поэтому его нужно истребить и окончательно лишить возможности политического существования. Последовательно проводимая политика идентичности провоцирует осмысление конфликта в манихейских терминах борьбы добра со злом. Но, как писал Бодрийяр: «Добро не могло бы победить Зло иначе, как не перестав быть Добром»⁸⁴. Сторона, идентифицирующая своего противника как воплощённое зло, встаёт на путь тотальной вражды и гуманитарных преступлений.

Применение террора

Естественным воплощением политики идентичности в вооружённом конфликте становится применение террора и насилия как политического средства, т.е. использование этих средств для установления политической власти. В равной степени это свойство относится и к негосударственному субъекту, и к государству.

ду тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно ни каким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных — намерения, обуславливаемые рассудком». См.: *Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 21.*

⁸³ *Шмитт К.* Понятие политического. С. 311–312.

⁸⁴ *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма... С. 103.

В конфликте, где одна из воюющих сторон в высшей степени упорядочена и регулярна, отношение к иррегулярному субъекту неизбежно будет крайне жестоким, а методы борьбы с ним в высшей степени бескомпромиссными. Его не будут считать классическим врагом, а потому с ним можно будет вести войну на уничтожение. Признание такого врага в качестве равного с политической точки зрения субъекта потребовало бы окончательного решения вопроса о его существовании, а значит, требовало бы войны, которая дала бы отпор этому врагу и загнала бы его в прежние границы или уничтожила бы его. Но у иррегулярных субъектов изначально нет границ. Наоборот, они выступают в качестве силы, действующей в границах какого-либо иного суверенного политического субъекта, нарушая их и по определению становясь государственными преступниками, подрывающими конституционные основы данного государства. К тому же государство не может положиться на симметрию традиционных войн, когда противника призывают к переговорам и заключают с ним сделку. В асимметричном конфликте государству противостоит обычно множество слабо связанных между собой групп: повстанческие отряды, террористические группы, криминальные банды, подразделения самообороны, народные милиции и т.д. В таких условиях конфликт не может решаться за столом переговоров; единственной тактикой остаётся продолжение силового противостояния, ответный террор, пытки и заключение в тюрьму предполагаемых солдат противника. К тому же регулярные силы часто сталкиваются с проблемой идентификации противника, который растворяется среди гражданского населения, тем самым подвергая его опасности вооружённого нападения со стороны регулярных войск.

Итак, асимметричного врага не признают как политически равного, но борьбу с ним ведут. Борьба ослож-

няется также необходимостью отстаивания постулируемых этических идеалов, что заставляет «гуманно» вести войну с врагом, который отказался от гуманности. Вражда должна находить свое снятие в войне, на деле же оказывается, что этого снятия не происходит. Итогом этой крайне рационалистичной, но также и крайне негуманной тотальной войны должна стать безоговорочная капитуляция, утверждающая тотальность поражения противника. В таких обстоятельствах мы вновь должны сделать вывод о том, что уже не видим однозначного различия между войной и миром.

В свою очередь, боец иррегулярной армии ставит себя вне какого-либо ограничения войны, так как он являет собой пример абсолютной, исключаящей мир вражды, и не ожидает от своего регулярного противника ни правового решения конфликта, ни пощады. Террорист, повстанец или партизан нуждаются во враге как конституирующей основе своего существования. Но их отношение к врагу в иррегулярном конфликте означает войну на уничтожение и не предполагает иных решений. Негосударственный субъект видит в этом свою наибольшую эффективность, стараясь нанести наиболее ощутимый удар по регулярным войскам или правительственному органу, стремясь показать их слабость и невозможность выполнять защитную функцию, ключевую для них. Регулярные силы, представляя себя стороной добра, позиционируют свою борьбу как сражение со злом, которое заслуживает сокрушительного поражения. В результате любой вступающий в асимметричный конфликт сталкивается с опасностью попадания в порочный круг террора и контртеррора⁸⁵.

Иррегулярная война, таким образом, содержит в себе постоянную угрозу превратиться в последнюю войну человечества, во всемирную революцию — новый для XX в.

⁸⁵ Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. С. 25.

способ ведения войны, состоящий в разрушении наличествующего социального и политического порядка, что стало особенно актуальным с появлением нового типа терроризма — гипертерроризма. Понятие «всемирной гражданской войны» с особой интенсивностью эксплуатируется после событий 11 сентября 2001 г., когда многие стали рассматривать войну с терроризмом в качестве своего рода гражданской войны, которая ведётся экстерриториально, в масштабе всего мира, подтверждая тезис о глобализованности современной войны. Эта война, которой очень сложно положить конец — она постоянно возобновляется, разгораясь в новых местах как ответ на насильственные акции. Погасить очаги этого пламени одними военными мерами сложно, поскольку причины этой войны выходят за границы военно-политической сферы.

«Хищнические» методы финансирования

И одна из главных причин войны и её ключевой мотив кроются в экономической сфере. Финансовая сторона современной войны становится особенно важной. Война это не только продолжение политики, но и экономики, в которой помимо государства участвует масса субъектов разной степени автономности. Во многом эти субъекты появляются благодаря тому, что участие в вооружённых действиях предоставляет им доступ к ресурсам, поддерживающим их существование. Соответственно, такие участники конфликта будут наиболее заинтересованы в продолжении войны, в которой они видят источник собственной жизнеспособности.

Экономика новых войн так же асимметрична, как и их политическая составляющая. Государство изначально может оперировать бóльшими ресурсами, чем негосударственный субъект. Во всяком случае, пока государственные институты сильны и устойчивы, они облада-

ют большей возможностью использовать своих граждан в военной экономике, вовлекая их в производство военных товаров или облагая налогами.

Однако определённые экономические возможности получают и негосударственные субъекты, особенно в случае, если им удаётся подчинить своему контролю богатые ресурсами территории или городские местности. Население грабится или ставится под финансовый контроль иррегулярными группами, лишёнными на то легитимного права. В этом и проявляется «хищническая» экономика новых войн (как называет её Мэри Калдор вслед за Хавьером Бугарелем⁸⁶), когда ресурсы добываются при помощи насилия или принуждения. Так, если мы рассмотрим в качестве примера экономику ИГИЛ⁸⁷, то станет очевидно, что значительная её доля лежит в нелегальной сфере, даже если принять во внимание квазигосударственный статус этой структуры. Будучи на пике своего могущества, организация ИГИЛ занималась сбором налогов, таможенных пошлин и закята, получала спонсорские средства от политических структур и частные добровольные взносы. Однако не меньшую долю в её доходах составляли изъятия средств и собственности, похищение людей ради выкупа или продажи в рабство, торговля органами, наркотиками и предметами старины, перепродажа гуманитарной помощи, наконец, операции на чёрном рынке ресурсов (нефть и минералы)⁸⁸. Иными словами, современная война пре-

⁸⁶ Калдор М. Новые и старые войны. С. 128; Bougarel X. L'Anatomie d'un conflit. Paris: La Decouverte, 1995. См. также: Мюнклер Г. Осколки войны... С. 200.

⁸⁷ ИГИЛ — террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ.

⁸⁸ FATF. Financing of the terrorist organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL). FATF. 2015. P. 12–26; Blannin P. Islamic State's Financing: Sources, Methods and Utilisation // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2017. Vol. 9. No. 5. P. 13–22.

доставляет самые разнообразные возможности для заработка, что делает её сверхвыгодным делом⁸⁹.

Клаузевиц полагал, что политическое решение прекратить войну знаменует её действительное окончание: «...при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, и напряжение ослабевает, ибо все склонные к миру умы... совершенно отходят от линии сопротивления. Во всяком случае с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны — исчерпанным»⁹⁰. Мирный договор гасил все искры войны и не позволял им разгореться. В современных войнах необходимо удовлетворить экономические потребности всех участников конфликта или нанести им ощутимое военное поражение, возможно, даже полностью уничтожить, чтобы прекратить их волю к вооружённой борьбе.

Уменьшение боевых потерь

Если принять во внимание абсолютные цифры потерь среди военнослужащих, вызванных войной с участием государств (state-based conflict по классификации UCDP), то с 1945 г. наблюдается тренд на их снижение. Тем не менее и в этом временном отрезке есть пики, вызванные прежде всего войнами в Корее (1950–1953 гг., около 1 млн убитых), Вьетнаме (1965–1975 гг., около 1,5 млн убитых), Афганистане (1979–1989 гг., 435 тыс. убитых), а также Ирано-Иракской войной (1980–1988 гг., 645 тыс. убитых)⁹¹. При этом доля убитых в войнах с участием государства,

⁸⁹ Мюнклер называет новые войны ресурсными. Мюнклер Г. Осколки войны... С. 200.

⁹⁰ Клаузевиц К., фон. Указ. соч. С. 42.

⁹¹ Использованы данные «наиболее точной оценки» из базы данных PRIO-UPPSALA. Lacina B., Gleditsch N.P. Monitoring Trends in Global Combat: A New Dataset of Battle Deaths // European Journal of Population. 2005. Vol. 21. No. 2–3. P. 145–166.

как правило, составляет более 75% общего числа убитых во всех видах вооружённых конфликтов, включая негосударственные конфликты (не участвуют государственные организации) и акции одностороннего насилия (*one-sided violence*; один агрессор). Так, после окончания холодной войны исключения, когда доля убитых в результате одностороннего насилия превышала 30 и даже 50% общего числа потерь, случались только трижды. Эти исключения были вызваны геноцидом в Руанде 1994 г. и акциями против гражданских лиц в ходе Первой и Второй конголезской войн (1996 и 2002 гг.)⁹².

При этом, как неоднократно отмечалось, устойчивой особенностью современных войн является их направленность против гражданских лиц. Так, в докладе 2001 г. о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан заявил, что на фоне преобладания внутренних, иррегулярных войн над межгосударственными «затронутые гражданские лица, как правило, являются не случайными жертвами этих новых иррегулярных сил, они являются их главной целью»⁹³. Особенно верно это было для конфликтов, вызванных этическими или религиозными причинами. Этот тезис был многократно воспроизведён. В частности, в 2019 г. его повторил действующий Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш⁹⁴.

Происходит это по вполне понятным причинам. Снижается количество старых, межгосударственных войн,

⁹² См.: Шербакова Е. Людские потери в вооруженных конфликтах в мире: 1946–2015 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 74–75.

⁹³ Аннан К. Доклад Генерального секретаря Совету Безопасности о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте. S/2001/331. 2001. С. 2.

⁹⁴ Гутерреш А. Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте. S/2019/373. 2019. С. 2.

где основой тактики был бой, в котором одно подразделение сражалось против другого. Но акции насилия против гражданских лиц остаются актуальным средством войны. Особенно верно это для конфликтов нового типа, поскольку бойцам иррегулярных отрядов, которые редко обеспокоены соблюдением норм международного гуманитарного права и моральными обычаями войны, значительно проще нападать на гражданских лиц. Причинами, по которым гражданское население становится жертвой войны, могут быть перекрёстный огонь и косвенные удары, но также и намеренное нападение на гражданских лиц по личным мотивам или с политическими и(или) экономическими целями. К политическим целям можно отнести этнические чистки, которые проводятся на основании политики идентичности, освобождение селений и территорий, устрашение. Что касается экономических целей, то убийства становятся средством реализации хищнической экономики и грабежей.

Уже во Второй мировой войне число убитых военных было меньше гражданских (15 и 45 млн соответственно)⁹⁵. В наиболее крупных войнах последних десятилетий (Ирак, Афганистан, Сирия) соотношение потерь среди гражданских и военных составляет примерно один к одному⁹⁶. Тем не менее исследователи не могут точно оценить масштаб потерь среди гражданских лиц. Кофи Аннан называл их неисчислимыми, поскольку в ходе конфликта подсчёт убыли гражданского населения не берёт на себя ни одна организация⁹⁷. Статистика, как правило, предлага-

⁹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов / Энциклопедия: в 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. С. 19–86.

⁹⁶ Crawford N.C. Human Cost of the Post-9/11 Wars: Lethality and the Need for Transparency // Report. Watson Institute, Brown University, 2018. P. 1.

⁹⁷ Аннан К. Указ. соч. С. 1.

ет данные по общим людским потерям, не разделяя гражданские и военные потери, и только в отдельных случаях эти категории разводятся. Мы также отмечали, что в современной войне далеко не всегда можно однозначно провести линию разграничения между гражданским лицом и военным в связи с тем, что в конфликте могут участвовать преступные группировки, местная милиция, партизаны, террористы, в том числе рекрутированные из других стран. Кроме того, проблему составляет оценка косвенных демографических потерь, вызванных войнами. Причины их весьма разнообразны: эпидемии и лишения, связанные с разрушением социальной инфраструктуры (недостаток пищи, воды, лекарств, невозможность получить медицинскую помощь); отсутствие доступа к убежищам; отсутствие гуманитарной помощи; психологические травмы, ведущие к самоубийствам.

После Второй мировой войны конфликты становятся менее кровопролитными и смертоносными, но число их не уменьшается значительным образом. Скорее этот процесс волнообразен: после окончания холодной войны периоды спада количества конфликтов сменяются периодами роста, затем вновь наступает спад. Тем не менее значительное число жертв среди гражданского населения всё ещё остаётся серьёзной проблемой. Но всё-таки такое положение нельзя назвать простым алармизмом⁹⁸. Оптимизм может внушать то, что сокращение числа межгосударственных войн означает снижение кровопролитности войн. Однако значительная угроза международной безопасности состоит в том, что в асимметричных конфликтах гражданское население истребляется с не меньшей жестокостью, чем прежде, что случаются настоящие ка-

⁹⁸ Степанова Е.А. Гуманитарные аспекты современных конфликтов // Пути к миру и безопасности. 2018. Т. 54. № 1. С. 26. См. также: Калдор М. Новые и старые войны. С. 391–393.

тастрофы, как это было в Руанде, что насильственные акции против гражданского населения приводят к последствиям, масштабы которых могут менять ситуацию в регионе или носить глобальный характер.

*Увеличение продолжительности войны
и опасность её рецидива*

Несмотря на то что межгосударственная война исчезает, доминируют конфликты низкой интенсивности и снижается степень её кровопролитности, война не становится более скоротечной. Она приобретает вязкий характер, продолжаясь достаточно долго, пусть и в вялотекущем режиме. В разделах о применении террора и хищнической экономике войны мы уже писали о том, почему это происходит. Асимметрия не позволяет реализоваться традиционному сценарию, когда после нанесения ощутимого военного поражения одной из сторон, противники садятся за стол переговоров и заключают мирное соглашение. В новых войнах сторон может быть слишком много, а статус их недостаточно высоким для того, чтобы они воспринимались в качестве участника переговорного процесса. В таких случаях не всегда помогают и более статусные посредники, которые берут на себя обязанность представления негосударственных групп. Договорённости с одним из полевых командиров или главой клана вовсе не гарантируют, что соглашение будет принято всеми группировками, с которыми вы боретесь. Довольно сложно договориться с террористами и заставить их прекратить проводить террористические атаки, поскольку сам смысл террористической деятельности предполагает отказ от обсуждения будущих террористических атак. Участники конфликта могут быть заинтересованными в войне, поскольку она решает их социальные и экономические проблемы, например, обес-

печивает их. К тому же стороны могут быть попросту недостаточно сильными, чтобы нанести военное поражение друг другу.

Группа исследователей из Всемирного банка и Центра исследований экономики Африки Оксфордского университета провела примечательное исследование гражданских войн, начиная с 1960-х годов. Они отметили, что продолжительность конфликта существенно увеличивается, если общество состоит из нескольких крупных этнических групп или если конфликт ведётся в удобной для этого местности, например, если регион покрыт лесами⁹⁹. Также они выяснили, что принятие решения о вступлении в конфликт далеко не всегда рассматривалось через призму возможности достижения целей после войны¹⁰⁰. У представителей иррегулярных групп отсутствует долгосрочное стратегическое планирование, а их возможности прогнозирования развития конфликта очень ограничены. Это означает, что принцип, известный в теории справедливой войны как вероятность успеха, не работает. Негосударственные субъекты инициируют конфликт не в ситуации, когда они уверены в том, что добьются победы, но в наиболее удобный момент для себя или просто, когда им предоставляется возможность выступить. К обстоятельствам, способствующим принятию решения о начале вооружённой борьбы, относятся в первую очередь степень финансовой обеспеченности и военная оснащённость. Вывод, который делают исследователи, опять-таки созвучен теории новых войн — решение локальных проблем и предотвращение гражданских войн требуют глобальной модерации ситуации, которая поможет сделать вооружённое выступление менее жизне-

⁹⁹ Collier P., Hoeffler A., Söderbom M. On the Duration of Civil War / World Bank Policy Research. Working Paper No. 2681. 2001. P. 11.

¹⁰⁰ Ibid. P. 17.

способным и тем самым исключить предельную степень эскалации насилия¹⁰¹.

Дополнительное затруднение представляет собой и эксплуатация политики идентичности в военных целях. Разделяясь и поляризуясь и доходя таким образом до войны, участники конфликта могут надолго ожесточиться по отношению друг к другу. Заключённое мирное соглашение может сохранить напряжённость, возникшую между ними. В результате враждебные отношения будут сохраняться, провоцируя новые столкновения и войны.

Ещё одним фактором риска следует считать соседство с регионами, в которых ведётся война. Так, например, Первая конголезская война началась в результате обострения внутреннего политического кризиса в Заире, а он был вызван притоком беженцев из Руанды в 1994 г. Нестабильное правительство президента Мабуту не смогло держать под контролем восточную часть страны, но при этом провоцировало напряжённость, поддерживая некоторые повстанческие группировки и направляя их против других. А гражданская война в Сирии спровоцировала эскалацию сразу нескольких конфликтов между региональными акторами — сунниты против шиитов, Иран против Саудовской Аравии, курды против Турции, — но также способствовала интенсификации напряжения между Россией и США.

По мнению Мюнклера, в описанных условиях завершение конфликта превращается в длительный процесс установления мира (*Friedensprozesse*)¹⁰², который заменяет собой практику мирного соглашения (*Friedensschlüsse*). Этот процесс может затянуться на годы и даже десятилетия. И успех его связан в большей степени с экономическими обстоятельствами, нежели политическими или военными. Продолжительное присутствие войск на тер-

¹⁰¹ *Collier P., Hoeffler A., Söderbom M.* Op. cit. P. 17–18.

¹⁰² *Münkler H.* Die Neuen Kriege. S. 22.

ритории вооружённого конфликта свидетельствует не о мощи этих войск и успешности функционирования армии, наоборот — это явный признак неудачи и затянувшегося конфликта, из которого нет выхода. Война имеет шанс закончиться, когда не только непосредственные участники конфликта, но и все заинтересованные экономические структуры придут к выводу, что в долгосрочной перспективе для них выгоднее будет мирное положение, а не продолжающийся конфликт.

Утрата нравственных и правовых ограничений войны

Ведение войны издревле регулировалось различными нормами: взаимными договорённостями, обычаями и традициями, правовыми положениями, моральными кодексами. Возможно, представления о рыцарской чести и доблести оказывали не самое существенное влияние на боевые практики рыцарей, но само существование рыцарского кодекса уже свидетельствует о попытке сформулировать принципы поведения, соответствующие этосу людей, занятых войной профессионально. «Рыцарское высокомерие, готовящее путь милосердию и праву»¹⁰³, как определил значение рыцарских идеалов Йохан Хейзинга, в этом смысле оказывается необходимым элементом формирования современных норм ведения войны. Эти идеалы, а также богатая философская и теологическая традиция нравственного ограничения войны закладывали основу для развития системы международного права войны и мира.

Безусловно, дискуссионным остаётся вопрос о том, насколько эффективны эти нормы в качестве средств огра-

¹⁰³ Хейзинга Й. Политическое и военное значение рыцарских идей в позднем средневековье // Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс — Традиция, 1997. С. 302.

ничения насилия. Нередко можно услышать и утверждения, что применение военной этики, основой которой выступает теория справедливой войны, приводит к декриминализации агрессии и военных преступлений, если жертвами их становятся «плохие парни»¹⁰⁴. Тем не менее мы должны отметить само мышление в категориях права и этики войны и подтверждённую в военных доктринах многих стран готовность соблюдать принципы сдержанного и избирательного поведения на поле боя как значительное достижение в военной сфере.

К тому же эффекты морального воспитания проявляют себя в войнах, которые ведут регулярные армии. Это доказывается хотя бы тем, что сами новости о нарушениях права и морали войны получают широкую огласку и вызывают резонанс. В общественном сознании закреплено представление о недопустимых способах поведения солдат, а военные не нарушают нормы морали и права настолько часто, чтобы сделать эти нарушения обыкновенными, не заслуживающими внимания событиями. Более того, сами военные часто подчёркивают, что они нуждаются в морально-правовом руководстве и профессиональном этическом кодексе¹⁰⁵. Следование нормам выступает для них в качестве элемента мягкой силы армии и работает на поддержание репутации и повышение общественного доверия к военным как одному из наиболее представительных государственных институ-

¹⁰⁴ *Jokic A.* What is Really Military Ethics (and What They Think It Is in the West)? // *Theoria*. 2017. Vol. 60. No. 4. P. 35–54.

¹⁰⁵ *Emonet F.* The Importance of Ethics Education in Military Training // *NCO Journal*. 2018. Vol. 27. No. 11. P. 1–6; *Whetham D.* Why Does Ethics Matter for the Military? <<https://defenceindepth.co/2015/11/30/why-does-ethics-matter-for-the-military/>>; *Bowyer D.G.* Challenges to the Military Code of Ethics: How New Wars and New Protagonists Challenge the Concept of Warrior Honour. <http://isme.tamu.edu/ISME07/Bowyer07.html#_edn21>.

тов¹⁰⁶. Нередко способность к гуманности называется одной из основ самоидентификации военного¹⁰⁷.

Однако в силу смешанного состава участников новых войн, активного включения в них негосударственных военизированных групп стремление сторон соблюдать законы и моральные нормы войны и практическое соблюдение этих норм становится крайне затруднительным. Любая норма и закон могут восприниматься как ограничение, как ослабляющий фактор, поэтому комбатанты без развитой военной культуры могут видеть в них ненужное обременение и отказываться от их соблюдения. Они не обучаются нормам военной этики и не тренируются применять их. Именно поэтому, как мы уже многократно отмечали, масштабы жертв среди гражданских лиц оказываются такими значительными.

* * *

Приведённые выше характеристики и признаки новых войн позволяют получить представление о тех трансформациях, которые начались в конце XX в. и до сих пор происходят с доминирующим типом войны в начале XXI в. в контексте прекращения идеологического капиталистического и коммунистического противостояния, делегитимации войны и глобализации. Безусловно, можно настаивать на том, что так или иначе некоторые из этих особенностей и тенденций в военном деле проявляли себя и в прошлом. Это верно, но, скорее всего, относится к каким-то отдельным из названных характеристик войны. Не представляется возможным привести в пример исторический пери-

¹⁰⁶ *Kasher A. Public Trust in a Military Force // Journal of Military Ethics. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 20–45.*

¹⁰⁷ *Field Manual No. 1. The Army / HQ Department of the Army. 2005. P. 15; Duty with Honour. The Profession of Arms in Canada. Canadian Defence Academy; Canadian Forces Leadership Institute, 2003. P. 16.*

од, в котором все названные характеристики войны проявлялись бы одновременно. А именно одновременное действие всех этих особенностей позволяет проявиться феномену новых войн. По словам Мюнклера, «...новизна элементов, предлагаемая теорией “новых” войн, заключается в соединении всех... признаков и их взаимном усилении»¹⁰⁸. Комбинация из известных тактик и практик и уникальных обстоятельств производит новый тип военного порядка.

ВИДЫ И ТАКТИКИ

Для более подробного и точного описания современной трансформации войны мы должны также обозначить основные виды конфликтов, с которыми мы сталкиваемся в первой половине XXI в. Место старой межгосударственной войны занимают внутренние конфликты, гуманитарные, гибридные, опосредованные (прокси), кибер, информационные, новые гражданские войны и терроризм. В этих вооружённых конфликтах используются и специфические инструменты или тактики. Такие как автономные боевые системы (роботы, беспилотные летательные аппараты (дроны), беспилотные надводные корабли), кибероружие, организация революционных движений и массовых протестов как средство гибридной войны, уничтожение культурного наследия, точечные убийства, использование пыток. Иногда эти тактики накладываются одна на другую или применение одной стимулирует проявление другой, как, например, это случилось после гуманитарной операции НАТО против Югославии, которая обусловила уничтожение древних сербских монастырей и храмов на территории Косово и Метохии. Всё это следует учитывать при определении образа новой войны.

¹⁰⁸ Мюнклер Г. Осколки войны... С. 195, 210–211.

Многие из этих понятий, которые закрепляются в современном милитарном лексиконе, появились сравнительно недавно (как гибридная война или новые гражданские войны) или до сих пор не получили однозначного определения (как терроризм; используется также понятие «новый терроризм»). Такая ситуация несколько затрудняет исследовательскую работу в сфере войны. Тем не менее даже до обретения консенсуса по дефинициям всех этих явлений нам необходимо как-то определять их, чтобы понимать, с какими вызовами нам приходится сталкиваться.

Новый терроризм

Сам по себе феномен терроризма далеко не нов. Слово «террор» (от *лат.* *terror* — страх, ужас) начало активно употребляться в политическом языке во время Французской революции, когда были казнены десятки тысяч «врагов революции». Террор, таким образом, был насильственной практикой по защите существующего порядка. В этом смысле можно говорить о государственном терроре, который реализуется посредством репрессий¹⁰⁹. Терроризм же со временем стал обозначать деятельность негосударственных групп, направленную против государственного аппарата и реализующуюся в виде террористических актов.

Расхождения в определении понятия «терроризм» во многом обусловлены тем, что это слово воспринимается как оценочное и обладает однозначной негативной коннотацией. В результате, очень редко те, кого мы называем террористами, самоидентифицируются как террори-

¹⁰⁹ *Ильинский И.М.* О терроре и терроризме. М.: МГСА, 2001. С. 27–28; *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник. Минск: Харвест, 1999. С. 23.

сты, в отличие от солдата, частного военного контрактника или повстанца. Негативные коннотации, которые несёт это понятие, заставляют террористов давать иные определения своей деятельности, представляя её попытками отстоять свободу, защитить свой народ или свою религиозную группу от притеснения или чем-то подобным. Большинство из них полагают, что «ведут борьбу против агрессии, а поэтому обладают справедливой причиной»¹¹⁰, т.е. пытаются дистанцироваться от представлений о нелегитимности их деятельности. Также, несмотря на то что террористические группы намеренно используют насилие, обращая его против случайных людей, и стремятся посеять ужас, они будут настаивать, что не освобождают себя от следования определённым нравственным принципам. Чаще всего террористы заявляют о приверженности собственному моральному кодексу и в некоторых случаях действительно руководствуются им. Иными словами, самоопределение большинства террористических групп не позволяет нам получить адекватную дефиницию понятия «терроризм». Кроме того, существует и лингвистическая проблема употребления терминов, связанных с темой смерти и насилия. Можно утверждать, что любое силовое действие, будь то полицейская или военная операция, порождает страх, поэтому делает понятие терроризм бессмысленным, не указывающим ни на какой специфический вид насилия.

Общим местом террористической деятельности называют целенаправленное насилие по отношению к гражданскому населению. Именно это делает терроризм морально неприемлемым. На протяжении нескольких столетий европейское право и европейская моральная философия войны бились за обеспечение особого статуса граждан-

¹¹⁰ *Fotion N., Kashnikov B., Lekea J.K.* Terrorism. The New World Disorder. N.Y.: Continuum, 2008. P. 120.

ского лица, которое не считалось законной жертвой войны и которого надо было оберегать от насилия.

Терроризм сознательно идёт на нарушение этого принципа, «согласно здравому смыслу, терроризм — это парадигма бессмысленного или, по крайней мере, совершенно незаконного, отвратительного насилия»¹¹¹. Именно на эту, моральную, составляющую терроризма как тактики ведения борьбы обычно указывают в современных определениях понятия «терроризм». Вот для примера две дефиниции довольно авторитетных авторов, специализирующихся на исследовании вопросов войны и мира. Тони Коуди пишет, что терроризм — это «тактика намеренного нападения на некомбатантов (или объекты, важные для поддержания жизнеобеспечения и безопасности), предполагающая убийство или применение жестокости и насилия, нацеленная на решение политических задач при помощи распространения страха»¹¹². Игор Приморац продолжает в том же ключе: «...преднамеренное использование насилия или угроза его применения, направленное против невинных людей, и нацеленное на запугивание других людей для того, чтобы заставить их поступать определённым образом, как они не поступили бы, не будучи запуганными»¹¹³.

В этих определениях акцент делается на моральной или легальной стороне террористической деятельности. Однако они не позволяют однозначно опознать террористическое действие, указать на его специфичность среди прочих способов насильственной политической борьбы. Возможно, их можно было бы дополнить, подчеркнув, что

¹¹¹ *Steinhoff U.* On the Ethics of War and Terrorism. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 1.

¹¹² *Coady C.A.J.* Terrorism // Encyclopedia of Ethics / ed. by L.C. Becker, C.B. Becker. Vol. 3. N.Y.; L.: Routledge, 2001. P. 1697.

¹¹³ *Primoratz I.* Terrorism: A Philosophical Investigation. Cambridge: Polity Press, 2013. P. 24.

терроризм представляет собой один из видов войны, которая применяется негосударственным субъектом и которая предполагает для достижения политических целей использовать тип насилия, поставленный вне закона существующими обычаями ведения войны и направленный на нанесение ущерба гражданским лицам и нонкомбатантам. Ещё в начале 1990-х годов Алекс Шмид, нидерландский исследователь терроризма и в прошлом руководитель сектора по предупреждению терроризма Организации Объединенных Наций, предложил трактовать теракт как эквивалент военного преступления в мирное время. Но ещё ранее он также обращал внимание на специфическую особенность терроризма как формы войны, которая заключается в том, что «непосредственные цели насилия не являются основными целями»¹¹⁴ террористов.

Об этом же уже в 1975 г. писал Брайан Дженкинс: «...террористы хотят, чтобы многие увидели и услышали их, а не того, чтобы многие были мертвы»¹¹⁵. Привлечение внимания для них важнее, чем количество убитых людей. То есть жертвы — это не основная цель, а скорее средство. Хотя можно предположить, что чем больше людей будет убито, тем больше внимания получают террористы.

Важно также отметить, что терроризм менялся со временем и террористические группы позапрошлого столетия мало чем напоминают современные террористические организации. Согласно наиболее часто употребляемой типологии терроризма, предложенной профессором Калифорнийского университета Дэвидом Рапопортом, выделяется четыре волны терроризма, каждая из них длилась

¹¹⁴ Schmid A., Jongman A. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988. P. 28.

¹¹⁵ Jenkins B.M. International Terrorism: A New Mode of Conflict // International Terrorism and World Security / ed. by D. Carlton, C. Schaerf. L.: Croom Helm, 1975. P. 15.

около четырёх десятилетий. Соответственно, можно говорить о четырёх типах терроризма: анархическом (1880-е — начало XX в.), антиколониальном (1920–1960-е годы), новом левом, или марксистском (1960-е — конец XX в.) и, наконец, религиозном (с 1979 г.)¹¹⁶.

Распространение и развитие современного терроризма четвёртой волны — обращённого не против политической элиты, а чаще всего против рядовых граждан, насилие над которыми призвано распространить страх, — стало возможным именно в прошлом столетии. Современное общество, массовое и городское, крайне индивидуализировано; это способствует успешности проведения терактов. Мы также отмечаем превращение западных обществ в постгероические, в результате чего «террористам удалось сделать из своей собственной смерти абсолютное оружие против системы, которая существует за счет исключения смерти и идеалом которой является нулевая смерть»¹¹⁷. Но помимо этого развитие техники и средств массовой информации значительно упрощает процесс распространения новостей. К тому же сообщения о насильственных акциях остаются супервостребованным материалом для большинства средств массовой информации: «...современные СМИ просто не способны обойти или проигнорировать акт террора в силу имманентно присущей им логики функционирования»¹¹⁸. Эти обстоятельства позволили терроризму, который не может существовать без подробного публичного освещения террористических акций, стать столь эффективным и широко распространённым.

¹¹⁶ *Rapoport D.* The Fourth Wave: September 11 and the History of Terrorism // *Current History*. 2001. Vol. 100. No. 650. P. 419–424. См. также: *Rapoport D.* Four Waves of Terrorism / *Terrorism and Homeland Security* / ed. by Dipak K. Gupta. Belmont, CA: Wadsworth, 2005.

¹¹⁷ *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма... С. 105.

¹¹⁸ *Куренной В.А.* Война, терроризм и медиа // *Прогнозис*. 2006. Т. 5. № 1. С. 295.

Хотя, согласно наблюдению Рапопорта, каждая волна терроризма существует около 40 лет, после чего её сменяет другая, и, соответственно, мы находимся в моменте, когда религиозная волна терроризма только готовится сойти на нет или перестанет быть доминирующей формой терроризма, в исследовательской литературе уже с 1990-х годов фигурирует понятие «новый терроризм» (*new terrorism*)¹¹⁹. Термин стал особенно популярным после терактов 11 сентября. Согласно гипотезе о новом терроризме, религиозная волна терроризма (четвёртая по Рапопорту) стала не просто очередным этапом в эволюции старого, светского терроризма, а произвела настоящую революцию, в результате которой весь мир столкнулся с чрезвычайно мощной угрозой организованного насилия¹²⁰, действующей локально и глобально, — «угрозой, с которой наша страна никогда ещё не сталкивалась», как сказал Джордж Буш, подписывая «Патриотический акт»¹²¹.

Отличительными характеристиками нового терроризма называются именно интенсификация террористической практики, смена иерархической организационной структуры на горизонтальную, или сетевую, а также «интернационализация и глобализация» духовной или религиозной пропаганды насилия¹²², в результате чего фор-

¹¹⁹ *Laqueur W.* The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999; *Lesser I.O., Hoffman B., Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M., Jenkins B.M.* Countering the New Terrorism. Santa Monica: RAND Corporation, 1999; *Goertz S., Streitparth A.E.* The New Terrorism Actors, Strategies and Tactics. N.Y.: Springer, 2019.

¹²⁰ *Goertz S., Streitparth A.E.* Op. cit. P. 1.

¹²¹ *Bush G.W.* Address on Signing the USA Patriot Act of 2001. 26.10.2001 <<https://americanrhetoric.com/speeches/gwbushusapatriotact2001.htm>>.

¹²² *Goertz S., Streitparth A.E.* Op. cit. P. 133.

мируется единый фронт людей, готовых участвовать в терроризме, несмотря на то что проживают они в различных регионах мира. Это подтверждается и исследованием специалистов из Центра изучения терроризма и политического насилия Сент-Эндрюсского университета, которые заметили, что чаще всего концепт «новый терроризм» применяется в научной литературе в контексте обсуждения «роста уровня насилия или увеличения числа жертв»¹²³. Причём жертвы эти появляются вследствие неизбирательных и непропорциональных атак, когда нападению подвергаются случайные люди.

Тем не менее многие исследователи ставят под сомнение целесообразность применения понятия «новый терроризм»¹²⁴. Основные аргументы в этом случае сводятся к тому, что религиозные мотивы можно обнаружить и в действиях террористических групп прошлого (разница между религиозным обоснованием терроризма и идеологией в принципе невелика), и что нередко действия террористов предыдущих волн также были направлены против случайных жертв¹²⁵. Кроме того, высказываются опасения, что принятие парадигмы нового терроризма опасно, поскольку создаёт алармистские настроения, позволяющие сделать принятие решения о войне или введении чрезвычайного положения более лёгким и менее демократическим — просто прикрываясь невиданной опасностью, с которой пришлось столкнуться тому или иному

¹²³ Lynch O., Ryder C. Deadline, Organisational Change and Suicide Attacks: Understanding the Assumptions Inherent in the Use of the Term “New Terrorism” // *Critical Studies on Terrorism*. 2012. Vol. 5. P. 264.

¹²⁴ Field A. The “New Terrorism”: Revolution or Evolution? // *Political Studies Review*. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 200–204.

¹²⁵ Качественный обобщающий обзор контраргументов в дебатах о новом терроризме см.: Kurtulus E.N. The “New Terrorism” and Its Critics // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2011. Vol. 34. No. 6. P. 479–480.

государству¹²⁶. Во многом дискуссия о новом терроризме напоминает полемику вокруг обсуждения теории новых войн. Хотя в данном случае существенное отличие состоит в том, что споры о разных видах терроризма осложняются отсутствием консенсуса относительно самого понятия «терроризм» — проблема, о которой было сказано выше. Если основной вывод теории новых войн состоит в том, что констелляция свойств и характеристик (возможно, уже встречавшихся ранее) заставляет говорить о появлении определённого типа войны, который в данный момент становится доминирующим, то сторонники концепции нового терроризма настаивают на том, что мы сталкиваемся с абсолютно новым феноменом, не существовавшим ранее. В главах 3 и 4 мы ещё вернёмся к обсуждению терроризма в связи с этическими вызовами, которые связаны с террористической деятельностью и борьбой с терроризмом.

Гибридная война

Понятие гибридной войны (hybrid warfare) довольно популярно, оно часто используется в средствах массовой информации, хотя, возможно, смысл его не вполне ясен. Однако интенсивное употребление термина в медийной среде не свидетельствует об однозначности его трактовки. Множество вариантов определений, которые дают военные эксперты и теоретики, лишь усугубляет ситуацию.

Гибридность (от *лат.* hybrida — помесь), зафиксированная в понятии гибридной войны, указывает на применение в ходе одного конфликта различных по своему

¹²⁶ *Spencer A.* Questioning the Concept of New Terrorism // *Peace, Conflict and Development.* 2006. No. 8. P. 5; *Field A.* *Op. cit.* P. 205.

типу средств и сил ведения борьбы. Война, таким образом, становится отличной от своего традиционного образа. Как правило, при описании феномена гибридности войны отмечается её мультимодальный характер, т.е. одновременное использование конвенциональных и неконвенциональных средств, симметричных и асимметричных тактик, регулярных и иррегулярных сил, применение кибероружия, информационных и дипломатических атак, вмешательство во внутреннюю политику, поддержку сепаратистских движений, криминальных и террористических группировок на территории противника, содействие развитию революционных процессов, попытки произвести смену режима. Таким образом, адаптируются различные методы и технологии управления конфликтом, которые ранее, возможно, не сочетались между собой или даже не рассматривались в качестве военных средств. Гибридная война может быть одновременно и сетевой, и информационной, и экономической. Военное вторжение при помощи армейских подразделений оказывается в таком случае далеко не главным методом борьбы. Более того, открытые боевые действия могут вообще не применяться, а война не объявляться. Основным стратегическим преимуществом в таком случае оказывается официальное непризнание государством, ведущим гибридные боевые действия, своего участия в войне, что позволяет избежать обвинений в агрессии и уйти из-под возможного внешнего давления, направленного на восстановление мира.

Термин «гибридная война» появился сравнительно недавно. Считается, что впервые его применили Джеймс Мэттис, на тот момент генерал-лейтенант Корпуса морской пехоты, впоследствии — министр обороны США, и Фрэнк Хоффман, отставной подполковник резерва Корпуса морской пехоты США, в статье «Будущие вой-

ны: появление гибридных войн»¹²⁷. Хоффман впоследствии активно публиковался по теме гибридных войн¹²⁸ и дал следующее определение или, скорее, описание термина:

«Размытие границ между различными способами ведения войны, теми, кто воюет, и технологиями, приводит к появлению широкого спектра разнообразия и сложности, которые мы называем *Гибридной Войной*. Гибридные Войны могут вестись как государствами, так и негосударственными субъектами. Для Гибридных Войн характерен целый ряд различных способов ведения войны, включая обычные средства, нерегулярную тактику и форматы, террористические акты, включая неизбирательное насилие и принуждение, и преступные беспорядки. Эти мульти-модальные действия могут проводиться разными подразделениями или даже одним и тем же подразделением, но обычно они на оперативном и тактическом уровне ведутся и управляются в соответствии с действиями на основном театре военных действий для достижения синергетических эффектов»¹²⁹.

Мэттис и Хоффман отталкивались в своём описании гибридной войны от концепции «войны трёх кварталов» (three block war) генерала Чарльза Чандлера Крулака. Основная идея «войны трех кварталов» заключалась в том, что военные подразделения в современной войне должны выполнять одновременно военные, гуманитарные и миро-

¹²⁷ Hoffman F.G., Mattis J.N. Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // U.S. Naval Institute Proceedings. 2005. Vol. 132. No. 131. P. 18–19.

¹²⁸ Hoffman F.G. How the Marines Are Preparing for Hybrid Wars // Armed Forces Journal International. 2006. April; Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007; Hoffman F.G. Preparing for Hybrid Wars // Marine Corps Gazette. 2007. Vol. 91. No. 3. P. 57–61; Hoffman F.G. Hybrid Warfare and Challenges // Joint Forces Quarterly. 2009. No. 52. P. 34–39.

¹²⁹ Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century... P. 14.

творческие функции¹³⁰. По словам Мэттиса и Хоффмана, эту схему необходимо дополнить четвёртым «кварталом»: «...психологическими или информационными аспектами операций. Этот четвертый блок является областью, в которой вы можете не находиться физически, но в которой мы общаемся или транслируем информацию»¹³¹. Четвёртый, информационный, квартал покрывает собой все три квартала. В среде, которая определяется нестандартным комбинированием сил и средств войны, контроль над инфраструктурными и информационными сетями становится ключевым компонентом достижения победы. Соответственно, важнейшей задачей оказывается интенсификация «интеллектуальной огневой мощи»¹³² подразделений, вовлечённых в конфликт. Главный вывод Мэттиса и Хоффмана: победоносному завершению вооруженного конфликта содействует не столько ведение ожесточённых боёв и уничтожение войск противника (хотя важны и успешные действия на поле боя), сколько господство в информационной среде, позволяющее не допустить воспроизводство враждебных сил посредством рекрутинга или вербовки наёмников с опорой на пропагандистские кампании.

Как видно из определений Мэттиса и Хоффмана, вызовы гибридной войны аналогичны тем, что связаны с новыми войнами в принципе. Это, во-первых, утрата бинарности традиционной межгосударственной войны; во-вторых, особый род тотальности войны, поскольку в конфликт вовлекается в том числе и гражданское население, которое возможно даже не может распознать своего участия в гибридном конфликте; и, наконец, сложности заключения мирного договора и выхода из войны.

¹³⁰ *Krulak C.C.* The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War. 1999. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/usmc/strategic_corporal.htm>.

¹³¹ *Hoffman F.G., Mattis J.N.* Op. cit. P. 19.

¹³² *Ibid.*

Новые гражданские войны

Понятие «новые гражданские войны» не так популярно, как «новые войны» или «новый терроризм». Однако оно используется¹³³ и указывает на существующее у политических учёных, конфликтологов и даже экономистов представление о качественном изменении, произошедшем в характере гражданских войн после холодной войны. Соответственно, противопоставляются традиционные, старые гражданские войны и современные, новые. Первые представляются опосредованными групповыми интересами или коллективными травмами, идеологизированными и нацеленными в конечном счёте на политические трансформации. Вторые связаны с криминализацией насилия и хищничеством, определяющим их деполитизированный и деидеологизированный характер. Стремление к справедливости подменяется в новых гражданских войнах стремлением к наживе.

Естественным выводом в таком случае становится заключение о необоснованности и нередко немотивированности и неконтролируемости насилия, к которому обращаются в этих гражданских войнах. Дисциплине политической организации, которой требуется широкая народная поддержка для реализации собственных целей, противопоставляется неорганизованность преступной банды, отстаивающей частные интересы и не обладающей политическими амбициями¹³⁴. В результате, как справедливо замечает Стасис Каливас, интерпретация гражданских войн сводится при этом к дихотомии «повстанцы —

¹³³ Статья Стасиса Каливаса 2001 г. до сих пор остаётся качественным обзором зарождающейся в междисциплинарном исследовательском поле дискуссии о новых гражданских войнах: *Kalyvas S.N. "New" and "Old" Civil Wars...*

¹³⁴ *Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 563–595.*

это либо бандиты, мотивированные собственной алчностью, либо политические деятели, стремящиеся решить проблемы своей группы»¹³⁵, что является явным упрощением и искажением реальности гражданской войны.

Тем не менее следует отметить ряд особенностей, которые характеризуют скорее даже не сами гражданские войны как таковые, а контекст, который задаёт их интерпретацию и восприятие. Так, статистика ясно показывает, что ежегодно наибольшее число конфликтов, которые происходят в мире, — это конфликты внутригосударственные. При этом заметна тенденция к перерастанию внутригосударственных конфликтов в международные, т.е. они не прекращаются за явной победой той или иной стороны, но притягивают внимание и силы соседей или глобальных политических игроков. Внешние акторы берут на себя обязанности по пацификации конфликта, руководствуясь политическими целями (например, вести опосредованную борьбу с идеологическим противником) или экономическими мотивами (будь то военные поставки или контрабанда из зоны боевых действий). Это означает, что гражданские войны всё в большей степени становятся фактором, определяющим политическую обстановку в масштабах региона, в котором они ведутся, и зачастую заметно влияют на мировую политику. Иными словами, новые гражданские войны, как и новые войны вообще, глобализированы — и по составу участников, и по непосредственным и косвенным последствиям.

Здесь же стоит отметить ещё одно явление, связанное с глобализацией — а именно, «глобальную идентичность». В условиях, когда открытость границ и цифровые средства коммуникации позволяют получать поддержку не только за счёт жителей одного города, села или региона, но также и установить контакты с людьми из других

¹³⁵ *Kalyvas S.N.* Op. cit. P. 102.

стран, возможности распространения идей и рекрутинга значительно повышаются. Гражданская война, таким образом, превращается из столкновения локальных этносов, племён, социальных групп в глобальный конфликт¹³⁶.

Во-вторых, увеличение продолжительности гражданских войн и рост их числа. Сами по себе эти тенденции прослеживаются, начиная с 1945 г., и не связаны с какими-то специфическими обстоятельствами периода, начавшегося после окончания холодной войны (хотя именно в 1990-е годы количество гражданских войн достигло наивысшей отметки, затем начался период спада, который к началу 2010-х годов вновь сменился ростом)¹³⁷. Но специфичным становится то, что, во-первых, внешнее вмешательство в гражданские войны, совершаемое в том числе и наиболее политически и экономически стабильными и развитыми в военном отношении государствами, не приводит к выходу государства, переживающего гражданскую войну, из кризиса и появлению там самодостаточного, стабильного правительства¹³⁸. А во-вторых, распространение гражданских войн и распад государств в Северной Африке и на Ближнем Востоке происходит абсолютно неконтролируемо, что негативно сказывается на европейской и общемировой безопасности¹³⁹. Проведение миротворческих операций в этом регионе чрезвычайно затруднено или даже невозможно, а попытки внешней политической реконструкции не привели к успе-

¹³⁶ См.: *Ahmad A.* Going Global: Islamist Competition in Contemporary Civil Wars // *Security Studies*. 2016. Vol. 25. No. 2. P. 353–384.

¹³⁷ Статистика приведена по: *Fearon J.D.* Why Do Some Civil Wars Last so Much Longer Than Others? // *Journal of Peace Research*. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 276; *Allansson M., Melander E., Themnér L.* Organized violence, 1989–2016 // *Journal of Peace Research*. 2017. Vol. 54. No. 4. P. 576.

¹³⁸ *Fearon J.D.* Civil War and the Current International System // *Daedalus*. 2017. Vol. 146. No. 4. P. 27–28.

¹³⁹ *Ibid.* P. 28–29.

ху, как это случилось в Ираке и Афганистане. Несмотря на то что в прошлом некоторые гражданские войны приводили к демократизации, значительная часть внутригосударственных конфликтов в африканских государствах или странах Ближнего Востока либо не смогли совершить демократический транзит, либо указанные политические процессы не позволили добиться мира¹⁴⁰. В результате гражданские войны вспыхивают или повторяются там всё чаще и чаще.

В-третьих, и возможно это самое важное, начиная с XVII в. в политической мысли довольно устойчивы были позиции метафоры борьбы государственной власти и гражданской войны, олицетворением которых с подачи Гоббса стали библейские чудовища Левиафан и Бегемот¹⁴¹. Соответственно, гражданская война (и революция) понималась как деятельность, направленная на исправление политического порядка, переустройство государственной власти и утверждение нового общественного договора. Она могла обновить государство или привести к созданию нового или даже нескольких новых. Затем внутригосударственная гражданская война должна была быть усмирена партией, получавшей право распоряжаться государственным суверенитетом¹⁴². Современные гражданские войны не соответствуют этой модели, причём сразу в двух отношениях.

¹⁴⁰ Kissane B. Nations Torn Asunder. The Challenge of Civil War. N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 103–104.

¹⁴¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991; Гоббс Т. Бегемот, или Долгий парламент // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 591–623; Нойманн Ф. Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1934 гг. СПб.: Владимир Даль, 2015.

¹⁴² См.: Keane J. Democracy and Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 109–127.

Начнём с более глобального явления. В 1917 г. после Октябрьского переворота в России мир вступил в фазу «всемирной гражданской войны революционной классово-вой вражды»¹⁴³, как сформулировал это Карл Шмитт. Всемирная гражданская война (*Weltbürgerkrieg*) марксизма и капитализма, когда каждый представитель иной идеологии переживается не просто как другой, но именно как враг, политический и военный, перестала быть внутригосударственным делом, так или иначе затронув всё население Земли. Эта всемирная гражданская война завершилась к концу 1980-х годов. Однако мы уже отмечали выше, что понятие «всемирная гражданская война» не вышло из употребления после этого. Оно нашло применение в связи с распространением волны религиозного терроризма. Такие авторы, как Джорджо Агамбен или Майкл Хардт и Антонио Негри используют его для описания ситуации, в которой мир оказался после терактов 11 сентября и начала войны против терроризма, когда суверенные государства столкнулись с не обладающим должной суверенностью¹⁴⁴. Эта новая всемирная гражданская война стала возможной, по меткому заявлению Д. Плеша, «в мире, который глобализация сделала плотно сжатым и накрепко соединенным»¹⁴⁵.

И если гражданская война, тот самый гоббсовский Бегемот, характеризуется состоянием отсутствия в государстве порядка, который не может быть восстановлен, пока одна из соперничающих политических сил не возьмет верх, то и мировой порядок не может быть обеспечен, пока не будет сдержано разрушительное действие терро-

¹⁴³ Шмитт К. Теория партизана. С. 143.

¹⁴⁴ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. С. 8–9. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция. 2006. С. 13–14.

¹⁴⁵ Цит. по: Beaumont P. America Gears up for a New Kind of War // The Observer. 2002. 10 March.

ризма, иррациональное и апокалиптическое с точки зрения противостоящих ему сил. Иными словами, она может закончиться только гомогенизацией глобального политического порядка. До тех пор, пока не будет установлено это всеобщее политическое единство действующим останется глобальное чрезвычайное положение. Впрочем, завершение всемирной гражданской войны не означает прекращение насилия как такового. Руссо удивительно метко сформулировал ключевой принцип любого гомогенного порядка, который был идеалом для него самого: «...если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то... его силу принудят быть свободным»¹⁴⁶.

Но модель перехода от хаоса и анархии гражданской войны подвержена эрозии и на локальном уровне. Начиная с 1980-х годов риски рецидива гражданской войны крайне высоки. Объяснения тому могут быть самые разнообразными. Так, отмечается уменьшение числа конфликтов, которые завершаются военной победой — гораздо чаще они разрешаются мирным процессом¹⁴⁷. Причиной также называют недостаточный уровень развития экономики¹⁴⁸ или промежуточное положение на пути от авторитаризма к демократии (авторитаризм может сдерживать зарождающуюся гражданскую войну силой, демократия разрешить конфликт мирным путём¹⁴⁹), а также слабые

¹⁴⁶ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998. С. 211.

¹⁴⁷ Einsiedel S., Bosetti L., Cockayne J., Salih C., Wan W. Civil War Trends and the Changing Nature of Armed Conflict // United Nations University Centre for Policy Research. Occasional Paper 10. 2017. March. P. 3.

¹⁴⁸ Collier P. Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places. L.: Vintage, 2001.

¹⁴⁹ Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N.P. Toward a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992 // American Political Science Review. 2001. Vol. 95. No. 1. P. 33–48; Kissane B. Op. cit. P. 131.

институты¹⁵⁰. Все эти особенности социальной организации обществ, переживших гражданскую войну, делают раны, нанесённые конфликтом, особо болезненными, надолго остающимися в коллективной памяти, а потому легко воспроизводимыми. В результате гражданские войны могут начинаться и временно завершаться, чтобы вновь вспыхнуть в течение десятилетий, как это было в Мозамбике (1976–1992 гг.) или Анголе (1975–1991, 1992–1994, 1998–2002 гг.). Впрочем, Барбара Вальтер утверждает, что воспроизведению конфликта способствуют неблагоприятные жизненные условия, а не травмы прошлого сами по себе. В случае, когда отсутствует возможность мирного разрешения конфликтной ситуации, «граждане, качество жизни которых остаётся на критически низком уровне и которые практически не имеют доступа к центру принятия решений или совсем его лишены, должны с гораздо большей вероятностью вновь вербоваться в повстанческую организацию, чем те граждане, чьё благосостояние улучшилось, или чем те, кто имеет возможность участвовать в состязательном политическом процессе»¹⁵¹. Это в определённой степени поддерживает тезис Калдор о том, что вражда рождается и воспроизводится непосредственно в ходе конфликта.

Безусловно, список названных причин можно продолжать и все они могут проявлять себя в различных комбинациях или одномоментно. В таких условиях гражданская война перестаёт быть вооружённым столкновением за государственную власть, «горизонтальным конфликтом с вертикальными целями»¹⁵², и перерождается в вооружён-

¹⁵⁰ *Walter B.F.* Why Bad Governance Leads to Repeat Civil War // *The Journal of Conflict Resolution*. 2015. Vol. 59. No. 7. P. 1242–1272.

¹⁵¹ *Walter B.F.* Does Conflict Beget Conflict? Explaining Recurring Civil War // *Journal of Peace Research*. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 385.

¹⁵² *Keane J.* *Op. cit.* P. 112.

ное столкновение за право применять насилие без явных государственных амбиций и вертикальных целей. Политическим здесь оказывается само стремление участвовать в боевых действиях. Такая гражданская война в большей степени является предприятием, а не войной — по аналогии с тем определением, которое дала новым войнам Мэри Калдор: «...“новые войны” — это, как правило, обоюдные предприятия, а не борьба волею. Заинтересованность воюющих сторон в предприятии войны, а не в том, чтобы победить или проиграть, имеет как политические, так и экономические основания»¹⁵³.

В гражданских войнах XXI в., таким образом, многое сохраняется от «старых» гражданских войн. Иррегулярность и хищничество были присущи, по видимости, большей части гражданских войн, начиная с Античности. Однако превращение гражданских войн в доминирующий в количественном отношении тип вооружённого насилия и высокий уровень влияния на глобальные процессы позволяет говорить если не о новизне самих гражданских войн, то об их новом статусе как факторе, определяющем положение дел в сфере международной безопасности.

* * *

Мы описали наиболее существенные трансформации современной войны. Можно сказать, что при этом мы руководствовались слабой теорией новых войн. Перед нами не стояла задача обоснования того, что человечество перешло на качественно иной уровень ведения войны и что модели описания войны, которые существовали в прошлом, перестали работать в XXI в. Скорее, важно было подчеркнуть, что современная политическая система и особенности ведения современных войн, асимме-

¹⁵³ Калдор М. Новые и старые войны. С. 408.

трия, низкая интенсивность, хищничество, увеличенная продолжительность и др., позволяют говорить о новых возможностях интерпретации социально-политического значения войны и её последствий. Наиболее заметным признаком современной войны следует признать исчезновение бинарности, характерной для старой войны: «...новые войны влекут за собой размывание различий между войной (определяемой обычно как насилие по политическим мотивам между государствами или организованными политическими группами), организованным преступлением (насилие, на которое идут организованные в частном порядке группы ради частных целей, обычно ради финансовой выгоды) и крупномасштабными нарушениями прав человека (насилие, осуществляемое государством или политически организованными группами против частных лиц)»¹⁵⁴. Теряется также бинарность и в области применяемых средств и тактик. Если раньше существовала строгая дифференциация основных форм массового насилия — таких как полицейская операция, геноцид, война, террор, криминальное насилие, — то теперь границы между ними стираются. А в ближайшем будущем границы между основными формами массового насилия могут полностью исчезнуть.

¹⁵⁴ Калдор М. Новые и старые войны. С. 29.

Глава 3

Этика вооружённого конфликта: когда допустимо воевать?¹

...Счастье заключено в досуге, ведь мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире. Поэтому для добродетелей, обращенных на поступки, область деятельности — государственные или военные дела, а поступки, связанные с этими делами, как считается, лишают досуга, причем связанные с войной — особенно (никто ведь не собирается ни воевать ради того, чтобы воевать, ни готовить войну ради нее самой, ибо невероятно кроваважным покажется тот, кто станет даже друзей делать врагами, лишь бы сражаться и убивать)².

Аристотель

¹ Некоторые части этой главы были опубликованы ранее: *Куманьков А.Д.* Принцип правого дела и «новые» войны // *Этика войны и мира: история и перспективы исследования* / науч. ред. Б.Н. Кашников, А.Д. Куманьков. СПб.: Алетей, 2016. С. 152–175; *Куманьков А.Д.* Философия войны: краткий очерк истории // *Логос*. 2019. Т. 29. № 130. С. 99–116; *Куманьков А.Д.* Этика военной интервенции. Аргумент Дж.Ст. Милля и его современное значение // *Вох. Философский журнал*. 2015. № 18. С. 1–11.

² *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 282. 1177б.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТИКА ВОЙНЫ

КНАИБОЛЕЕ важным тенденциям трансформации войны в XXI в. следует отнести рост уровня асимметричности войны (повышение значимости статуса повстанческих и террористических групп, активное включение в вооружённые конфликты экономических структур), эрозию государственной монополии на насилие, распространение феноменов приватизации войны, а также появление новых пространств борьбы — открытие для войны интернет-среды. Решительное вторжение негосударственных субъектов политики в область военного конфликта, долгое время остававшуюся сферой гегемонии государства, привело к возникновению феномена так называемых новых войн. Важнейшим свойством новых войн, в свою очередь, следует признать утрату бинарностей, характерных для традиционной симметричной войны. Сложности возникают с идентификацией легитимных и нелегитимных участников боевых действий, разрешённых и запрещённых средств и тактик ведения борьбы. Неоднозначно выглядят и различные фазы конфликта — его активная часть и перемирие. Всё это в целом затрудняет различение войны и мира.

Подобное положение дел бросает множество вызовов современным политико-этическим концепциям войны. Их теоретический аппарат вобрал в себя долгую традицию рефлексии о войне, включающую идеи античных и средневековых авторов, но актуальное его состояние сформировалось в период, когда доминирующим типом войны была симметричная межгосударственная война. Именно поэтому моральные теории войны должны быть обновлены для адекватной работы с конфликтами нового типа, как должно быть обновлено и право войны и мира. Следует внести преобразования, если не в само ядро теорий, то в их методологический аппарат и инструментарий.

Традиционно основной целью теории справедливой войны было наложение ограничений на войну как способ разрешения конфликтов. Сделать это предполагалось при помощи обоснования моральной необходимости и даже целесообразности обращения к вооружённому насилию в одних случаях и моральной необоснованности подобных действий в других. Теоретики справедливой войны часто повторяют, что они во многом близки пацифистам в том, что считают войну неприемлемой и ужасной и признают моральное значение принципа «не убий». Они разделяют идеалы невмешательства. Это значит, что никто не может посягать на жизнь другого; каждый из нас обладает иммунитетом от насилия и правом не быть убитым или подверженным насилию, если не нарушает свободы другого и не подвергает опасности его жизнь.

Однако в отдельных, действительно исключительных, ситуациях они согласны признать вступление в войну морально оправданным. Теория справедливой войны строится вокруг обсуждения различных фаз развёртывания вооружённого конфликта: принятия решения об участии в нём, ведения боевых действий, завершения войны и послевоенного восстановления региона, пострадавшего от войны. Задача её состоит в том, чтобы выбрать и обосновать моральное значение принципов и правил, которыми мы пользуемся на каждом из этих этапов. Для каждой из указанных стадий конфликта существует набор принципов, которые в соответствии с традицией носят латинские обозначения: *jus ad bellum* (букв. — право или справедливость на войну), *jus in bello* (право или справедливость во время войны) и *jus post bellum* (право или справедливость после войны).

Принципы *jus ad bellum* задают условия принятия решения о войне. Именно они позволяют сделать вывод, было ли обращение к военной силе обоснованным, необходимым и принятым своевременно. Обычно счи-

тается, что ответственность за соблюдение этих принципов лежит на правительстве, поскольку ни отдельные граждане, ни военнослужащие не могут объявлять войны другим государствам или политическим сообществам. Список принципов *jus ad bellum* может несколько различаться в зависимости от авторского видения. Однако легко выделяется ядро из шести основных принципов, которые как правило упоминаются и признаются всеми авторами:

- принцип правого дела (или справедливой причины; *лат. justa causa, англ. just cause*) — объявление войны должно быть связано с наличием действительно веской причины (угрозы или агрессии). Обычно к таким причинам относят самооборону, помощь союзнику, который ведёт войну по справедливой причине, или любой жертве агрессии; защиту граждан другого государства от гуманитарных катастроф, т.е. действия по основаниям гуманности; в некоторых случаях также — поддержку борьбы за национальное освобождение и упреждающие действия;

- легитимная власть (*англ. legitimate authority*) — право принятия решения о войне и объявления войны должно быть в соответствии с законом закреплено за определённым лицом или группой лиц. Соответственно, война считается оправданной только в том случае, если она объявлена в порядке, установленном законом данного государства. Иногда в качестве отдельного принципа выделяется требование публичного объявления войны (*англ. public declaration of war*);

- вероятность успеха (*англ. probability of success*) — до того, как война будет объявлена и начнутся боевые действия, необходимо оценить шансы на успешное ведение войны и обретение победы. В случае если они невысоки и успех сомнителен, необходимо отказаться от участия в войне. Вето накладывается на войны, которые принесут поражение и значительные потери;

- пропорциональность (*англ.* proportionality; встречается также вариант перевода «соразмерность») — война должна быть соразмерным ответом на те обстоятельства, которые заставляют задуматься об обращении к оружию. К ним могут относиться только явные нарушения прав человека или государственного суверенитета. Также необходимо оценить все возможные потери и затраты на ведение войны. Выгоды от участия в ней должны превышать все издержки, вызванные непосредственным ведением боевых действий и их влиянием на послевоенное состояние своего общества. В последнее время подчёркивается необходимость давать прогностическую оценку результатам войны не только для своего сообщества, но также и для общества противника и для третьих стран, не участвующих в конфликте. Ответственность обращения к военному способу решения конфликтов становится, таким образом, более универсальной и глобальной;

- добрые намерения (*англ.* right intentions) — справедливая причина, санкционирующая войну, должна быть единственным источником мотивов при принятии решения о войне; война служит восстановлению справедливости, права и мира и не должна рассматриваться как средство обогащения, расширения территорий или приобретения дополнительного политического веса, т.е. не может содержать в себе скрытого агрессивного мотива;

- крайнее средство (*англ.* last resort) — учитывая всю серьёзность и опасность, которая связана с обращением к военному насилию, война должна рассматриваться в качестве крайней меры разрешения конфликта. До того как будет принято решение об объявлении войны, должны быть испробованы все прочие способы урегулирования конфликтов: переговоры, экономические и политические санкции, выдвижение ультиматумов. Только после того как дипломатия окажется бессильной, обоснованным и допустимым станет объявление войны.

Принципы *jus in bello* вступают в силу непосредственно после того, как решение о войне принято и начинаются боевые действия. Они призваны определить дозволенные и недозволенные способы ведения войны. Последствием их применения должна стать минимизация жестокости конфликта и снижение числа жертв войны. Если нормы *jus ad bellum* находились в ведении политиков, то принципы *jus in bello* непосредственно обращены к военным, участвующим в конфликте. Как правило, говорят о двух принципах *jus in bello*, хотя опять же их перечень и наименование могут определяться по-разному:

- пропорциональность (*англ.* *proportionality*) — положение, уже встречавшееся в списке принципов *jus ad bellum*, присутствует и среди норм *jus in bello*. В данном случае оно обозначает требование оценивать соотношение возможных военных выгод и потерь в ходе проведения каждой отдельной боевой операции и соблюдать баланс пользы и вреда, а также определять допустимые средства ведения войны и виды вооружения. Особое значение имеет здесь необходимость минимизировать степень насилия и количество жертв. Специально подчёркивается недопустимость нападения на гражданское население и нонкомбатантов (иногда отдельно выделяется принцип «иммунитета нонкомбатантов»). Запрещено применять чрезмерное насилие, а также проводить операции, заранее обреченные на поражение или связанные с массовыми потерями. Также встречается обособление от принципа пропорциональности принципа запрещения возмездия (*no reprisals*), когда жертва необоснованного насилия стремится наказать обидчика ответным непропорциональным насилием.

- различие (*англ.* *discrimination*) — воюющие стороны должны проводить различие между легитимными и нелегитимными целями для нападения. Допустимой считается атака только на военные цели: комбатантов и

военные объекты. Все остальные объекты и лица не могут быть подвергнуты военному насилию, так как обладают отмеченным выше иммунитетом нонкомбатантов. Впрочем, однозначность статуса комбатанта как абсолютно легитимной цели для нападения и универсальное определение солдата как того, кто по роду своей деятельности убивает и вследствие этого может быть убит, в последнее время подвергается сомнениям. В существующей дискуссии заметна тенденция ставить вывод о допустимости нападения на участника вооружённого конфликта в зависимость от характера войны, в которой он участвует. Статус участника справедливой войны отличается от статуса участника несправедливой войны, равно как различны статусы граждан, поддерживающих справедливую или, соответственно, несправедливую войну³.

Наконец, третьей категорией принципов, регулирующих этическую составляющую войны, является блок норм *jus post bellum*. Теоретическая проработка норм *jus ad bellum* и *in bello* началась ещё в Античности, однако дискуссия о нормах *jus post bellum* не имеет столь значительной истории. Тем не менее один из инициаторов исследований *jus post bellum*, канадский философ Брайан Оренд, считает, что уже в кантовском трактате «К вечному миру» мы находим нормативные принципы, определяющие правила заключения мирного договора и послевоенного восстановления отношений между воевавшими сторонами. Завершающая часть вооруженного конфликта, наступающая уже после того, как орудия отгремели, кажется Оренду принципиально важной вследствие отмечавшихся в предыдущих главах настоящей книги сложностей окончания боевых действий. Несмотря на достиг-

³ *McMahan J. Liability and Collective Identity: A Response to Walzer // Philosophia. 2006. Vol. 34. No. 1. P. 14–15; McMahan J. Killing in War. Oxford: Clarendon Press, 2009. P. 105.*

нутые соглашения о перемирии или даже подписанный мирный договор, конфликт может сохраниться в вялотекущей форме и затем вновь разгореться в полную силу. Долгосрочное сохранение обретённого мира и пацификация сторон становятся не менее приоритетной задачей, нежели обоснованное обращение к военной силе и нравственное ограничение её применения⁴. Моральная ответственность в войне, следовательно, должна простирается значительно дальше принятия решения об обращении к военному насилию и ведению боевых действий. Реконструкция региона и системы международных отношений после окончания боевых действий также становится частью войны; возможно, самой продолжительной и сложной.

Поскольку дискуссия об этическом статусе послевоенных действий в исследовательской литературе началась несколько десятилетий назад, в конце 1990-х годов, нельзя выделить общепризнанный список принципов *jus post bellum*. К тому же, как верно отмечает Хелен Фроу, учитывая качественное разнообразие проблем, которые необходимо решить по завершении боевых действий, совокупность норм «*jus post bellum* в меньшей степени может пониматься как набор правил или условий»⁵, как это возможно в случае с *jus ad bellum* и *jus in bello*. Тем не менее ориентируясь на предложенный Брайаном Орендом список норм *jus post bellum*, мы можем выделить следующие принципы:

- пропорциональность — врага, развязавшего несправедливую войну, необходимо наказать, но в соответствии с той мерой ущерба, который был причинен его агрессивными действиями;

⁴ Orend B. *The Morality of War*. N.Y.: Broadview Press, 2006. P. 160–162.

⁵ Frowe H. *The Ethics of War and Peace: An Introduction*. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2015. P. 6.

- наказание для политического руководства и военных — наказанию должно подвергаться не все население государства, развязавшего несправедливую войну, но только лица, ответственные за начало и ведение несправедливой войны. Естественно, наказание для них должно быть соразмерным совершённым ими деяниям.

- компенсации — агрессор обязан возместить пострадавшей стороне убытки, связанные с отражением агрессии и восстановлением мира;

- восстановление прав — необходимо сохранить права поверженного врага на территориальную целостность и суверенитет;

- реконструкция — система организации власти и военного управления противника должны быть изменены, чтобы исключить возможность новых агрессий.

Кроме того, в каждом из этих принципов заложено указание на то, что применение мер наказания и восстановления справедливости не должно быть чрезмерно жестоким, ставящим бывшего противника на грань гуманитарной или экономической катастрофы. Наказание может быть жёстким, более того, оно необходимо как средство предотвращения будущих беззаконий и войн, в противном случае, люди, спровоцировавшие несправедливую войну, почувствуют свою безнаказанность. Однако оно не может быть чрезмерным и непосильным. Иначе такое наказание приведёт к ожесточению, вызовет чувство несправедливой обиды и даст повод для нового насильственного цикла⁶.

⁶ Обзор принципов *jus ad bellum*, *jus in bello* и *jus post bellum* см. также: Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. МакМахан. СПб.: Алетейя, 2019. С. 37–38, 105–134, 143–153, 188–193, 200–209; Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры. М.: Гардарики, 2002. С. 47–167, 174–187; *Sisse X.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007. С. 56–137.

Согласно традиционной интерпретации теории справедливой войны, о войне в том случае говорится как о справедливой, т.е. морально обоснованной, когда выполняются требования каждого из критериев *ad bellum*, *in bello* и *post bellum*. Впрочем, в последнее время обсуждаются два рода проблем: отношения между тремя обозначенными этапами войны и необходимость соответствовать требованиям всех критериев. Иными словами, как оценить ситуацию, когда некий политический субъект начинает несправедливую агрессивную войну и нарушает все или какие-то из принципов *jus ad bellum*, но ведёт её справедливо, соблюдая нормы *jus in bello*? Другая проблема — вопрос об иерархии принципов справедливой войны. Будет ли нарушение менее значимых принципов (и каких именно?) автоматически означать, что война в данном случае признаётся несправедливой. Или допустимы некоторые отклонения от норм и частичное соблюдение этих принципов?

Как видно, нормы *jus ad bellum*, *jus in bello* и *jus post bellum* сформулированы и интерпретируются таким образом, что они адресованы в первую очередь государственным образованиям, где существуют легальные и легитимные процедуры принятия решения о войне, ведения войны, контроля над проведением боевых операций и, наконец, заключения мирного договора и завершения войны. Соответственно, должны быть оформлены институты: органы политического управления, армия, дипломатическая служба и т.д. В этих нормах закреплено особое значение государственного суверенитета, неприкосновенность границ и территориальная целостность, а также различие в статусе между военными, обладающими правом ношения и применения оружия, и гражданскими лицами, лишёнными такого права. Но в современных войнах, с характерной для них асимметричностью и иррегулярностью под сомнение был поставлен каждый из принципов *jus ad*

bellum, in bello и post bellum. Иммунитет от насилия гражданских лиц, недопустимость превентивных военных действий, пропорциональное насилие и прогнозирование последствий в масштабах государства и региона — все эти и прочие требования доктрины справедливой войны были нарушены. Это не говорит, однако, о том, что сами нормы, предложенные теоретиками справедливой войны, лишены содержания, отражающего реальность ведения войны. Скорее необходимо внести уточнения в теорию, которые позволили бы соотнести её с изменением доминирующего типа конфликтов и утверждением новых войн в качестве основного вида войны в XXI в.

Такие уточнения уже вносятся. Начиная с 2000-х годов ведутся дискуссии о подстройке теории справедливой войны к неклассическим, асимметричным конфликтам. Впрочем, некоторые исследователи, и среди них главный представитель «ортодоксальной» теории справедливой войны, Майкл Уолцер, убеждены, что теория в том виде, в котором она была разработана в 1960–1980-е годы, вполне подходит для работы с асимметричными войнами. Так, сам Уолцер в публичных выступлениях заявлял, что писал свою знаменитую книгу «Справедливые и несправедливые войны» вскоре после Вьетнамской войны, которая в значительной степени была асимметричным конфликтом, поэтому высказанные в книге идеи могут использоваться для анализа новых войн. Впрочем, и позиция самого Уолцера слегка эволюционировала⁷.

Помимо того, что учение о справедливой войне должно реагировать на изменения, связанные с распространением феномена новых войн, происходит и внутренняя трансформация теории. В последние десятилетия развер-

⁷ Куманьков А.Д. Эволюция концепции справедливой войны в работах М. Уолцера // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2012. № 8 (50). С. 146–150.

нулись настоящие интеллектуальные баталии относительно того, на каких этических основаниях должна строиться современная теория справедливой войны. Традиционную, легалистскую парадигму в теории справедливой войны начали атаковать так называемые ревизионисты.

Легалистская парадигма, в первую очередь ассоциирующаяся с Майклом Уолцером и его сторонниками, исходит из наличия у государств базового права на ведение войны и использование для этого вооружённых сил. Это позитивное право войны должно быть подкреплено, по мнению Уолцера, моральными аргументами. Сухой язык международного права войны и мира следует оживить за счёт этической составляющей, в противном случае «бумажный мир», построенный юристами, обрушится при первом натиске реального, морального, мира, в котором мы живём и в котором влияние принципов нравственности оказывается не менее значимым, чем действие строго кодифицированных законов⁸. При этом для традиционалистов значимым остаётся разделение на комбатантов и гражданских лиц, а также идея морального равенства солдат.

Ревизионисты, лидерами которых можно назвать Джеффа Макмаана⁹ и Дэвида Родина, исходят из того, что усилия специалистов по этике войны вовсе не должны быть направлены на моральное подкрепление права войны и мира. В праве они видят значимую, но не современ-

⁸ *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N.Y.: Basic Books, 2006. P. xx–xxi.*

⁹ *McMahan J. Killing in War; Rodin D. War and Self-Defense. Oxford: Clarendon Press, 2002; McMahan J. The Morality of War and the Law of War // Just and Unjust Warriors: The Moral and Legal Status of Soldiers / ed. by D. Rodin, H. Shue. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 19–43; Rodin D. Morality and Law in War // The Changing Character of War / ed. by S. Scheipers, H. Strachan. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 446–463.*

ную систему регулирования конфликтов, поскольку оно полностью сконцентрировано вокруг государства и его возможностей вести войну и заключать мир. В современном же конфликте подобное однозначное атрибутивное права войны государству попросту неточно. К тому же куда бóльшим значением, по мнению ревизионистов, обладает не оценка действий государства как персонафицированного субъекта, а трактовка мотивов и поступков отдельных людей. Ревизионизм переключает фокус внимания исследования в сфере этики войны с крупного масштаба военных коллективов и государств на микроуровень индивидуального участия в войне. Столкновение ортодоксального, коллективистского подхода, индивидуализма, а также институционализма, представляет собой побочную, но в то же время существенную ветвь спора между традиционализмом и ревизионизмом.

Далее в этой главе мы сосредоточимся на том, какие причины в современной теории справедливой войны считаются достаточно вескими, чтобы дать моральную легитимацию применению вооружённой силы.

МОРАЛЬНЫЙ СТАТУС КОНФЛИКТА: ДЕБАТЫ О СПРАВЕДЛИВОЙ ПРИЧИНЕ

Представление о том, что никакая война не может считаться морально обоснованной, если на её ведение нет соответствующей справедливой причины (*causa justa*, или *just cause*), занимает центральное положение в дискуссии о справедливой войне. Принцип правого дела, пишет Николас Фоушин, требует, чтобы мы засвидетельствовали «не просто достаточные основания, а по-настоящему веские причины для вступления в войну»¹⁰. Эта идея нашла

¹⁰ *Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. N.Y.: Continuum, 2007. P. 10.*

отражение уже в сочинениях античных и средневековых авторов. О том, что даёт действительно вескую причину, способную оправдать применение вооружённого насилия, спорили в Новое время. Дебаты об этом продолжаются и сейчас. Менялся контекст рассуждений о принципе правого дела, но не понимание первостепенной значимости этого принципа.

Традиционная его интерпретация предполагала столкновение двух или более равных по своему статусу противников, а допустимой объявлялась в первую очередь оборонительная война или война как форма наказания за нарушение права. Подобные поводы к войне большинством современных теоретиков признаются в качестве однозначно справедливых. Но вопрос о возможности применения этого принципа для обоснования участия в конфликтах нового типа требует тщательного обсуждения. В каких случаях государство может с помощью военной силы отвечать на угрозу со стороны негосударственных субъектов политики? Может ли вообще война быть адекватной мерой в случае столкновения с подобным противником? Допустимо ли военными методами бороться с гуманитарными катастрофами? Эти проблемы остаются наиболее актуальными в современной этике войны. Мы начнём с небольшого исторического обзора причин, которые в разные эпохи признавались серьёзными поводами для войны, а затем перейдём непосредственно к современным дискуссиям вокруг принципа правого дела.

Аристотель, вероятно, впервые в письменной традиции использовавший словосочетание «справедливая война», исходил из типичного для античной Эллады обособления греков от окружавших их народов, которые считались варварскими. Для Аристотеля война греков между собой была бедствием и не признавалась справедливой. Но вот что составляло действительно справедливую при-

чину войны, так это война с варварами, которая уподоблялась Аристотелем охоте: «...военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива»¹¹. К другим причинам, которые, по мнению Аристотеля, могли дать должную легитимацию военному насилию, относятся: защита собственного полиса от порабощения (т.е. самооборона), упреждение агрессивных действий противника и война ради утверждения господства и создания политического сообщества (при этом подчинённые народы должны воспринимать установленную власть как благо, а полис не должен становиться слишком большим и богатым, т.к. это ведёт к быстрому его распаду)¹².

Синтезировавший в своём учении традицию римского права и греческую философию Марк Туллий Цицерон обогатил теорию войны знаковой метафорой. Войну он сравнил с судебным процессом. В частных отношениях потерпевшая сторона может отправиться с обидчиком в суд и там восстановить своё право, но народы в отношениях между собой лишены такой возможности. Правонарушитель там должен быть призван к ответу при помощи войны. Список причин, санкционирующих подобные действия внушительен: защита своих границ, возвращение собственности, возмещение морального ущерба, войны ради поддержания славы государства, установления гос-

¹¹ *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 388. 1256б.

¹² Там же. С. 619. 1333б–1334а.

подства, войны на уничтожение против народа, сосуществование с которым невозможно¹³.

Христианизация философии произвела революцию в учении о войне. Амвросий Медиоланский и Августин Аврелий сформулировали концепцию, позволявшую верующим братья за оружие, не нарушая миролюбивых заповедей Христа. Справедливой, т.е. духовно и морально санкционированной, признаётся война — воздаяние за вину (*culpa*) грешника. Преступнику необходимо воздать за его деяния, но также и духовно исцелить. Такая война получает название наказательной, или пунитивной (*bellum punitivum* — от *лат.* *punitio*, наказание), а сама парадигма, выстроенная вокруг права войны как наказания, — пунитивной. Испытывая значительное влияние Цицерона, Амвросий и Августин говорят также о возвращении собственности и самообороне как справедливых причинах, впрочем, последней уделяют совсем незначительное внимание.

Эта традиция будет активно развиваться и дополняться на протяжении более чем тысячелетия. Так, для Фомы Аквинского значимо, что справедливый воин — миротворец и остаётся им даже когда он начинает войну. Он принимает на себя муки войны во благо своему противнику, очищая его от греха. Насилие может быть справедливо направлено исключительно против тех, кому требуется воздать за бесчестное деяние. Война должна служить наказанию и исправлению грешников, борьбе с тиранией, самозащите и борьбе с еретиками и отступниками и никаким иным целям.

А уже на излёте Средневековья идея наказательной войны начнёт уступать своё место понятию самооборо-

¹³ Цицерон М.Т. Об обязанностях // О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 1.11.35–36; 1.12.38; Цицерон М.Т. О государстве // Диалоги. М.: Ладомир, 1994. 2.17.31; 3.23.35.

ны, которая постепенно станет признаваться основным источником легитимации войны. Каждый народ, по мысли одного из выдающихся учителей Саламанкской школы, Франсиско де Витория, воспринимает агрессию в качестве нарушения своего права на безопасное и благополучное существование. Вызванная нападением необходимость обороняться признаётся справедливой причиной войны. Также законным поводом войны называется насильственное ограничение свобод передвижения, коммерции, проповеди и распространения христианской веры; нарушение закона гостеприимства; необходимость обеспечения безопасности беззащитных перед лицом нечестивых обычаев (человеческие жертвы, канибализм); помощь союзникам¹⁴.

Безусловно, важен исторический контекст появления учения Витория. Европейцы, как он утверждает, не имеют права захватывать земли индейцев в Новом Свете, объясняя свои действия стремлением распространить христианство или просто желанием отобрать богатства у существ, которых нельзя даже причислить к роду человеческому. Индейцы обладают разумом и душой, а значит, и человеческим достоинством. Они могут стать законной жертвой войны только в случае нарушения ими права народов. Например, если они нападают на своих соплеменников, принявших христианство. Война становится способом защиты миссионерства, но миссионерство не ведётся при помощи войны.

Попытка сделать экспансионизм и военную сферу в целом более гуманными связана также и с признанием частичной справедливости обеих сторон конфликта. Если война затягивается и длится годами или десятилетиями, дать оценку причинам, по которым стороны воюют, и од-

¹⁴ *Vitoria F. de. De Indis // Relectiones theologicae. Matriti. 1725. P. 208–218.*

нозначно определить правонарушителя и его жертву становится затруднительно. Следует признать, что оба участника войны обладают какими-то вескими причинами. Но куда более важным в этом случае становится способ, которым они ведут войну: используют ли они запрещённые виды оружия, причиняют ли излишние страдания воинам и гражданскому населению противника. Именно это будет определять вывод о справедливости войны. Однако возможна и иная ситуация. Если нет сомнений в обоснованности причин, по которым одна из сторон ведёт войну, то она может действовать, не задумываясь об ограничении насилия, дабы добыть справедливую победу. Единственным сдерживающим фактором становится требование христианского смирения.

В Новое время существенно меняется теоретическая рамка, внутри которой выстраивается дискуссия о справедливости войны. Мы уже писали в главе 1 о трансформации, которая произошла в XVI–XVII вв. в учении о государстве и праве и которую часто связывают с постепенной секуляризацией и пониманием государства в качестве главного субъекта политики. Процесс этот развивается постепенно, но уже у «отца» международного права, Гуго Гроция, чрезвычайно активно цитирующего Писание и христианских философов, заметно, что апелляция к праву народов получает самостоятельное положение и связывается с человеческой разумностью, поэтому далеко не всегда требует подкрепления божественным правом или авторитетом автора-схоласта. По всей видимости, Гроций, не планировавший секуляризацию учения о праве войны и мира, даже и не мог подозревать, насколько влиятельной будет эта его установка. Тем не менее хорошо освоенный Гроцием ход разведения божественного и естественного права и объяснения военных действий последним, вскоре станет доминирующей традицией. Легалистская парадигма, таким образом, сменит пунитивную парадигму.

В главе 1 мы уже упоминали, что Гроций выделяет три случая, когда начало войны обычно признаётся обоснованным. К ним он относит необходимость самозащиты, возвращение имущества и наказание¹⁵. Кроме того, справедливой оказывается и война, которая ведётся ради оказания помощи союзнику или любому народу, попавшему в беду, поскольку «по природе каждый призван осуществлять не только свое, но и чужое право»¹⁶. В совокупности все эти справедливые причины войны составляют ядро дискуссии о принципе правого дела, которая развивалась в Новое время. При этом постепенно именно самозащита или самооборона будет выделяться в качестве основной и едва ли не единственной причины, обосновывающей военный ответ¹⁷.

В то же время к XIX столетию горячей становится тема войны за национальное освобождение и, соответственно, внешней поддержки такой борьбы. В этот период в Европе идут освободительные войны на Балканах, Южные провинции отделяются от королевства Нидерландов и на политической карте появляется Бельгия, гремит «Весна народов» 1848–1849 гг. Но также освободительные войны ведутся и во всех других частях света. В этих условиях возникает вопрос, допустимо ли оказание помощи народу, ведущему борьбу против своего тиранического правительства за свободу?

С разбором этого вопроса выступает один из наиболее влиятельных философов своего времени — Джон Стюарт Милль. В двух эссе, появившихся в 1859 г. — широко известном «О свободе»¹⁸ и менее популярном «Не-

¹⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 187.

¹⁶ Там же. С. 558.

¹⁷ См.: Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны... С. 72–91.

¹⁸ Милль Дж. О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26.

сколько слов о невмешательстве»¹⁹, — он выдвигает и обосновывает принцип невмешательства как исходный закон социальных и политических отношений. «Если другие страны не будут вмешиваться в её дела, она не намерена вмешиваться в их»²⁰, пишет Милль о способе ведения внешней политики, характерном, по его мнению, для Великобритании. Однако в некоторых случаях это строгое правило знает исключения. К ним Милль относит, например, самооборону или защиту гуманности. Но также его интересует вопрос и о помощи угнетённому народу. Эта ситуация, однако, кажется Миллю неоднозначной. Вопрос об оказании военной поддержки революционерам предполагает тщательное и всестороннее изучение условий, способствовавших развитию восстания, и среды, в которой оно происходит. Легитимация вмешательства требует ответа на вопрос, является ли правительство, с которым борется население, местным и независимым или иностранным, т.е. опирающимся на помощь из-за рубежа. Милль делает здесь очень важный вывод, который не всегда принимался в расчёт в современных нам интервенциях. Он полагает, что вмешательство в борьбу против местного правительства неприемлемо, поскольку нельзя гарантировать, что интервенция в таком случае будет служить благу местного населения. Высшее благо для Милля — это свобода, но «дарованная чужими руками свобода не будет ни настоящей, ни устойчивой, если у народа недостаточно любви к свободе, чтобы вырвать её из рук местных угнетателей»²¹.

¹⁹ *Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention // Doyle M.W. The Question of Intervention: John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. New Haven: Yale University Press, 2015. P. 205–226 (пер.: Куманьков А.Д., Чаганова Д.Н.).*

²⁰ *Ibid.* P. 205.

²¹ *Ibid.* P. 223.

Казалось бы, Милль — либеральный мыслитель, который отстаивал ценности всеобщего равенства (в правовом отношении) и либерализма, почему он не поддерживал всякое восстание, имеющее своей целью установить свободное правление? В эссе «О свободе» Милль указывает на то, что «борьба свободы с властью — наиболее заметная черта известной нам истории»²², столкновение морали и политического — нерв всей общественной жизни. Почему же стоит воздерживаться от помощи тем, кто с оружием в руках выступает за ограничение власти правительства? Милль полагает, что вмешательство во внутреннюю борьбу сильно помешает национальному строительству и самоопределению, поскольку может способствовать установлению колониального режима или усилению местной автократии²³. Народ должен проявить достаточную волю, чтобы подтвердить своё право на обладание свободой. Должно пройти время, прежде чем люди осознают значимость и величие свободы, научатся пользоваться ей. И этот процесс национального воспитания должен идти своим естественным чередом, уроки свободы не терпят быстрого темпа. Тем не менее Милль закрепляет ограниченное право вмешательства в войну за освобождение, что делает его аргументы широко востребованными в современных дискуссиях об интервенционизме.

Также в XIX в. начинается процесс криминализации войны. Ещё до Первой мировой войны проходят мирные конференции, среди которых можно выделить конференции в Женеве (1864 г.), Санкт-Петербурге (1868 г.), Гааге (1899 и 1907 гг.). Право государств на войну и способы ведения войны получают строгую кодификацию в

²² Милль Дж. О свободе. С. 11.

²³ Doyle M. The Question of Intervention... P. 15.

виде положений международного права. Согласно подписанному в 1928 г. пакту Бриана — Келлога, война как средство урегулирования международных споров была запрещена. Сторонам предписывалось искать мирные средства разрешения конфликтов²⁴. Далее это положение было повторено в Уставе Организации Объединённых Наций — органа, основной целью создания которого объявлялось как раз поддержание международного мира и безопасности. В ст. 51 Устава утверждается, что единственным допустимым случаем применения оружия становится индивидуальная или коллективная самооборона для отражения вооружённого нападения. Затем наложение запрета на агрессивную войну было дополнительно разъяснено в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г.:

«1. Никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии.

2. Агрессивная война является преступлением против международного мира. Агрессия влечет за собой международную ответственность.

3. Никакое территориальное приобретение или особая выгода, полученные в результате агрессии, не являются и не могут быть признаны законными»²⁵.

Таким образом, была создана система права, поставившая войну вне закона и признававшая виновника

²⁴ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. (пакт Бриана — Келлога) // Бекашев К.А., Ходаков А.Г. Международное публичное право: сб. документов: в 2 т. Т. 2. М.: БЕК, 1996. С. 1.

²⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года / Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. XXIX сессия. 1974. Приложение № 31. С. 181–182.

агрессивной войны преступником, чьи действия требуют коллективного ответа и последующего наказания. Нации теперь больше не могут судить «по своей совести о должном», как об этом писал Ваттель. Правительства несут ответственность не только перед своими гражданами, но и перед международным сообществом. В этих условиях трансформировалось понимание государственного суверенитета. Он трактуется теперь не как право государств на полную автономию от внешних вмешательств и самостоятельное определение внутренней и внешней политики, но как ответственность перед своими гражданами за их благополучную жизнь. Доктрина ответственного суверенитета предполагает помимо прочего возможность международного участия в случае, когда правительство неспособно обеспечить защиту своих граждан от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности²⁶.

В таком контексте развивается и современная этика войны. Для неё, как мы уже указывали ранее, также характерен подход, принимающий принцип невмешательства в качестве базовой нормы, регулирующей отношение к войне. Майкл Уолцер в главе 6 «Справедливых и несправедливых войн» приводит целый ряд ситуаций, которые, по его мнению, соответствуют принципу правого дела, т.е. применение военной силы в которых легитимно. К ним он относит: оборонительную войну, помощь жертве агрессии, упреждающую войну, помощь в революционном выступлении против правительства, своей жестокостью утратившего легитимность, контринтер-

²⁶ Пункты 138 и 139 Итогового документа Всемирного саммита 2005 года // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 октября 2005 года. A/RES/60/1. С. 137; Выполнение обязанности защищать: доклад Генерального секретаря. A/63/677. 2009. С. 1–42.

венцию в случае освободительной войны (выступление на стороне революционеров против сил, пришедших на помощь тирании, спровоцировавшей восстание; этот и предыдущий случаи могут быть рассмотрены вместе как вмешательство в гражданскую войну), гуманитарную интервенцию²⁷. Именно вокруг этих случаев строится современная дискуссия о справедливой причине войны. Мы рассмотрим каждый из них, уделив особое внимание гуманитарной интервенции как наиболее сложному и болезненному вопросу, вызывающему активную критику противников интервенционизма.

САМООБОРОНА И ПОМОЩЬ ЖЕРТВЕ АГРЕССИИ

Майкл Уолцер представляет легалистский подход к вопросу самообороны. По его мнению, государства и их граждане взаимосвязаны между собой, и из этой взаимосвязи рождается в том числе и право государств на войну. Суверенитет и территориальная целостность непосредственно зависят от обязанности защиты прав и личных свобод гражданина. Ради этого граждане и согласились принять на себя все тяготы и ограничения, связанные с общественной жизнью. Кроме того, государство представляет собой и некоторую континуальность — в нём значимым оказывается жизнь прошлых и будущих поколений. Общая коллективная память и кооперация между индивидами и группами общества создают то, что Уолцер называет «совместной жизнью» (*common life*). Именно эти основания, а также представление о государстве как об агенте, ответственном за поддержание совместной жизни, позволяют дать моральное обоснование претензии государства на самооборону²⁸.

²⁷ *Walzer M. Just and Unjust Wars...* P. 86–108.

²⁸ *Ibid.* P. 54.

Международное сообщество в таком случае состоит из отдельных государств, которые представляют собой наиболее крупную группу, в которой люди могут разделять общие ценности и принципы.

Уолцер опирается также на так называемую частную аналогию (*domestic analogy*): право государств на самооборону сопоставимо с таким же индивидуальным правом²⁹. Аналогия здесь проводится с ситуацией, когда у человека появляется возможность защищать свою жизнь при помощи силы, если ему реально угрожает опасность, более того, допустимо даже использовать смертоносную силу. Схожим образом действует и государство, когда защищает себя от агрессии. Можно сказать, что самооборона представляет собой наиболее распространённое мнение относительно случая, когда война признаётся обоснованной.

Менее распространённая, но отчасти схожая позиция представлена в индивидуалистском, или редуccionистском, подходе. Для индивидуализма характерно представление о том, что право на самооборону у политической группы или государства появляется как выражение права индивидов, составляющих эту группу. В частности, это касается и права индивида на защиту себя, которое даёт соответствующее право государству. Таким образом, права государства сводятся к правам индивидов, зависят от них и ограничиваются ими. Как сформулировала это Хелен Фроу: «...индивидуалисты воспринимают войну как продолжение частной жизни»³⁰. Иными словами, право на самооборону возникает не вследствие того, что у государства появляется какое-то особое право, аналогичное тому, что можно встретить в частных отношениях, но только в силу того, что подобное право — право на самозащиту —

²⁹ Ibid. P. 58.

³⁰ Frowe H. Op. cit. P. 36.

есть у отдельных индивидов. В отношениях между государствами допустимо ровно то же самое, что допустимо в частных отношениях.

Специалисты по этике, придерживающиеся рассуждений о самообороне, предложенных Уолцером, предложили ещё ряд аргументов о моральной обоснованности самообороны. Так, Николас Фоушин привлекает утилитаристский аргумент, рассуждая об этом принципе. Фоушин утверждает, что потери государства, ставшего жертвой агрессивного нападения и отказавшегося от сопротивления, значительно превышают все риски и затраты, связанные с ведением оборонительной войны. Признание поражения без борьбы зачастую приводит к настоящей катастрофе. Оно может обернуться разорением, уничтожением значительных групп людей, порабощением, потерей политической самостоятельности и свободы. Следовательно, самооборона будет оправданной реакцией на нападение³¹. К тому же она может остудить пыл нападающих. Как замечает Фоушин, в ходе продолжительной войны представления о том, что такое успешное завершение конфликта и в чём заключается победа кардинально меняются, политики и военные становятся менее требовательными и амбициозными: «...в начале войны... ничто кроме полной победы не требуется и не обещается. Но когда сама жизнь вносит свои коррективы и недостижимость абсолютной победы становится очевидной, требования к успешности значительно снижаются»³².

Схожим образом рассуждает и Брайан Оренд. Государство должно заботиться о правах своих граждан. В этом утверждении он опирается на обширную либеральную традицию, в которую включает мыслителей от

³¹ *Fotion N.* Op. cit. P. 10–12.

³² *Ibid.* P. 16.

Локка и Канта до Джона Ролза. Война для либеральных (минимально справедливых по определению Оренда³³) государств представляет собой обязанность, тяжкое бремя, которое ложится на них. И это бремя связано именно с тем, что они обязаны обеспечить благую жизнь своим гражданам. Если они не делают этого, значит, условия общественного договора нарушаются. После этого «у людей нет оснований повиноваться ему [государству. — А. К.] и подчиняться общественному договору»³⁴.

Коммунитаристский, коллективистский подход Уолцера начал подвергаться критике сразу после выхода его книги «Справедливые и несправедливые войны». Так, Дэвид Любэн в 1980 г. обвинил Уолцера в «романтическом национализме», поскольку тот ограничивается в рассуждениях о международной политике государственным горизонтом и отказывается видеть возможности космополитического универсализма ценностей, прав и принципов³⁵. По мнению Любэна, Уолцер допускает сильное упрощение, когда пишет о государстве как гомоген-

³³ *Orend B. The Morality of War. P. 35–37; Orend B. War and International Justice: A Kantian Perspective. Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 2000. P. 111.* Об этом см. также: *Куманьков А.Д. Концепция минимальной справедливости в философии войны Б. Оренда // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 2. С. 6–12.*

³⁴ *Orend B. The Morality of War. P. 33.*

³⁵ *Luban D. The Romance of the Nation-State // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9. No. 4. P. 392–397.* Схожую позицию занимали: *Wasserstrom R. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations by Michael Walzer, Review // Harvard Law Review. 1978. Vol. 92. No. 2. P. 536–545; Doppelt G. Walzer's Theory of Morality in International Relations // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 8. No. 1. P. 3–26; Beitz C.R. Bounded Morality: Justice and the State in World Politics // International Organization. 1979. Vol. 33. No. 3. P. 405–424; Beitz C.R. Nonintervention and Communal Integrity // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9. No. 4. P. 385–391; а также сам Любэн ранее: *Luban D. Just War and Human Rights // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9. No. 2. P. 161–181.**

ной структуре, где все объединены общими интересами и формально равны³⁶. Очевидно, что далеко не каждое государство можно считать гарантом свободы его граждан. В недемократических режимах свободы часто попираются или предоставляются определённым группам, в то время как другие группы их лишены. Кроме того, случаи проявления насилия, такие как геноциды или этнические чистки, которые запускают дискуссию о гуманитарной интервенции, представляют собой как раз такое положение дел, в котором государство непосредственно угрожает своим гражданам или не вмешивается в насилие, которое творится в их отношении. Можно ли говорить об особом значении «совместной жизни» в современном обществе? О каком-то специфическом переживании, которое рождается из этого чувства? Особенно остро этот вопрос встанет для западного общества, с его индивидуализмом и органической солидарностью, которые заменили собой коллективизм и общинность. Скорее границы солидарности и лояльности в современных обществах не соответствуют границам национальных государств.

Один из наиболее заметных авторов-ревизионистов, Дэвид Родин, атакует одновременно традиционалистский подход Уолцера, особенно оспаривая убедительность частной аналогии, и индивидуалистскую позицию. По мнению Родина, в концепции Уолцера происходит тотальное сращивание государства и индивида, поэтому совершенно неясно, к кому именно применима частная аналогия: к государству как таковому или отдельным гражданам? Кроме того, чаще всего в каждой войне обе стороны утверждают, что они стали жертвой агрессии или пытаются предупредить её и что они действуют в соответствии с принципом самообороны и упреждения. В этом случае самооборона будет всего лишь средством оправдания насилия или даже

³⁶ *Luban D.* The Romance of the Nation-State. P. 394.

мести и воздаяния³⁷. Так, даже Вторая мировая война, где казалось бы роли агрессора и его жертв были однозначно определены, началась с Гляйвицкого инцидента — инсценировки нацистскими спецслужбами нападения польской армии на немецкую радиостанцию, которая подавалась как повод для начала Германией «оборонительной» войны против Польши.

Индивидуализм также кажется Родину неубедительным. Во-первых, в случае ведения боевых действий человеку как члену военного коллектива приходится вести себя совершенно иным образом, нежели он действует при индивидуальной самообороне³⁸. Например, солдаты нападают на людей, которые не угрожают им непосредственно. Это могут быть как солдаты противника, которые спят или принимают пищу, так и гражданские лица — безоружные и никоим образом не угрожающие кому-либо. Всё это абсолютно не соответствует принципам пропорциональности и необходимости в применении оружия, о которых говорится в случае индивидуальной самообороны. Кроме того, сама война может представлять собой упреждающий удар. Аналогов этому нет в случае частной самообороны, утверждает Родин³⁹. Во-вторых, индивидуальная самооборона предполагает, что у пострадавшей стороны есть возможность сбежать или разрешить конфликт мирным путём. Но этическая теория самообороны не затрагивает эту проблему, предлагая совсем иное. Вместо избегания конфликта или попытки умиротворения агрессора отстаивается право на применение силы. Наконец, отношения и моральные позиции солдат противоборствующих армий не соответствуют отношениям и моральному статусу индивидуального агрессора и его жертвы. Традицион-

³⁷ *Rodin D.* War and Self-Defense. P. 112, 195.

³⁸ *Ibid.* P. 127.

³⁹ *Ibid.* P. 128.

ная теория справедливой войны говорит о моральном равенстве комбатантов — они обладают одинаковым правом убивать друг друга вне зависимости от того, участвуют ли они в справедливой или несправедливой войне. В случае индивидуальной самообороны мы однозначно понимаем, что у агрессора не было права применять насилие в отношении его жертвы⁴⁰. Иными словами, эти три аргумента доказывают, по мнению Родина, несостоятельность предположения индивидуалистов о моральной обоснованности идеи самообороны. Легалистская парадигма, построенная вокруг исключительных прав, которыми наделено государство как защитник блага и свобод своих граждан, кажется Родину нефункционирующей. Более того, Родин в принципе считает невозможным найти ответ на вопрос, как именно обосновывается моральное право на самооборону.

Хелен Фроу, критикуя первое утверждение Родина, приводит следующий контрпример. Она описывает ситуацию, когда похититель собирается убить жертву похищения, но планирует сделать это только через неделю. То есть в данный момент похититель не совершает никаких агрессивных действий в отношении своего заложника. В начале недели у заложника появляется возможность убить своего похитителя. По мнению Фроу, в этих обстоятельствах он обладает моральным правом на убийство, несмотря на то, что в данный момент похититель не представляет собой непосредственной угрозы⁴¹. Впрочем, это кажется излишним усложнением. В уголовном законодательстве многих государств (в том числе ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации) говорится, что необходимой обороной, т.е. причинением вреда неправомерно посягающему лицу, признаётся в том числе и реакция

⁴⁰ *Rodin D. War and Self-Defense. P. 128–129.*

⁴¹ *Frowe H. Op. cit. P. 39.*

на непосредственную угрозу применения насилия со стороны посягателя. Иными словами, определённая степень упреждения предусмотрена и в частном случае самообороны.

Второй аргумент Родина в принципе кажется не очень сильным. Государство, естественно, не способно убежать от своего «обидчика», как это постарается сделать человек, на которого нападают. Кроме того, сама идея необходимой обороны предполагает стремление избежать заметного вреда. Если бегство или попытка решить конфликт мирным путём не позволяют избежать вреда, то у человека сохраняется право ответить силой своему обидчику. Критерием допустимости самообороны является именно избежание существенных физических или психологических последствий, но не обязательно — отсутствие кровопролития. Вообще, неясно, почему в рассуждении об этом Родин не принимает во внимание принцип крайнего средства, который требует испробовать все ненасильственные средства до того, как будет применена сила. В третьем аргументе Родин затрагивает тему морального равенства комбатантов, которая представляет собой предмет отдельного спора в теории справедливой войны⁴². Если принять точку зрения Джеффа Макмаана, который отказывается признать по-

⁴² См. об этом: *Walzer M. Just and Unjust Wars...* P. 34–41; критику концепции Уолцера: *McMahan J. On the Moral Equality of Combatants // The Journal of Political Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 4. P. 377–393; McMahan J. The Ethics of Killing in War // Philosophia. 2006. Vol. 34. No. 1. P. 23–41; McMahan J. Liability and Collective Identity... P. 13–17; McMahan J. Collectivist Defenses of the Moral Equality of Combatants // Journal of Military Ethics. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 50–59; ответ Уолцера: *Walzer M. Terrorism and Just War // Philosophia. 2006. Vol. 34. No. 1. P. 3–12; Walzer M. Response to Jeff McMahan // Philosophia. 2006. Vol. 34. No. 1. P. 19–21. А также обзор дискуссии: *Syse H. The Moral Equality of Combatants // The Ashgate Research Companion to Military Ethics / ed. by J.T. Johnson, E. Patterson. Farnham: Ashgate, 2015.***

ложение о моральном равенстве комбатантов, то можно отбросить последний из аргументов Родина, который сам Родин считает наиболее важным и сильным. Нам во все не обязательно настаивать на том, что моральный статус комбатантов не зависит от того, участвуют они в справедливой или несправедливой войне; во всяком случае до того момента, как они совершат военные преступления. Скорее наоборот — как только военные поддерживают своё правительство в несправедливой войне, их действия лишаются всякого морального обоснования, а вред им (в том числе летальный) оказывается оправданным.

Столкновение традиционалистов-коллективистов и ревизионистов-индивидуалистов, а также критиков и тех и других позволяет получить представление об актуальной дискуссии относительно права применить силу в ответ на агрессивные действия противника, которое многим может показаться бесспорным. Однако стоит обратить внимание на ещё один аспект этой дискуссии, связанный с защитой от несправедливого нападения, когда объектом этой защиты становится не собственная территория и граждане, а территория и граждане другого политического сообщества. Здесь опять же исходная интуитивная установка может состоять в том, что помощь жертве нападения всегда морально обоснована и необходима. Но давайте попробуем рассмотреть, что говорят по этому поводу современные теоретики.

Представление о том, что защита другого суть нравственное дело, лежало в основе христианской доктрины справедливой войны. При этом случаи личной самообороны и защиты другого казались Отцам и Учителям Церкви совершенно различными. Так, Амвросий Медиоланский

Р. 259–270; *Куманьков А.Д.* Современные классики теории справедливой войны... С. 219–231.

подчёркивал необходимость отказаться от защиты собственной жизни насильственными средствами: «...не думается (*videtur*), чтобы христианин, к тому же мудрый и справедливый, собственную жизнь стал бы спасать (*quae-gerere*) ценою смерти другого; по крайней мере, если на кого нападет с оружием в руках разбойник, он не должен защищаться, дабы, защищая (свою) жизнь, он не изменил благочестию. Об этом имеется весьма ясное наставление и в евангельских книгах: “Вложи меч твой (в ножны); кто будет поражать мечем, погибнет от меча” (Мф. 26:52). Какой разбойник гнуснее того, который пришел, чтобы убить Христа? Но Христос не захотел защищать себя (нанесением) ран гонителям, — (напротив) Он желал, чтобы Его раною все исцелились»⁴³. Схожим образом высказывались Августин и Фома Аквинский. Однако защита другого признавалась ими абсолютно необходимой, поэтому «атлет Христов», защитник христиан, назывался мучеником — он жертвовал собой ради других. Более того, даже насилие по отношению к грешнику получало моральное оправдание в силу того, что оно должно было отучить грешника от греха.

Схожим образом Майкл Уолцер полагает, что жертва агрессии действует справедливо. Параллель прослеживается и в выводе, который делает Уолцер: на современной войне немногие (военнослужащие) защищают своих сограждан, их права и будущее общественной жизни. Но любая агрессия представляет собой нарушение не только частных прав конкретного политического сообщества, ставшего её жертвой, но и нарушение общечеловеческого принципа «не убий». Посягая на иммунитет от нападения, агрессор наносит моральный ущерб человечности как таковой. Именно поэтому у третьих государств появ-

⁴³ *Амвросий Медиоланский*. Об обязанностях священнослужителей. М.; Рига: Благовест, 1995. III. IV. 27.

ляется возможность вмешаться в конфликт на стороне жертвы⁴⁴. Такую войну можно считать правоохранительной (*war of law enforcement*) — агрессора, покусившегося на спокойствие сообщества государств, принуждают к миру во имя всеобщей безопасности. При этом агрессор не будет считаться жертвой агрессии со стороны третьих стран. Как писал Дж.С. Милль, такое государство само нарушило принцип невмешательства, оно дезактивировало его действие⁴⁵, а потому не может прикрываться им против нападения со стороны защитников справедливости.

Однако чем является участие в защите жертвы агрессии — моральным долгом, обязанностью государства или его моральным правом? Долг обязывает нас действовать в любой ситуации, вне зависимости от контекста; т.е. требование долга предписывало бы спасти другого, даже если этим будет нанесён значительный ущерб собственному благу. Право менее требовательно — оно позволяет участвовать в таких акциях, которые не нанесут существенного вреда нам самим, не будут разрушительными для нашего сообщества и отдельных его представителей⁴⁶. По всей видимости, у государств или политических сообществ есть обязанность защищать свою безопасность и целостность, это подтверждается их правом самообороны. Но вмешательство в чужую войну, не затрагивающую прямо интересы и безопасность их граждан, будет моральным правом, а не обязательством. Именно на этом построен принцип нейтралитета. Тем не менее и здесь возникает коллизия — всегда ли можно оставаться нейтральным и прагматически следовать принципу невмешательства? Существуют ли обстоятельства — возможно, в которых под угрозой оказыва-

⁴⁴ *Walzer M. Just and Unjust Wars...* P. 59.

⁴⁵ *Mill J.S. Op. cit.* P. 225.

⁴⁶ Примеры см.: *Frowe H. Op. cit.* P. 26–29.

ется целый народ или всё мировое сообщество — когда невозможно отказаться от вмешательства? Отдельную тему допустимость военных действий ради защиты других приобретает в случае предотвращения гуманитарных кризисов. Об этом будет сказано ниже, в разделе о гуманитарной интервенции.

Стоит добавить, что справедливой причиной применения военной силы могут обладать не только государства. В противном случае мы заняли бы явно некорректную позицию для анализа новых войн. Чаще всего в рассуждениях теоретиков справедливой войны причинам, по которым берутся за оружие негосударственные силы, уделяется не так много внимания, поэтому Николас Фоушин предлагает обновить теорию и говорить не об одной, а двух теориях справедливой войны — регулярной и иррегулярной. Одна из них будет содержать принципы, позволяющие оценить классические, конвенциональные, межгосударственные войны, другая будет работать для оценки конфликтов с участием негосударственных субъектов политики. Требования принципов классической теории справедливой войны обычно оказываются невыполнимыми для негосударственных субъектов, хотя нередко, по мнению Фоушина, повстанцы или партизаны обладают справедливыми основаниями для ведения борьбы. В частности, они могут обладать справедливой причиной войны. Такую причину даёт само государство, проводящее политику геноцида или массовых репрессий. Война населения или его части со своим правительством, вызванная стремлением «предотвратить гуманитарную катастрофу»⁴⁷, признаётся Фоушином соответствующей идее правого дела. Право на объявление войны, таким образом, получает не только государство, но и негосударственная группа.

⁴⁷ *Fotion N. Op. cit. P. 118.*

УПРЕЖДАЮЩИЕ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Как мы уже отметили выше, согласно ст. 51 Устава ООН, единственным законным случаем применения военной силы провозглашается самооборона. Эта же причина теоретиками справедливой войны традиционно называется первой, когда речь заходит о принципе правого дела, хотя мы и отметили, что появляются авторы, критически оценивающие моральную обоснованность самообороны. Большинство авторов (и вероятно, большинство людей вообще) согласны, что агрессия запрещена, потому что она подрывает государственный суверенитет и территориальную целостность государства или потому что нарушает принцип невмешательства и игнорирует иммунитет от нападения. Тем не менее современная этика войны не сводит дискуссию о моральной допустимости войны к оборонительной войне.

Первый случай, который мы рассмотрим в продолжение описания принципа правого дела, оказывается довольно близким по своему смыслу к самообороне — это вопрос об оправданности упреждающих военных действий. В лексиконе международного права, моральной теории войны и теории международных отношений используется несколько понятий, казалось бы, близких по своему смыслу: сдерживание (*deterrence*), превентивная война (*preventive war*) и упреждающие действия (*preemption*). Однако они отсылают к разным ситуациям и контекстам, которые получают различную моральную оценку.

Влиятельнейший британский специалист по военным исследованиям, профессор Лондонского Королевского колледжа, сэр Лоуренс Фридман, классифицирует сдерживание как одну из «стратегий принуждения» (*coercive strategy*), в то время как превентивные и упреждающие действия — как «стратегии контроля» (*controlling strategies*). Сдерживание основано на стремлении повли-

ять на расчёты и планы противника, в то время как стратегии контроля нацелены на то, чтобы не дать противнику возможности завладеть инициативой⁴⁸. В годы холодной войны сдерживание воспринималось в качестве важнейшего инструмента международной политики и обсуждалось в первую очередь в связи с ядерным оружием⁴⁹. Сдерживание, по определению Фридмана, опирается на возможность оказывать давление на политиков и военных противника, угрожая им наказанием или ещё каким-либо образом. Отметим, что в Военной доктрине Российской Федерации «сдерживание и предотвращение военных конфликтов» закреплены в качестве ключевого направления военной политики России⁵⁰.

Превентивные действия связаны с ликвидацией военного превосходства противника (например, при помощи разоружения) или политической трансформацией противника таким образом, чтобы он перестал представлять собой военную угрозу. Иными словами, государство, подверженное превентивным действиям, лишается технической возможности или политической воли играть роль

⁴⁸ *Freedman L.* Prevention, not pre-emption // *The Washington Quarterly*. 2003. Vol. 26. No. 2. P. 106.

⁴⁹ См.: *Хансен Э.* Стратегия ядерного сдерживания в США в первые годы холодной войны // *Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки* / отв. ред. А.И. Никитин, П.А. Корзун. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 13–16; *Ядерное сдерживание и нераспространение* / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 8–83; *Freedman L.* *The Evolution of Nuclear Strategy*. L.: Macmillan in association with the International Institute for Strategic Studies, 1981; *Караганов С.А.* О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир // *Россия в глобальной политике*. 2017. Т. 15. № 2. С. 8–19.

⁵⁰ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 146 от 29.12.2014) // *Российская газета*. Федеральный выпуск № 298 (6570). 2014. 30 декабря.

военного противника, т.е. неспособным создавать угрозы для своих соседей⁵¹. Правда, Фридман тут же оговаривается, что превентивной мерой можно назвать и действия, нацеленные на то, чтобы не дать имеющейся проблеме перерасти в полноценный кризис⁵². Таким образом, Фридман предлагает двойственное определение превентивной войны. С одной стороны, это мера, направленная на то, чтобы сдерживать наличествующую угрозу. С другой — средство ликвидации самой возможности производить опасности, т.е. предотвращение потенциальных угроз до того, как они станут реальными или неминуемыми (*imminent*). Упреждение же в этой классификации получает определение крайней меры, «стратегии, которую используют непосредственно в самый разгар кризиса»⁵³.

В прошлом превентивная война — когда боевые действия начинаются для того, чтобы не допустить нападения со стороны того государства или политического сообщества, на которое производится атака — воспринималась неоднозначно. Так, она поддерживалась одними авторами. Например, Альберико Джентили, итальянский юрист XVI в., писал о «полезной обороне» (*utilem defensionem*), когда предлагал со вниманием относиться к существующим угрозам и пытаться предвосхитить враждебные действия противников при помощи нанесения военных ударов. В этом отношении полезным помощником признавался страх, отсутствие которого, по мнению Джентили, губительно⁵⁴. Эмер де Ваттель схожим образом высказывался в пользу превентивных действий. Перед каждой нацией стоит первоочередная задача по самосохранению, поэтому оправданными становятся все средства, позволя-

⁵¹ *Freedman L.* Prevention, not pre-emption. P. 106.

⁵² *Ibid.* P. 107.

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ *Gentili A.* De iure belli libri tres. Oxford: Clarendon Press, 1877. P. 57–63.

ющие её решить. Политическая целесообразность порой заставляет действовать проактивно, предупреждая угрозы и обиды со стороны врагов⁵⁵. Однако превентивная война иногда прямо запрещалась другими, не менее авторитетными учёными. Например, таким противником превентивной войны был Гуго Гроций: «...требуется наличие непосредственной и как бы мгновенной опасности»⁵⁶ для того, чтобы военные действия были законными. Пока угроза не стала явной, т.е. пока противник не начал боевые действия, он не может считаться агрессором.

В настоящее время и международное право, и моральный подход к войне запрещают превентивные действия. Тем не менее уже стало нормой признание того, что ригористский подход, согласно которому только самооборона признаётся справедливой причиной войны, устарел или даже не совместим с действительностью. Джефф Макмахан связывает это с замещением государствоцентричного подхода в теории войны индивидуалистским, когда защита прав человека наделяется бóльшим моральным весом, нежели защита государственного суверенитета или идея неприкосновенности границ⁵⁷. Впрочем, уже в «Справедливых и несправедливых войнах» Уолцер, представитель государствоцентричного подхода, писал об упреждающем ударе как об обоснованной в моральном отношении справедливой причине войны. Как это объяснял сам Уолцер, в условиях современных войн мы не всегда можем считать агрессором того, кто первым обращается к военной силе. В ряде обстоятельств политическим сообществам

⁵⁵ *Ваттель Э., де.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 46.

⁵⁶ *Гроций Г.* Указ. соч. С. 188.

⁵⁷ *McMahan J.* Aggression and Punishment // *War: Essays in Political Philosophy* / ed. by L. May. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 73–74.

приходится использовать армию до того, как на них напали, и всё равно это будет случай самообороны или упреждающего удара (*preemptive strike*). Таким образом, обоснованность упреждающего удара — встречается также словосочетание «опережающая атака» (*anticipatory attack*) — выводится теоретиками справедливой войны из идеи справедливости самообороны.

Как замечает Брайан Оренд, можно говорить о дескриптивном и нормативном обосновании самообороны. Дескриптивное обоснование связывается с фактом непосредственного нападения на ваше государство, что служит достаточной причиной для проведения ответной атаки. Нормативное же предполагает обоснованность нанесения удара по противнику с целью отражения потенциальной агрессии. Подобный аргумент может использоваться только в определённых обстоятельствах, когда имеются неопровержимые доказательства приготовления противника к нападению и оно вот-вот начнётся, т.е. когда опасность, исходящая от противника, неминуема⁵⁸. Такие обстоятельства связаны со стремлением избежать негативных последствий бездействия в момент, когда противник подготовился к нападению и намеревается перейти к активным действиям. Промедление нередко оказывается чрезвычайно рискованным, поэтому, если очевидно, что от противника исходит высочайшая степень угрозы и война неизбежно начнётся в самом ближайшем будущем, допустимым оказывается упреждающее нападение. Как сформулировал это Майкл Уолцер: «...государства могут обращаться к военным средствам в случае угрозы войны всякий раз, когда бездействие привело бы к серьёзному риску нарушения территориальной целостности или политической независимости»⁵⁹. Мотивом действия в дан-

⁵⁸ *Orend B. The Morality of War. P. 76.*

⁵⁹ *Walzer M. Just and Unjust Wars... P. 85.*

ном случае выступает осознание действительности и неизбежности угрозы, но не страх; а агрессором признаётся не сторона, первой применившая силу, а тот, кто готовил нападение. В таких условиях из правила о недопустимости агрессивных войн может быть сделано исключение, позволяющее говорить об оправданности войны. Но угроза должна быть непосредственной, а не прогнозируемой, ожидаемой через месяцы или годы.

Эту апелляцию к политической прагматике и благоумию ещё более явно обозначает Брайан Оренд. Вслед за Уолцером Оренд прибегает к явно консеквенциалистскому аргументу: риски, которые вызывает бездействие, надо стремиться минимизировать, особенно это важно в политической сфере, тем более, если дело касается такого опасного предприятия как война. На правительстве государства или лидерах политического сообщества лежит обязанность защищать права своих граждан, а упущенная возможность предотвратить существенные людские и экономические потери, вызванные нападением агрессора, будет означать неготовность правительства обеспечить эту защиту. Правительство может, таким образом, нанести опережающую атаку, но только в том случае, если речь идёт о защите прав человека⁶⁰. Военные действия в отношении противника, пренебрегающего в своей политике нормами морали и прав, т.е. фактически преступного, не признаются агрессией. У государства должно быть право на «нападение с оборонительными целями» (*defensive harm*)⁶¹. Правда, целью такого нападения может быть только правительство, ответственное за провокацию войны, армия и другие силовые службы, поддерживающие правительство, но не всё население преступного государства.

⁶⁰ *Orend B. The Morality of War. P. 76–77.*

⁶¹ *Ibid. P. 37.*

Об этом же говорит и Дэвид Любэн, выступающий за обоснование превентивной войны только в исключительных случаях. К ним он относит применение военной силы против государств-изгоев. Оно становится обоснованным в двух случаях: когда угроза с их стороны представляется явной и неотвратимой, и когда они занимаются поддержкой террористических организаций. Действия против государства-изгоя, по мнению Любэна в принципе можно трактовать как упреждающий удар, поскольку «траектория политики государства-изгоя превращает его в «неизбежного» агрессора»⁶². При этом для определения государства-изгоя «наиболее важными характеристиками являются милитаризм, идеология, одобряющая насилие, история использования насилия, подкрепляющая эту идеологию, наращивание способности быть реальной угрозой для других государств»⁶³.

Отдельно стоит обратить внимание на аргументы, которые приводятся в пользу упреждающих военных действий в связи с действиями негосударственных субъектов политики. Именно угрозами, исходящими от иррегулярных сил, в первую очередь террористических групп, объяснялось использование понятия упреждающих действий в Стратегии национальной безопасности США 2002 г. (впрочем, там же было использовано и понятие превентивных действий по отношению к террористическим группам). В начале 2000-х годов появилась и соответствующая философская литература, выдержанная в духе этой доктрины⁶⁴. Террористическая атака или её угроза

⁶² Любэн Д. Превентивная война // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 162.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Среди множества специалистов по военной этике можно выделить пользующуюся всеобщим уважением Джин Бетке Эльштайн: *Elsh-tain J.B. Just War against Terror: The Burden of American Power in a Violent World*. N.Y.: Basic Books, 2003; *Elsh-tain J.B. Prevention, Pre-*

представляется Оренду очевидным случаем, когда государство имеет право нанести ответный или даже превентивный удар. Основная цель террористического акта состоит не в уничтожении людей — хотя и этот показатель считается важным для террористов, а в распространении панических настроений и страха. Важное и необходимое условие успешности террористической деятельности состоит в освещении террористических актов в средствах массовой информации — новость об атаке должна стать предметом обсуждения. По мнению Оренда, невозможно говорить об оправданности террористической деятельности, поскольку в подавляющем большинстве случаев удары террористов направлены против гражданского населения, а не против представителей армии или других силовых структур государства. Сходную точку зрения отстаивает и М. Уолцер, который называет общим местом террористической деятельности целенаправленное насилие по отношению к мирному населению⁶⁵. Тем самым террористы нарушают принцип различения, предполагающий недопустимость нападения на некомбатантов. Террористическая деятельность всегда оказывается неприемлемой, а потому ответ на неё кажется Оренду веской причиной для начала вооружённой борьбы. В то же время государству не следует ждать атаки, чтобы начать действовать. Легитимируются не только оборонительные действия, но и активные наступательные, в том числе и превентивные. Любая террористическая организация может и должна быть уничтожена на основании одного только факта, что она занимается или планирует заняться террористической деятельностью. Кроме того, Оренд

emption, and Other Conundrums // *The Ethics of Preventive War* / ed. by D.K. Chatterjee. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 15–26.

⁶⁵ *Walzer M. Just and Unjust Wars...* P. 203.

считает необходимым бороться не только с исполнителями террористических актов, но и с теми организациями и государствами, которые спонсируют их проведение⁶⁶. Терроризм представляется Оренду социально-экономическим явлением, поэтому победу в борьбе с ним невозможно достичь без уничтожения его материально-экономической базы.

Эти же идеи развивает Николас Фоушин, который, рассуждая о моральной составляющей участия государства в асимметричном конфликте, считает необходимым предоставление государству возможности наносить уже не упреждающие, а превентивные удары по негосударственным группам. Особенно это право значимо, по мнению Фоушина, в случае превентивных атак против террористов. Когда конфликт разгорается между двумя государствами, приготовления одного из них к войне становятся заметными; противник имеет шанс нанести упреждающий удар или мобилизовать свои силы, т.е. подготовиться к боевым действиям и избежать фактора внезапности. Но подготовка к нападению повстанцев или террористов проводится «с той степенью секретности, которая недоступна большим группировкам или государствам»⁶⁷. Кроме того, как мы писали в главе 2, асимметричная война, с характерным для неё многообразием участников разной природы и статусов, зачастую превращается в перманентный вялотекущий конфликт. Воюющие государства после подписания мирного соглашения не нападают друг на друга. Но если с мятежниками и может быть заключен мир, то представить себе такого в случае с террористами практически невозможно. Они, таким образом, представляют собой постоянную угрозу и поэтому могут быть атакованы в любой момент, даже когда не ведут активных боевых дей-

⁶⁶ *Orend B. The Morality of War. P. 73–74.*

⁶⁷ *Fotion N. Op. cit. 117.*

ствий или не занимаются планированием террористических атак.

Дэвид Родин, со свойственной ему критичностью, подвергает сомнению признание упреждающего удара и тем более превентивных действий в качестве справедливой причины войны. Он оспаривает одновременно и представление о выгоде, связанной с устранением потенциальных угроз, т.е. консеквенциалистский аргумент, и позицию, согласно которой превентивные действия подпадают под определение самообороны. Что касается первого основания считать упреждающие или превентивные действия справедливыми, то, по мнению Родина, здесь возникает эпистемическая проблема. Консеквенциалистский подход заключается в том, что «если в данном случае ведение превентивной войны является эффективным способом предотвращения масштабной террористической атаки или акта будущей агрессии со стороны враждебного государства, и если война сама по себе не причинит больше вреда, чем предотвратит, и если не существует иного менее затратного способа достижения того же блага, и если цена пролитой крови и израсходованных богатств не перевешивает ожидаемого блага, тогда война будет *prima facie* оправдана»⁶⁸. То есть основное значение в этом рассуждении отведено тем опасностям и вреду, с которыми мы можем столкнуться, и благами, которые можем приобрести или сохранить. Но в случае упреждающих или превентивных действий, пишет Родин, мы применяем военную силу до того, как столкнёмся с действительной агрессией со стороны противника, но «мы не можем знать с необходимой степенью определённости, что оборонительные действия необходимы, до тех пор, пока вред не будет не-

⁶⁸ Rodin D. The Problem with Prevention // Preemption: Military Action and Moral Justification / ed. by H. Shue, D. Rodin. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 145.

минуемо нанесён»⁶⁹. Это же относится и к возможности предварительно соотнести выгоды и потери, связанные с ведением войны. Таким образом, консеквенциалистский аргумент о необходимости избежать потенциальных угроз перестаёт работать. Помимо этого, продолжает Родин, невозможно в принципе говорить об упреждении или превентивных действиях как справедливой причине войны, поскольку единственной ситуацией, удовлетворяющей критериям принципа правого дела, является происходящее в действительности агрессивное, несправедливое нападение⁷⁰.

Впрочем, на это приводит ряд контраргументов Джефф Макмаан. С его точки зрения, в ограниченных ситуациях можно говорить о моральном оправдании превентивной атаки. Планирование и подготовка противоправного нападения позволяет применить силу против инициатора этой незаконной атаки. Потенциальная жертва может защитить себя, поскольку моральная ответственность за насилие ложится в данном случае на агрессора. Родин заметил бы в этом случае, что до того, как нападение произойдёт в действительности, замышляющего нападение нельзя считать агрессором. В конце концов, он может в последний момент изменить свои планы. Однако, по мнению Макмаана, «очень сомнительно, что ни в чём не повинный человек должен подвергаться повышенному риску быть убитым только ради того, чтобы дать возможность человеку, который неправоммерно намеревается совершить убийство, отказаться от своего намерения»⁷¹. Риски быть убитым или подвергнутым военно-

⁶⁹ *Rodin D.* War and Self-Defense. P. 41; *Rodin D.* The Problem with Prevention. P. 143.

⁷⁰ *Rodin D.* The Problem with Prevention. P. 166.

⁷¹ *McMahan J.* The Conditions of Liability to Preventive Attack // *The Ethics of Preventive War* / ed. by D.K. Chatterjee. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 126.

му нападению не могут переноситься на человека или политическое сообщество, которые не совершают в данный момент преступлений и не действуют агрессивно. Иными словами, превентивные действия, согласно Макмаану, могут быть оправданы в некоторых, ограниченных случаях. Это, однако, не означает, что война в принципе не должна быть ничем ограничена, и оправдание превентивной войны в исключительных случаях означает оправдание любой агрессивной войны. Насущной проблемой в случае превентивной войны остаётся то, что её жертвами станет гораздо большее число людей, нежели то, что несёт моральную ответственность за неё. Помимо тех, кто непосредственно планировал и готовил агрессию, страдает также значительное число военных и гражданских лиц.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ И ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Если обоснованность самозащиты и нанесение упреждающих ударов принимается большинством теоретиков справедливой войны, то вопрос о вмешательстве во внутренние процессы, идущие на территории других государств, до сих пор остаётся предметом ожесточённых споров. Ещё Дж.С. Милль указал на необходимость воздерживаться от участия во внутренней борьбе, поскольку такое участие извне будет служить преградой на пути к построению действительно свободного общества. Народ, получивший свободу из чужих рук, не будет ценить её должным образом. И новое государство, созданное при участии внешних сил, станет либо колонией своего освободителя, либо ареной постоянных восстаний людей, не согласных с установленным политическим режимом. Интервенция в гражданскую войну возможна только в том случае, если она не будет препятствием самоопределе-

нию⁷². Однако даже такой неактивный апологет вмешательства в чужие гражданские войны, как Милль, делает одно исключение. «Требует отдельного рассмотрения, — пишет Милль, — случай затяжной гражданской войны, в которой противостоящие друг другу стороны настолько равны по силе, что нет никакой вероятности быстрого решения конфликта; а если и есть, то победившая сторона не может даже надеяться на то, чтобы удержать побеждённых в подчинении иначе, как жестокостью, несовместимой со всякой человечностью и губительной для долгосрочного благосостояния страны»⁷³. В данном случае сразу две причины — стремление восстановить мир в регионе и гуманитарные основания — легитимируют внешнее вмешательство.

Однако не все современные теоретики справедливой войны принимают сдержанную позицию Милля. Брайан Оренд считает, что гражданскую войну против правительства можно назвать справедливой, если государство утратило способность защищать своих граждан⁷⁴. Вмешательство в такую войну на стороне восставшего населения кажется канадскому философу обоснованным и даже необходимым, если существуют неопровержимые доказательства справедливости восстания. Уолцер, ориентируясь на опыт войны во Вьетнаме, крайне тяжёлой и затяжной, предлагает считать достаточной мерой участия балансировку сил или нейтрализацию несправедливой стороны, но не полномасштабное включение в конфликт⁷⁵. Однако Оренд отвергает подобный ограниченный подход, считая его непоследовательным. Цель каждой войны состоит в достижении победы, а вре-

⁷² *Mill J.S.* Op. cit. P. 222–223.

⁷³ *Ibid.* P. 221.

⁷⁴ *Orend B.* The Morality of War. P. 84.

⁷⁵ *Walzer M.* Just and Unjust Wars... P. 96–100.

менная балансировка сил не гарантирует победу справедливой стороны⁷⁶. Таким образом, допустимым, с его точки зрения, будет полномасштабное вмешательство в гражданскую войну на стороне одного из её участников, обладающих справедливой причиной ведения вооруженной борьбы. В ситуации, когда справедливость действий обоих участников конфликта вызывает сомнения, лучшим решением будет воздержаться от вступления в войну.

Но откуда вообще берётся это право на вмешательство во внутренний конфликт, который происходит в другом государстве? Оренд в данном случае довольно последовательно использует свою концепцию минимально справедливого политического сообщества (*minimally just political community*). Он предлагает считать «минимально справедливым» государство, которое: 1) признано собственными гражданами и мировым сообществом; 2) не нарушает права соседних государств; 3) обеспечивает соблюдение прав собственных граждан⁷⁷. При этом всякое государство исполняет функцию по «защите людей от насилия, мошенничества и анархии, присущей естественному состоянию, и обеспечению функционирования гражданского общества, основанного на публичном, позитивном праве, опирающемся на силу»⁷⁸. Нападение на правительство, не соответствующее критериям минимальной справедливости и не способное защитить права своих граждан или намеренно их нарушающее, не является, по мысли ОRENDA, агрессией и нарушением принципа невмешательства. Именно поэтому обоснованным ему ка-

⁷⁶ *Orend B. The Morality of War. P. 86.*

⁷⁷ *Ibid. P. 38.* Подробнее о концепции минимальной справедливости ОRENDA см.: *Куманьков А.Д. Концепция минимальной справедливости... С. 6–12.*

⁷⁸ *Orend B. War and International Justice... P. III.*

жется и вступление в гражданскую войну, которая ведётся против такого правительства.

Гуманитарная интервенция представляет собой, пожалуй, наиболее противоречивое основание применения вооружённой силы. Причиной нападения на государство, которое не проявляет внешнюю агрессию, становятся массовые нарушения прав человека, такие как этнические чистки, геноцид или массовые убийства. Гуманитарная интервенция может быть рассмотрена как один из вариантов упреждающего удара. Хотя, как правило, она начинается в ответ на действительное насилие: упреждается крайняя степень реализации этого насилия; интервенция не допускает того, чтобы этнические чистки или геноцид были проведены в полном масштабе. Проблема гуманитарной интервенции начала обсуждаться особенно активно в 90-е годы прошлого столетия в связи с событиями в Руанде и Югославии⁷⁹, и со временем большая часть теоретиков справедливой войны стала поддерживать идею гуманитарных войн.

Очевидно, что наибольшую сложность в дискуссии о военном вмешательстве в государство, правительство которого истребляет собственное население, составляет традиционное понятие суверенитета как возможности самостоятельно определять внутреннюю политику. В этой связи Пол Кристофер, бывший глава департамента философии Военной академии США в Вест-Пойнте, отмечает, что «гуманитарная интервенция всегда запрещена по закону, но иногда нравственно допустима»⁸⁰. Орренд со

⁷⁹ Впрочем, нечто похожее на гуманитарную интервенцию было описано ещё Т. Мором: «...когда они [утопийцы] жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности)». См.: Мор Т. Утопия. М.: Наука, 1978. С. 242.

⁸⁰ Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1999. P. 195.

ссылкой на Международную комиссию по вопросам вмешательства и государственного суверенитета предлагает интерпретировать суверенитет в первую очередь как обязанность правительства обеспечивать безопасность своих граждан. Если же государство не справляется с этой обязанностью, а население не имеет возможности сопротивляться насилию со стороны правительства, то должны найтись силы, готовые прийти на помощь гражданам такого государства. Как замечает Уолцер, «когда людей убивают, нам не стоит дожидаться, пройдут ли они своего рода тест на самопомощь, прежде чем оказать поддержку. Именно их неспособность к этому заставляет нас вступать в дело»⁸¹. То есть сама жестокость, которая проявляется в отношении большой группы людей, позволяет игнорировать принцип невмешательства.

Американский философ Генри Шу (Henry Shue) смотрит на эту проблему ещё более радикально. В глобализирующемся мире существует множество вопросов, решение которых возможно только при условии коллективных, трансграничных усилий и ответственности. К таким, например, относится вопрос о преодолении последствий изменения климата. Предотвратить возможный кризис, связанный с глобальным потеплением, не получится, если на это не будут направлены усилия людей, проживающих на всех континентах⁸². Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который требует общего участия вне зависимости от национальных суверенитетов и границ: если кто-то не содействует решению экологических проблем, ссылаясь на суверенное право действовать автономно и в каждом случае поступать по своему усмотрению, он своими действи-

⁸¹ *Walzer M. Just and Unjust Wars... P. 106.*

⁸² *Shue H. Eroding Sovereignty: The Advance of Principle // The Morality of Nationalism / ed. by R. McKim, J. McMahan. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 346.*

ями наносит урон всему человечеству. Схожие кейсы можно найти в сфере экономики. Иными словами, заключает Шу, существует множество ситуаций, в которых гоббсовские по сути представления о суверенитете теряют своё значение или, если продолжать признавать их, работают во вред большей части населения Земли. На этом основании можно игнорировать и суверенитет государства, в котором происходят массовые преступления.

Во многом схожие идеи были высказаны в документах и нормативных актах, развивающих доктрину «Обязанность защищать» (встречается также вариант перевода «Ответственность по защите»). Так, в 2000–2001 гг. действовала Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (представитель от Российской Федерации — Владимир Петрович Лукин), которая выпустила в декабре 2001 г. доклад «Обязанность защищать» (The Responsibility to Protect). Впоследствии эта инициатива была признана в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г.⁸³ В докладе 2001 г. говорилось, что установленное ещё Вестфальским миром право суверенитета и равенства государств безоговорочно поддерживается ООН, равно как и принцип невмешательства. Более того, ООН прикладывает непосредственные усилия по защите этих принципов и прав. Но важной тенденцией в XXI в. становится интерпретация суверенитета как ответственности (об этом мы уже писали выше): «...во-первых, это подразумевает, что государственные органы несут ответственность за выполнение функций по защите безопасности и жизни граждан и содействию их благосостоянию. Во-вторых, это предполагает, что органы государственной власти несут ответственность пе-

⁸³ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 октября 2005 года. A/RES/60/1.

ред гражданами внутри страны и перед международным сообществом через ООН. И в-третьих, это означает, что представители государства несут ответственность за свои действия; т.е. подотчётны, как их действия, так и бездействие»⁸⁴. Доклад также возлагал обязанность по защите прав человека на международное сообщество в случае, если местное правительство не в состоянии её обеспечить. Допустимым признавалось и применение оружия для этих целей, но в качестве крайней меры.

Стоит отметить также, что предметом дискуссии является и вопрос об уровне интенсивности участия государства в гуманитарной интервенции. В данном случае показателен пример Майкла Уолцера. Американский философ в период написания «Справедливых и несправедливых войн», т.е. в 1970-е годы, выступал за ограниченный гуманитарный интервенционизм. Как ему казалось, во внутренние дела другого государства следует вмешиваться в редчайших случаях, когда речь идёт о «преступлениях, которые потрясают моральное чувство человечества»⁸⁵. И только чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу, но не для того, чтобы свергнуть режим, ответственный за злоупотребления правами человека, или заниматься дальнейшей политической реконструкцией. В противном случае возникал риск нарушения права государства на суверенитет и территориальную целостность. Кроме того, Уолцер отстаивал право каждого государства самостоятельно выстраивать собственную политическую культуру, которая может быть непонятной для иностранцев. Последние, соответственно, должны были поостеречься от слишком поспешных реакций, особенно, ког-

⁸⁴ The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa: International Development Research Centre. December 2001. P. 29.

⁸⁵ *Walzer M.* Just and Unjust Wars... P. 107.

да на обсуждение выносятся применение военной силы и вторжение во внутренние конфликты. В одной из статей Уолцер писал, что иностранцы не могут ставить под сомнение право политического объединения на существование, поскольку «они не знают достаточно о его истории, не имеют непосредственного опыта [жизни там] и не могут сделать обоснованных выводов о конфликтах и согласии, историческом выборе и культурной близости, верности и обидах, которые лежат в основе этого единства»⁸⁶. Однако впоследствии, анализируя события в Боснии, Руанде, Судане и ряде других регионов, он стал более активным сторонником гуманитарного интервенционизма, предполагая, что этим должны заниматься региональные силы, сохранив приверженность унилатералистской позиции⁸⁷.

Два весомых контраргумента выдвигались против нерешительности Уолцера в принятии идеи гуманитарного интервенционизма и одобрения лишь не слишком активных военных действий в качестве поддержки тех, кто нуждается в гуманитарной помощи. Один из них предложил Дэвид Любэн, который с большим скепсисом оценил процитированное в предыдущем абзаце утверждение Уолцера. «Целые библиотеки были написаны о самых отдалённых культурах»⁸⁸, чтобы говорить о невозможности постичь особенности чужих политических традиций — отвечал Уолцеру Любэн. Мы, соответственно, не можем оставаться равнодушными и безучастными, когда сталкиваемся с репрессиями тирана по отношению к своим

⁸⁶ *Walzer M.* The Moral Standing of States: A Response to Four Critics // *Philosophy & Public Affairs*. 1980. Vol. 9. No. 3. P. 212.

⁸⁷ *Walzer M.* *Arguing about War*. New Haven: Yale University Press, 2003. P. xii–xiii. См. также: *Kumankov A.* *Intervening as a Moral Duty: Michael Walzer versus a Multilateralism Approach / Military Ethics and Leadership*. Vol. 3. Boston, Leiden: Brill, Nijhoff, 2017. P. 190–204.

⁸⁸ *Luban D.* *The Romance of the Nation-State*. P. 395.

гражданам. У нас есть возможность оценить опасность ситуации, в которую они попали, и принять решение о помощи. Другой аргумент высказал Брайан Оренд, и он повторяет рассуждение о вмешательстве в гражданскую войну: войну необходимо начинать, чтобы довести до победы, в случае гуманитарной интервенции минимальная победа будет состоять в том, что жертвы гуманитарной катастрофы перестанут чувствовать угрозу своим жизням, поэтому в этом случае надо не просто оказывать помощь в защите тех, кто не способен обеспечить её сам, а снять саму угрозу. Очевидно, что Оренд в этом отношении выступает в качестве сторонника силовой смены режима.

Уолцер, допуская возможность военного ответа на массовые нарушения прав человека, говорит о необходимости проводить гуманитарную интервенцию в соответствии со всеми принципами *jus ad bellum*. Должно наличествовать действительно значимое моральное обоснование для подобной операции, в то время как национальные интересы государств, готовящихся к вторжению, не могут приниматься в расчёт. Следует особое внимание уделить принципам пропорциональности и вероятности успеха — интервенция не должна привести к чрезмерным жертвам ни среди тех, кто её инициирует, ни среди местного населения, при этом необходимо гарантировать достижение поставленной цели — прекращения массовых нарушений прав человека. Интервенция может применяться только как последнее средство для разрешения текущего конфликта; военной фазе должна предшествовать переговорная или санкционная стадии. Правда, в случае, когда массовые убийства или этнические чистки уже начались, этот принцип фактически теряет свой смысл. Наконец, последний принцип, интерпретация которого в данном случае представляет наибольшую сложность — принцип легитимной власти. Решение о гуманитарной интервенции может принимать только уполномоченный на подоб-

ное действие орган. Но здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, кто может выступать в качестве такого органа в ситуации, когда, во-первых, причиной войны называется забота о правах человека, т.е. когда политическая сфера измеряется моралью; а во-вторых, объектом защиты прав человека становятся не граждане государства-интервента, а граждане другого суверенного образования.

Вопрос о том, кто должен брать на себя ответственность проводить гуманитарную интервенцию, остаётся по сути нерешённым. Большинство теоретиков, в частности Уолцер и Оренд, полагают, что интервенция должна стать обязанностью отдельных государств или региональных ассоциаций, которым не нужна санкция ООН. Это заключение ставит новые вопросы. Какое именно государство или ассоциация должны выполнять обязательство предотвращать гуманитарные катастрофы? Что должно делать мировое сообщество в ситуации, когда ни одно государство не хочет вступать в конфликт? Не станет ли интервенция для государств, участвующих в ней, в первую очередь средством решения собственных политических или экономических задач?

Отвечая на первый вопрос, британский специалист по международным отношениям Джеймс Пэттисон приходит к выводу, что проводить гуманитарную интервенцию должен субъект, который сделает это с наибольшей эффективностью⁸⁹. Однако сам Пэттисон признаёт это решение «временным», поскольку не всегда самый эффективный интервент будет обладать желанием нести на себе ответственность по защите прав человека во всём мире. Эта проблема связана уже со вторым вопросом. Уолцер пытается ответить на него в ряде своих статей, но нельзя ска-

⁸⁹ *Pattison J. Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention // Journal of Military Ethics. 2008. Vol. 7. No. 4. P. 262–283.*

зять, что он приходит к какому-то удовлетворительному решению. Обычно он весьма неопределённо говорит, что должен найтись кто-то, кто возьмёт на себя ответственность и решит проблему в том или ином регионе земного шара⁹⁰. И лучше, чтобы это делали региональные силы, не дожидаясь коллективного решения ООН — в противном случае, время будет упущено и мы в очередной раз столкнёмся с многотысячными жертвами.

Сложности вызывает и третий вопрос. Уолцер полагает, что государство, устраивающее гуманитарную интервенцию, безусловно, попытается сделать её выгодной для себя, но его действия, тем не менее, позволят прекратить насилие в отношении гражданского населения. Государство получает своеобразную моральную санкцию и на защиту прав человека при помощи вооружённой силы, и на решение собственных задач в данном регионе. Однако подобное нравственное обоснование войны представляется достаточно спорным. Равно как и сама гуманитарная интервенция не всегда может считаться действенным способом прекращения конфликта, поскольку (как и в случае вмешательства в гражданскую войну) часто работает на его эскалацию. Интервенции в Югославию или Ливию продемонстрировали, что гуманитарная война может способствовать развитию социальных кризисов и привести к политическим коллапсам.

Джеймс Пэттисон, которого мы цитировали выше, написал книгу о гуманитарных интервенциях, где предложил свой вариант решения проблемы легитимации участия в войне, ставящей целью защиту прав человека. В его книге представлен довольно авторитетный и популярный взгляд западного интеллектуального и политического со-

⁹⁰ *Walzer M. The Argument about Humanitarian Intervention // Dissent. 2002. Vol. 49. No. 1. P. 29–37; Walzer M. The Politics of Rescue // Social Research. 1995. Vol. 62. No. 1. P. 53–66.*

общества на гуманитарный интервенционизм, поэтому он заслуживает детального прояснения. Пэттистон с опорой на концепцию профессора философии Университета Дьюка Аллена Бьюкенена говорит о нормативной политической легитимации. Важно не то, легитимно ли конкретное действие политического субъекта, а то, является ли он в принципе легитимным, т.е. получает ли его власть моральное обоснование⁹¹. Фактически моральный статус субъекта гуманитарной интервенции наделяется ключевым значением; инициатор интервенции должен обладать специфическими качествами. В этом контексте вопрос о справедливой причине оказывается не столь принципиальным и признаётся по сути решённым — если морально достойный политический субъект заявляет о необходимости совершить интервенцию, он обретает моральное право на её проведение. Также ему вовсе не обязательно выполнять все требования теории справедливой войны, чтобы провести интервенцию — Пэттистон дистанцируется от категорического подхода, отстаивая право ограниченной легитимации. После этого не вызывает удивления, что гуманитарная интервенция может быть легитимной, хотя и нелегальной. На этом основании обоснованной кажется Пэттистону операция, проведённая НАТО против Югославии в 1999 г.

Что может укрепить легитимность интервента, кроме его готовности помочь населению чужой страны защи-

⁹¹ *Pattison J. Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect. Who Should Intervene?* N.Y.: Oxford University Press, 2010. P. 31; *Pattison J. Legitimacy and Humanitarian Intervention: Who Should Intervene?* // *The International Journal of Human Rights*. 2008. Vol. 12. No. 3. P. 397. См. также: *Buchanan A. Justice, Legitimacy, and Self-Determination: Moral Foundations for International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 239; *Buchanan A. Justice, Legitimacy, and Human Rights* // *The Idea of a Political Liberalism: Essays on Rawls* / ed. by V. Davion, C. Wolf. Oxford: Rowman and Littlefield, 2000. P. 73.

тить себя и свои права? Пэттисон даёт подробный ответ, теоретическим ядром которого выступает консеквенциализм. В первую очередь — это необходимое и важнейшее условие — интервенция должна быть эффективной. Соответственно, и наибольшей легитимностью, т.е. обоснованным правом проводить интервенцию, будет тот, кто закончит её наиболее эффективным образом. К вопросу оценки эффективности Пэттисон подходит очень щепетильно, предлагая оценивать её сразу по трём уровням. Во-первых, необходимо понять, способен ли интервент преодолеть гуманитарный кризис, способствуя улучшению обстановки в стране, в которую он вторгается — это уровень локальной эффективности (*local external effectiveness*). Во-вторых, следует принять во внимание глобализированность современных конфликтов, о которой говорилось в главе 2, — интервент должен позаботиться о том, чтобы права человека защищались на глобальном уровне. Интервенцию необходимо проводить так, чтобы она не несла вреда безопасности соседних стран и не вызвала глобального кризиса. Обязанность интервента в данном случае предполагает недопущение распространения волн миграции, эпидемий, бегства военизированных отрядов на территорию соседних государств. Этот второй уровень получил название глобальной эффективности (*global external effectiveness*). Наконец, в-третьих, интервент не может чрезмерно жертвовать правами человека собственных граждан и в первую очередь солдат, которые могут пострадать от вмешательства в чужой конфликт. Это уровень внутренней эффективности интервента (*intervener's internal effectiveness*)⁹². Чтобы оценить эффективность, Пэттисон предлагает предпринять два шага: рассмотреть эффекты и последствия интервен-

⁹² *Pattison J. Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect...*
Р. 36, 74–79.

ции в долгосрочной перспективе, а затем сравнить их с невмешательством.

Если интервенция закончится внушительным успехом, например, будет остановлен геноцид, её успешность становится условием её достаточной (*adequate*) легитимации, хотя эта легитимация и не будет полной. В этом случае все прочие характеристики интервента можно оставить без внимания — возможные неоднозначности в его оценке и дурные деяния прошлого компенсируются или перевешиваются благом, которое обеспечит интервенция. Однако проще допустить ситуации — и чаще всего мы сталкиваемся именно с такими случаями — когда заранее дать точный прогноз эффективности интервенции не получается. Тогда следует обратиться к прочим, неконсеквенциалистским основаниям для проверки моральной состоятельности интервенции. Они не так значимы, как эффективность, и не могут заменить собой проверку по параметру эффективности, но могут дать дополнительные свидетельства в пользу обоснованности вмешательства данного государства или политического сообщества в конфликт.

К таким неконсеквенциалистским основаниям Пэттисон относит соблюдение норм *jus in bello* (*fidelity to principles of jus in bello*), поддержка интервенции населением государства, проводящего её — «внутренняя поддержка» (*internal support*); поддержка интервенции населением государства, которое становится ареной для вмешательства — «внешняя поддержка» (*external support*). Соблюдение норм *jus in bello* важно, поскольку неприемлем радикальный консеквенциализм или крайний инструменталистский подход (*Extreme Instrumentalist Approach*), согласно которому в моральном отношении значим лишь совокупный уровень человеческого страдания, поэтому чтобы уменьшить его, можно пойти на огромные жертвы и потери, в том числе и среди гражданских

лиц, а единственным определяющим фактором моральной обоснованности интервенции выступает её финальная эффективность. Гуманитарная интервенция должна быть гуманной. Войска, участвующие в ней, обязаны соблюдать принципы различия и пропорциональности. Значение поддержки интервента со стороны собственных граждан можно объяснить двумя аргументами, отсылающими к классической политической философии. Во-первых, аргумент Локка: население обеспечивает своё правительство ресурсами для проведения той или иной политики, поэтому должно участвовать в контроле над их расходованием и одобрять такие дорогостоящие предприятия, как гуманитарную войну. Во-вторых, аргумент Руссо: люди должны иметь голос в деле управления политическими институтами. В этом проявляет себя свобода самоопределения; решение о проведении гуманитарной интервенции должно учитывать мнение населения государства-интервента. Наконец, внешняя поддержка придаёт моральный вес интервенции, поскольку было бы недопустимо, если бы интервент начал действовать вопреки желаниям тех, кого он намеревается спасти. Влияние гуманитарной интервенции на жизни этих людей может быть очень сильным. Тяготы и лишения войны лягут в первую очередь на них, поэтому полезно удостовериться, готовы ли они принять эти тяготы. К этому добавляется и руссоистский аргумент о самоуправлении — недопустимо вмешиваться во внутренний конфликт, если местное население не хотело бы, чтобы его правительство было целью интервенции⁹³.

Если выполняются все эти критерии, как консеквенциалистские, так и неконсеквенциалистские, интервенция

⁹³ *Pattison J.* Legitimacy and Humanitarian Intervention... P. 402–406; *Pattison J.* Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect... P. 94.

считается не только достаточно обоснованной, но и получает полную легитимацию. В дискуссии об интервенции можно увидеть обращение также к таким критериям её обоснования, как поддержка мирового сообщества, надлежащее правовое санкционирование или разъяснение мотивации интервента (должен ли он быть именно моральным и гуманным в своих помыслах). Однако все они кажутся Пэттисону несущественными. Попытка выявить некое обобщённое мнение мирового сообщества, а затем получить санкции Совета безопасности ООН — сложнейшее мероприятие, сопряжённое в лучшем случае с серьёзными временными потерями. Мотивация интервента же не имеет существенного значения, поскольку важна сама его интенция: стремление остановить гуманитарный кризис. И если он готов взять на себя такие обязательства, его активность заслуживает поддержки и морального одобрения.

В этих условиях НАТО кажется Пэттисону наиболее подходящим институтом для проведения гуманитарных интервенций, обладающим наибольшим уровнем легитимности. Эта организация, по его мнению, имеет удачный прошлый опыт, развитую военную инфраструктуру и стремится быстро решить гуманитарный кризис, чтобы установить долгосрочный мир и стабильность. Чуть менее морально обоснованы интервенции отдельных государств или коалиций (естественно, в первую очередь имеются в виду США и их союзники). Замыкает этот список эффективных интервентов ООН и региональные организации.

Критика гуманитарного интервенционизма отчасти сводится к критике внешнеполитического курса США, коль скоро это на сегодняшний день один из наиболее активных операторов идеи вооружённых вторжений ради защиты прав граждан других государств, а также во имя поддержания демократии и свободы во всём мире. Удиви-

тельным образом подобная ситуация была предвосхищена Карлом Шмиттом в «Номосе земли»: «...правительство в Вашингтоне получило возможность эффективно контролировать любую смену правительства и конституционного строя во всех прочих американских государствах [sic!]. Пока Соединённые Штаты ограничиваются лишь Западным полушарием, такая практика имеет отношение лишь к этому региону. Но как только США выдвигают притязание на осуществление практики всемирного интервенционизма, она затронет каждое государство Земли»⁹⁴. Это аргумент политический. Если мы хотим дать указание в том числе и на моральные сложности, связанные с гуманитарной интервенцией, мы можем уйти ещё глубже в традицию обсуждения интервенционизма и обратиться к идеям, высказанным Миллем.

Показательно, что Милль касается вопроса о защите человечности как таковой лишь вскользь, когда говорит о необходимости вмешаться в конфликт, который ведётся при помощи жестокости, несовместимой с гуманностью. Выше мы приводили соответствующий фрагмент. В большей степени Милля интересует борьба цивилизованных государств с «дикими» нациями — преимущественно с населением Африки и Азии. Милль отказывает варварским народам в возможности соблюдать нормы, принятые среди просвещённых людей: «...нормы общепринятой международной морали подразумевают взаимность. Но от варваров не стоит ждать взаимности. На них нельзя положиться в соблюдении каких бы то ни было правил»⁹⁵. Происходит это не в силу того, что по природе своей варвары не восприимчивы к этим нормам, но лишь в силу недостаточного в данный момент развития их умов. Имен-

⁹⁴ Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 446–447.

⁹⁵ Mill J.S. Op. cit. P. 217.

но поэтому завоевание для них оказывается благом. Задача цивилизованных наций взять на себя попечительство над такими народами ради блага последних. Хотя ещё одним выводом должен быть отказ от всяких ограничений в войне против варваров. Мы можем оттолкнуться от этой, описанной Миллем, логики оправдания борьбы с варварами, чтобы увидеть современные проблемы, связанные с гуманитарной интервенцией.

По мнению Милля, европейцы абсолютно легитимны в проведении политики «благородного», или «милосердного» (*benign*), колониализма, как её обозначил М. Дойл⁹⁶. Идея благородного колониализма состоит в том, что, во-первых, развитые европейцы должны нести «бремя белого человека», которое заставляет при необходимости просвещать отсталые народы при помощи силы; а во-вторых, даёт исключительное право на подобную форму легитимации войны тем же европейцам. Цивилизованный запад противопоставляется всем прочим регионам земного шара. На самом деле этот аргумент значительно старше Милля, он обнаруживается ещё у Аристотеля в знаменитом различении войны, которая происходит между греками, и охоты, которую ведут эллины на варваров. Его можно встретить и у Франсиско де Витория, обличавшего политические и экономические причины завоевания индейских земель, но указывавшего на возможность ведения справедливой войны во имя распространения власти католической церкви⁹⁷. Мы стал-

⁹⁶ Doyle M. A Few Words on Mill, Walzer, and Nonintervention // *Ethics & International Affairs*. 2009. Vol. 23. No. 4. P. 363.

⁹⁷ См.: Vitoria F. de. De titulis legitimis, quibus Barbari potuerint venire in ditionem Hispanorum // Vitoria F. de. *Relectiones theologicae*. Matriti, 1725. Об аргументах Витория в пользу ведения военных действий в Новом свете см.: Иванова Ю.В. *Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория* // *Артикульт*. Науч. электрон. журн. фак. Истории искусства РГГУ. 2014. № 13 (1). С. 10–25.

квиваемся в этом случае со статусным разделением государств. Развитые, цивилизованные страны наделяются при этом моральной обязанностью следить за благополучием других, менее развитых народов, и содействовать их совершенствованию. При необходимости они должны с оружием в руках восстанавливать законы человечности на территории других государств, игнорируя их суверенитет.

И что крайне важно для нас, этот аргумент находит своё применение и в интервенциях последних десятилетий (Югославия, Ирак, Ливия), хотя используется он, безусловно, в завуалированной форме. Доил, Уолцер, Оренд и прочие современные авторы, которые обращаются к теории Милля, обычно обходят стороной эту проблему, буквально умалчивая её. Как правило, говорится только о защите прав человека, идеалах свободы и самоопределения, но предполагается, что их надо предохранять от власти тиранов-варваров, неспособных к цивилизованным формам правления. Аргумент из этического превращается в политический. Фактически можно сказать, что указание на невозможность правительства обеспечить защиту прав населения и идея распространения цивилизации — суть составляющие одного аргумента. Это две неотделимые части политической идеи, предполагающей, что цивилизованное, т.е. демократическое, правительство не допустит нарушения прав своих граждан или не окажется в глубоком политическом или социальном кризисе. И в случае, когда такие нарушения происходят, развитие этой идеи требует наказания для власти, которая ведёт себя агрессивно в отношении собственного народа. Задача мирового сообщества или какого-либо из цивилизованных государств сводится, таким образом, к нанесению удара по преступному, или недостаточно демократическому, правительству ради защиты универсальных прав и свобод человека.

Это открывает пространство для критики. Концепцию «Обязанность защищать» и идею гуманитарных интервенций легко упрекнуть в новом империализме, колониализме и элитаризме: «Западные страны активно отстаивают концепцию “обязанность защищать” в стенах ООН, поскольку очевидно, что счета будут предъявляться остальному, т.е. незападному, миру. Не случайно многие государства рассматривают её как западно-либеральный проект, обеспечивающий интересы “золотого миллиарда”, а не защиту людей от насилия»⁹⁸. Среди критиков гуманитарной интервенции такого рода наиболее заметен Ноам Хомский, американский лингвист и политический публицист.

Хомский неоднократно высказывал одобрение самой идее защиты прав человека во всём мире, однако он же указывал на её использование в качестве средства прикрытия истинных интересов и целей, которые могут быть у вторгающихся держав. Эти «просвещённые» государства, по мнению Хомского, действуют вопреки Уставу ООН и в нарушение постановлений и комментариев, которые появляются на мировых саммитах⁹⁹. Результатом становится создание системы гуманитарного империализма (термин Жана Брикмона¹⁰⁰). Причём обращение к гуманитарным основаниям для подтверждения права на вторжение, по словам Хомского, отнюдь не изобретение последних де-

⁹⁸ Сергунин А.А., Коньшев В.Н. Концепция «обязанность защищать»: БРИКС в поисках консенсуса // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 204. См. также: Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26. С. 53–66.

⁹⁹ Chomsky N. Humanitarian Imperialism: The New Doctrine of Imperial Right // Monthly Review. 2008. Vol. 60. No. 4. P. 22–50.

¹⁰⁰ Bricmont J. L'impérialisme humanitaire. Droit humanitaire, droit d'ingérence, droit du plus fort? Bruxelles: Aden Belgique, 2005.

сятилетий. Именно так оправдывали свои действия Япония при оккупации Манчжурии, Италия при нападении на Эфиопию, Германия при аннексии Судетской области. Все они якобы должны были защитить тысячи людей от агрессивного национализма и рабства¹⁰¹. Кроме того, Хомский обращает внимание и на явную диспропорцию в возможности апелляции к гуманитарным основаниям для оправдания военного вторжения. Так, в 1978–1979 гг. Вьетнам провёл интервенцию в соседнюю Кампучию, которая быстро закончилась захватом столицы страны, Пномпеня, и оккупацией значительной части территории Кампучии. Это, помимо прочего, позволило приостановить геноцид местного населения и политические репрессии, проводившиеся красными кхмерами. Однако действия Вьетнама были восприняты болезненно коммунистическим Китаем, который, в свою очередь, начал неудачную войну против южного соседа, но также США и Великобритании, которые ввели против Вьетнама санкции. То есть даже успешные действия по защите гражданских лиц и прекращению геноцида вызвали осуждение. Аналогично не была поддержана иранская мирная инициатива во время Боснийской войны, поскольку сам Иран воспринимался как преступный режим¹⁰². В этом Хомский видит исключительное право на принятие решения о гуманитарных вторжениях, которое страны запада резервируют за собой.

Часто в поддержку гуманитарных интервенций высказывается аргумент о невозможности бездействовать в ситуации, когда совершаются зверства, тысячи людей уничтожаются или изгоняются из мест своего проживания. Однако, по мнению Хомского, в этом случае предлагается ложный выбор из двух альтернатив: бездействие, т.е. по-

¹⁰¹ Хомский Н. Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М.: Праксис, 2002. С. 132–133.

¹⁰² Там же. С. 131–134.

пустительство гуманитарной катастрофе, или вмешательство и дальнейшая эскалация катастрофы. Эта дихотомия ошибочна, поскольку упускается из виду ещё одна, третья, альтернатива: смягчение катастрофы, например дипломатическим путём или конструктивной помощью. Защита прав человека действительно является важной задачей, стоящей перед человечеством. Но Хомский предлагает в этом сложном деле руководствоваться принципом Гиппократа «не навреди». Если соблюсти его не получается, «лучше не делайте ничего, по крайней мере это предпочтительнее, чем причинять вред — таков вывод, который в случае с Косовом заранее был признан “предсказуемым”, и предсказание полностью сбылось»¹⁰³. Часто нам кажется, что нет иного выбора, кроме как применить военное насилие. Тем не менее правильнее для целей поддержания мира и безопасности искать невоенное, конструктивное решение.

Пэттисон зафиксировал значительный уровень недоверия к войнам по гуманитарным основаниям — общественное мнение настороженно относится к эффективности и качеству интервенций, к их политизации, когда они принимаются не на основании универсально работающего механизма одобрения и проведения интервенций, а на основании прагматических соображений конкретного правительства — однако замечает, что сейчас гораздо сложнее найти тех, кто последовательно и строго придерживается позиции невмешательства¹⁰⁴. Риски, которые связаны с бездействием, или предложенным Хомским третьим путём поисков ненасильственного решения, чрезвычайно высоки. Показателен в этом отношении случай Руанды, когда недостаточно эффективные и оперативные действия международного сообщества привели к насто-

¹⁰³ Хомский Н. Новый военный гуманизм... С. 275.

¹⁰⁴ Pattison J. Legitimacy and Humanitarian Intervention... P. 396.

ящей гуманитарной катастрофе и гибели почти миллиона человек. Возможность избежать подобных последствий делает, по мнению Пэттисона, гуманитарную интервенцию морально приемлемой¹⁰⁵.

* * *

Как видно из этого раздела, для современных этических концепций войны, и теории справедливой войны особенно, характерна риторика ограничения войны и стремление сделать её более «гуманной». Но в то же время обосновывается расширение списка оснований, в соответствии с которыми допустимым оказывается применение вооружённой силы. В частности, справедливыми причинами войны, удовлетворяющей принципу правого дела, помимо самообороны, называются упреждающие действия, гуманитарная интервенция или вторжение в гражданскую войну. Проблему представляют собой также универсальность предлагаемых теоретиками справедливой войны принципов и ценностей. Тирания ценностей приводит, как заметил Карл Шмитт, к террору их непосредственного и автоматического исполнения¹⁰⁶. В высшей степени это опасно в отношении ценностей, защита которых служит делу морального оправдания применения силы — тогда стремление защитить мир и безопасность приводит к умножению поводов для начала войны.

¹⁰⁵ *Pattison J.* Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect... P. 33.

¹⁰⁶ *Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte. Berlin: Duncker & Humblot, 2011. S. 53–54. См. также: *Kumankov A.* Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Criticism of Just War Theory // *Russian Sociological Review*. 2015. Vol. 14. No. 4. P. 77–91.

Глава 4

Моральные вызовы войн в XXI веке

Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает¹.

Карл фон Клаузевиц

В ЭТОЙ главе нас будет интересовать несколько наиболее заметных практик и техник ведения современных войн. Мы начнём с терроризма — деятельности, которая представляет собой наибольшую угрозу международному миру и безопасности. Затем скажем несколько слов о приватизации войны, т.е. об участии в войне частных военных контрактников, моральный и правовой статус которых, до сих пор остаётся двойственным. Разделы о кибероружии и применении роботизированных систем позволят указать на ряд сложностей и опасностей, связанных с влиянием новых технологий на войну. В каждом из случаев нас будут интересовать связанные с ними

¹ Клаузевиц К., фон. О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.

моральные дилеммы. Обозначив их, мы сможем точнее понять, что представляет собой современная война и что считается допустимым в новых войнах.

ТЕРРОРИЗМ

В главе 2 мы касались темы нового терроризма, дав краткую характеристику этому феномену. В этом разделе нас будет интересовать этическая оценка терроризма и контртерроризма, поэтому определяющими станут два вопроса. Можно ли дать нравственное обоснование терроризму? Должна ли борьба с терроризмом подчиняться нормам военной этики и что дозволено в отношении террориста?

Приведа различные определения терроризма, мы отметили, что большинство из них фиксирует абсолютную моральную и правовую неприемлемость терроризма. К такому выводу заставляет прийти тот факт, что одной из ключевых составляющих террористической деятельности является умышленное нападение и убийство гражданских лиц. Это случайные, невинные жертвы, чаще всего не имеющие отношения к армии или другим силовым структурам. Как писал Алекс Шмид, террористическая деятельность выступает в качестве эквивалента военного преступления в мирное время. Но также она грубо нарушает важнейшее правило *jus in bello* — принцип различения, поэтому терроризм и аморален. Террорист, используя кантовские термины, низводит человека до статуса чистого средства, распоряжаясь жизнями одних людей для того, чтобы повлиять на других — испугать их или заставить выполнить свои политические требования. И хотя терроризм не единственный вид деятельности, в которой допускается намеренное убийство человека, мы можем говорить о моральной исключительности этой практики. Американский философ, Сэмюэл Шеффлер следующим

образом объясняет, в чём она проявляется: террористы «...не просто проявляют бессердечное безразличие к скорби, страху и страданиям... жертв; вместо этого они сознательно используют насилие, чтобы развивать эту реакцию и наживаться на ней. Это помогает объяснить, почему в терроризме есть что-то определенно отталкивающее, как в моральном отношении, так и с человеческой точки зрения»². Однако поскольку мы также отмечали политизированность термина «терроризм» и обусловленную этим сложность его применения, нам необходимо разобраться, как именно террористическую деятельность можно оценить с позиций военной этики.

Активное распространение четвёртой волны терроризма и превращение его в одну из наиболее серьёзных угроз международной безопасности заставило в середине 2000-х годов израильских специалистов по военной этике Амоса Ядлина и Асу Кашера в резонансной статье «Военная этика борьбы с террором: точка зрения Израиля» выступить с предложением расширить теорию справедливой войны за счёт разработки отдельной нормативной концепции борьбы с терроризмом³. Террористическая деятельность казалась им недостаточно изученной с точки зрения этики ведения войны⁴. Подобный вывод, впрочем, выглядит чрезмерно радикальным и поспешным, что подтверждает дискуссия, развернувшаяся впоследствии на страницах «Журнала военной этики». Как заметил по этому поводу профессор кафедры философии Американского университета г. Бейрута Б. Хайдар в статье «Этика борьбы с терроризмом и приоритет

² Scheffler S. Is Terrorism Morally Distinctive? // *Journal of Political Philosophy*. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 10.

³ Kasher A., Yadin A. Military Ethics of Fighting Terror: An Israeli Perspective // *Journal of Military Ethics*. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 3–32.

⁴ Ibid. P. 6

граждан»⁵, Ядлин и Кашер излишне усложняют теоретическое рассмотрение проблемы терроризма. «В ходе современной войны, особенно той, что ведётся в городских центрах, некомбатанты часто становятся главными жертвами»⁶, т.е. террористические акции в этом плане мало чем отличаются от обычных конфликтов, и теория справедливой войны работает здесь (если она вообще применима к исследованию войны) так же, как и в остальных случаях. Однако показательно само утверждение израильских специалистов о необходимости особенного внимания к нравственному осмыслению террористической и контртеррористической деятельности.

В этой связи любопытным представляется проект Н. Фоушина, который предлагает рассмотреть два типа войн, каждому из которых соответствует своя теория справедливой войны. Войну с терроризмом, которую ведёт государство, Фоушин отделяет от самой террористической войны. Первую определяет регулярная теория справедливой войны, вторую — иррегулярная. Сталкиваясь с субъектом международной политики, отношения с которым могут быть построены только по принципу силы, государство должно следовать принципам *jus ad bellum* и *jus in bello*. В случае асимметричной войны допустимыми становятся некоторые изменения в интерпретации этих принципов, в частности, как мы писали в главе 3, санкционируются превентивные удары по отрядам террористов, даже по тем, которые в данный момент не планируют и не проводят террористических атак.

При этом по отношению к самим террористическим группам как к одному из видов иррегулярных сил ряд принципов не должен применяться. Так, принцип леги-

⁵ *Haydar B. The Ethics of Fighting Terror and the Priority of Citizens // Journal of Military Ethics. 2005. Vol. 4. No. 1.*

⁶ *Ibid. P. 53.*

тимной власти, по мнению Н. Фоушина, может действовать только в отношении государства, в то время как террористические группировки освобождаются от него, поскольку просто не могут обладать должной степенью легитимности. Вопрос о легитимной власти оказывается одним из центральных для авторов, исследующих возможность применения теории справедливой войны к террористической деятельности. Н. Фоушин связывает понятие легитимности с процессуально оформленным правом определённых институтов власти осуществлять политическое господство. Такое понимание легитимности как уникального статуса высшей политической власти, безусловно, не предполагает признания иррегулярных сил в качестве легитимных и равноправных субъектов политических отношений. Однако существует и противоположная позиция по этому вопросу. Уве Штайнхоф полагает, что «каждый индивид обладает легитимной властью и правом объявлять войну другим индивидам или государству, при условии, что индивид ответственно подошёл к процессу принятия решения, т.е. взвешенно и рационально рассмотрел все факты и моральные аспекты»⁷. В результате появляется возможность трактовать представление о праве объявления войны расширительно. Стефен Натансон, ссылаясь на пример Американской революции и последующего образования США, заявляет, что «негосударственные группы получают легитимную власть, когда могут обоснованно делать заявления от лица членов их общества»⁸. А М. Уолцер полагает, что поддержка населением деятельности повстанческих групп, которая продолжается в течение продолжительного периода времени может сви-

⁷ *Steinhoff U.* On the Ethics of War and Terrorism. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 3.

⁸ *Nathanson S.* Terrorism and the Ethics of War. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 123.

детельствовать в пользу легитимации такой группы. Очевидна необходимость согласиться с подобной точкой зрения, поскольку в противном случае правительства многих стран по сей день не получили бы признания, а статус государств, образованных в ходе освободительных войн, был бы неопределённым. Таким образом, можно говорить о снижении степени значимости принципа легитимной власти применительно к террористической войне.

Наиболее же значимой проблемой, связанной с оценкой терроризма с позиций теории справедливой войны, остаётся вопрос иммунитета гражданского населения и запрет на убийство нонкомбатантов и гражданских лиц. Принцип различения или дискриминации причисляет к легитимным целям атаки только комбатантов, военную промышленность и средства коммуникации, обслуживающие армию. Н. Фоушин, хотя и предлагает освободить негосударственных субъектов от верификации некоторыми принципами *bellum justum*, считает невозможным снять подчинение этому правилу с бойцов иррегулярных групп. Легитимной целью группы, применяющей методы террористической борьбы, могут стать военнослужащие, но не мирные граждане.

Стоит признать, что реализация этого принципа оказывается достаточно затруднительной для военнослужащих, ведущих борьбу с нерегулярными группами, поскольку «идентифицировать комбатантов теперь не так легко; что не удивительно, поскольку всё чаще они лишены военной формы»⁹. Кроме того, многие авторы указывают на то, что само понятие «комбатант» размывается, поскольку нередко в асимметричном конфликте население не участвует в вооружённой борьбе, однако оказывает поддержку мятежникам и террористам, предо-

⁹ *Allhoff F.* The War on Terror and the Ethics of Exceptionalism // *Journal of Military Ethics*. 2009. Vol. 8. No. 4. P. 266.

ставляя провиант или снабжая их информацией. Подобная ситуация приводит к парадоксу, когда государство, стремясь защитить собственных граждан, вынуждено атаковать мирное население, среди которого могут находиться террористы или их сообщники. В то же время террористы по роду своей деятельности вовлекают в свои атаки гражданских лиц¹⁰. Этот парадокс накладывается на замкнутый круг ответственности за насилие. Террористы заявляют, что совершают свои нападения на мирное население, дабы отомстить за несправедливость, исходящую от правительства определённого государства или от целой цивилизации, или для того, чтобы утратить их; в свою очередь, регулярные силы отвечают при помощи оружия, что вызывает новые атаки боевиков.

Известную проблему представляет собой вопрос о возможности проведения мирных переговоров с террористическими группами, т.е. о попытках решения конфликтов несиловыми способами. Государство, регулярная политическая общность, здесь находится в заранее невыгодном положении, поскольку террористические группировки изначально заявляют о себе при помощи насильственных акций. После этого, с точки зрения теории справедливой войны, у государства появляются легитимные основания для ответных акций с применением вооружённых сил. В результате государство, ссылаясь на право самообороны, может игнорировать переговорные процессы, что опять же будет стимулировать развитие конфликта.

И всё же наиболее важным вопросом, связанным с этической оценкой террористической и контртеррористической борьбы, представляется проблема обоснования права на применение военной силы. Очевидно, что

¹⁰ *Meisels T. Combatants: Lawful and Unlawful // Law and Philosophy. 2007. Vol. 26. No. 1. P. 31–65.*

жертва террористического удара в подавляющем большинстве случаев может считать свой силовой ответ соответствующим принципу правого дела. Об этом мы писали в предыдущей главе. Но могут ли негосударственные субъекты претендовать на легитимное применение насилия, а также преднамеренно атаковать гражданское население, т.е. использовать террористические методы борьбы? Если на первый вопрос можно довольно легко ответить утвердительно, то второй, более тонкий и деликатный, не находит единогласного или хотя бы консенсусного решения. Вероятно, это звучит контринтуитивно, но нередко теоретики справедливой войны высказываются о возможности частично или даже полностью оправдать террористическую деятельность. Так, Майкл Уолцер пишет, что бывают ситуации, очень редкие и исключительные, в которых определённая группа оказывается доведённой до необходимости защищать себя всеми доступными средствами и использовать для этого практику терроризма. Например, таким основанием может стать сопротивление геноциду¹¹. В концепции Уолцера существует положение о «чрезвычайных обстоятельствах» (*supreme emergency*)¹², в которых государство может игнорировать все ограничения и нормы ведения войны, в том числе и принципы *jus in bello*. Так происходит, когда государство сопротивляется противнику, ведущему явно несправедливую войну и представляющему смертельную угрозу для всего человечества или его части. Подобные обстоятельства возникли во время Второй мировой войны, где Третий рейх был самым «злом, воплощенном в мире». Против такой угрозы допустимо задействовать

¹¹ *Walzer M. Terrorism: A Critique of Excuses // Arguing about War. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 54.*

¹² *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N.Y.: Basic Books, 2006. P. 251–268.*

любые средства борьбы. Однако стоит оговориться, что Уолцер не распространяет действие этого принципа на сферу активности негосударственных субъектов политики. Шеффлер утверждает, что терроризм представляет собой зло *prima facie*, но предлагает занять агностическую позицию по вопросу, могут ли обстоятельства сложиться таким образом, что по совокупности своей они позволят дать моральное оправдание террористической деятельности¹³. С пониманием к критикам морального абсолютизма относится и Тони Коуди, который сравнивает проблему морального оправдания терроризма в чрезвычайных обстоятельствах с проблемой обоснования лжи во благо. Согласно общему правилу, ложь аморальна, но допустима в особых случаях¹⁴. Нельзя ли схожим образом подходить и к оценке терроризма, задаётся вопросом Коуди, оставляя его без внятного ответа. О возможных обстоятельствах, в которых терроризм становится обоснованным, рассуждает израильский философ Саул Смилянский. Он так же, как и Уолцер, причисляет к ним угрозу геноцида и помимо этого называет гуманитарные катастрофы в странах развивающегося мира (голод), если они спровоцированы действиями другого государства, а также свержение агрессивных и репрессивных тиранических режимов. При этом Смилянский оговаривается, что речь идёт только об ограниченном терроризме, направленном против конкретных лиц, ответственных за несправедливые деяния, и только при условии наличия убедительных доказательств эффективности применения террористических практик¹⁵.

¹³ *Scheffler S.* Is Terrorism Morally Distinctive? P. 1–2.

¹⁴ *Coady C.A.J.* Terrorism and Innocence // *Journal of Ethics*. 2004. Vol. 8. No. 1. P. 58.

¹⁵ *Smilansky S.* Terrorism, Justification, and Illusion // *Ethics*. 2004. Vol. 114. No. 4. P. 797–798.

Подобные заявления выглядят ослаблением теории справедливой войны, которая не может сводиться к моральной легитимации боевых действий только на основе наличия справедливой причины. У определённой группы могут быть причины, по которым она будет чувствовать себя доведённой до состояния, когда силовой ответ становится неизбежной и единственной мерой сопротивления. Однако если какая-то группа сталкивается с государственным терроризмом в отношении себя и в ответ начинает вести террористическую деятельность против гражданского населения этого государства, то тогда совершенно неясно, чем контртерроризм этой группы будет отличаться от терроризма, инициированного государством. Помимо наличия справедливой причины субъект, претендующий на ведение справедливой войны, должен пройти верификацию на соответствие всем прочим принципам *jus ad bellum* и *jus in bello*. В случае с терроризмом крайне затруднительно обосновать, что нападение на гражданских лиц будет пропорциональным ответом на ту угрозу, с которой столкнулась группа, инициирующая террористические действия.

Кроме того, невозможно принять грубое нарушение террористом принципа пропорциональности. Наиболее распространённая его интерпретация содержит положение о сопутствующих потерях среди нонкомбатантов и гражданских лиц, которые становятся ненамеренными жертвами действий атакующей стороны. Но при этом подчёркивается необходимость минимизации таких жертв, а об их допустимости говорится только при условии, что они гарантируют достижение благой цели. Аналогичный вывод содержится и в доктрине двойного эффекта¹⁶. Но в случае

¹⁶ Подробнее см.: Прокофьев А.В. Этика чрезвычайных ситуаций в свете доктрины двойного эффекта // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 6. С. 74–82.

терроризма гражданское население чаще всего оказывается основной целью, т.е. намеренной жертвой. Кроме того, сами террористические действия за редкими исключениями не обеспечивают непосредственного достижения той цели, которую ставят перед собой террористы. Для многих из террористов это всего лишь единственная доступная форма вооружённой борьбы, которая становится, таким образом, не одним из видов справедливой войны, а особого рода мести. Исходя из этого, в каких-то случаях можно понять мотивы людей, которые занимаются терроризмом, но нельзя принять моральную обоснованность их действий.

Теперь можно перейти ко второму вопросу, поставленному в начале этого раздела. Если террорист представляет собой несправедливого комбатанта, причём такого, который преднамеренно нарушает самые базовые законы военной этики, отстаивающие неприкосновенность жизней гражданских лиц, должна ли этическая теория войны относиться к террористу как к обычному комбатанту? Или в его отношении допустимыми становятся меры, которые не применимы во всех остальных случаях, такие, например, как пытки?

Принятая ООН в 1984 г. «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» запрещает применение пыток: «...никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить» их оправданием¹⁷. Однако Вопрос о при-

¹⁷ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания / Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года. Ст. 2.

менении особых мер в отношении террористов находит решения, схожие с теми, что предлагаются по вопросу моральной оценки террористической деятельности. Так, у пыток есть сторонники, которые считают их как таковыми морально неприемлемыми, но иногда необходимыми. Известный мысленный эксперимент «тикающая бомба» (*ticking time bomb*; возможен также вариант перевода «часовая бомба») позволяет аккумулировать возможные позиции по этой проблеме. Майкл Гленнон, американский юрист-международник, предложил такую формулировку задачи о тикающей бомбе: «...представьте, что полиция захватила террориста, который, как известно, заложил ядерную бомбу в каком-то месте Нью-Йорка. Полиция знает, что бомба очень скоро взорвется; город невозможно эвакуировать. Террорист отказывается говорить. Вопрос: должна ли полиция подвергнуть его пыткам?»¹⁸.

Как отмечал сам Гленнон, существуют различные варианты ответа на этот вопрос. Так, можно отстаивать невозможность признания пытки допустимым средством предотвращения террористического акта. По практическим основаниям, аргументируя по принципу «скользящего склона» (*slippery slope*): если допустить оправдание пытки в одном исключительном случае, можно затем столкнуться с оправданием пыток во всех прочих случаях. Теоретические основания указывают на неотъемлемые права личности и человеческое достоинство, которые должны соблюдаться и уважаться безотносительно обстоятельств, в которых находится человек¹⁹. Здесь Гленнон

¹⁸ *Glennon M. Terrorism and the Limits of Law // Wilson Quarterly. 2002. Vol. 26. No. 2. P. 12.*

¹⁹ *Ibid. P. 12–13. См. схожие аргументы: Shue H. Torture // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 7. No. 2. P. 126; Sussman D. What's Wrong with Torture? // Philosophy and Public Affairs. 2005. Vol. 33. No. 1. P. 30.*

отмечает затруднения такого рода критики пыток. Прежде всего, «скользящий склон» — известная логическая ошибка. Из исключения не следует необходимость полного снятия запрета на пытки. В свою очередь, апелляция к правам человека может быть названа не обоснованным выводом, а предположением, базирующемся, во-первых, на допущении существования универсальных ценностей, а, во-вторых, на допущении существования обязательства следовать законам морали и руководствоваться этими ценностями.

В то же время возможны варианты оправдания пыток террористов. Этому могут послужить рассуждения, выполненные в духе утилитаризма: если совокупное благо от совершения действия превышает вред, связанный с этим действием, то действие можно считать морально оправданным и желательным. Жизнь и здоровье миллионов человек признаются более ценными жизни и здоровья одного террориста, поэтому пытка в его отношении считается обоснованной мерой²⁰.

Впрочем, этот, казалось бы очевидный, вариант решения вопроса о допустимости пыток террористов также вызывает сомнения. Сам Гленнон в принципе отказывается принять утилитаристскую логику, согласно которой большинство может оправдать любое своё действие, даже такое, которое причинило бы страдания меньшинству, поскольку совокупное благо большинства будет превышать все страдания меньшинства. Хелен Фроу указывает на то, что утилитаристский подход остаётся невыверенным. Если допустимо пытать самого террориста, поскольку это спасёт жизни значительного числа людей, то, следовательно, на этом же основании оправданной станет пытка жены террориста или его ребёнка, которую можно продемонстрировать террористу, чтобы получить от него необхо-

²⁰ *Glennon M. Op. cit. P. 14.*

димую информацию²¹. Соответственно, моральную легитимацию получает пытка человека, не задействованного прямо в преступной или агрессивной военной деятельности. Кроме того, по мнению Фроу, аргумент утилитаристов основывается на ряде допущений, каждое из которых должно быть реализованным, чтобы в итоге пытка была оправданной. К этим предположениям относятся следующие: «...у вас есть нужный человек; если вы будете пытаться его, он будет говорить; информация, которую он даёт, будет надёжной; вы найдете бомбу вовремя; и вы сможете обезвредить её до того, как она взорвется»²². Проблемы могут возникнуть уже с первым или вторым предположением — вы можете задержать человека, не имеющего отношения к террористической деятельности, или он откажется давать показания. Фроу также указывает на аргумент против пыток, высказанный в совместной статье известных специалистов по этой проблеме Витторио Буфакки и Жан-Мари Арриго. Буфакки и Арриго указывают на институциональный аспект применения пыток: «...эмпирические данные ясно свидетельствуют о том, что институционализация допросов террористов с применением пыток имеет пагубные последствия для гражданских, военных и правовых институтов, в результате чего издержки превышают выгоды»²³. Как это часто бывает с утилитарными исчислениями, они принимают в расчёт выгоды и потери, лежащие лишь в краткосрочной перспективе, но игнорируют долгосрочные последствия оцениваемых действий. Вряд ли можно признать и проведение анало-

²¹ *Frowe H.* The Ethics of War and Peace: An Introduction. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2015. P. 214.

²² *Ibid.*

²³ *Bufacechi V., Arrigo J.M.* Torture, Terrorism and the State: A Refutation of the Ticking-Bomb Argument // *Journal of Applied Philosophy*. 2006. Vol. 23. No. 3. P. 362.

гии между самообороной и пыткой²⁴. Человек, которого подвергают пыткам, очевидно находится не на поле боя, а в плену, поэтому не может считаться законной жертвой нападения.

Наиболее адекватным ответом теории справедливой войны на проблему террористической деятельности может быть идея исключительности, под которой понимается, что «война с терроризмом... указывает на необходимость сделать исключения из традиционных норм»²⁵. Асимметричные войны диктуют свои правила, которые заставляют теорию справедливой войны изменить аргументацию. Принципы *jus ad bellum* и *jus in bello* должны быть пересмотрены таким образом, чтобы создать условия для эффективной борьбы с терроризмом и особенно санкционировать превентивные меры против возможных атак. Однако контртеррористическая война с необходимостью должна быть ограничена этической теорией, и ограничение это, вероятно, следует сделать более жёстким, поскольку в войне данного типа в качестве одного из субъектов конфликта неизбежно задействуется гражданское население, которое до победы будет главной его жертвой.

ИНДУСТРИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО НАСИЛИЯ: ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ

В главе 2 мы среди прочих характеристик современной войны назвали проникновение в политическое пространство экономических структур. Особенно заметной и одновременно вызывающей обеспокоенность у политических и военных экспертов становится их активность в

²⁴ *Steinhoff U.* Torture — The Case for Dirty Harry and against Alan Dershowitz // *Journal of Applied Philosophy*. 2006. Vol. 23. No. 3. P. 337.

²⁵ *Allhoff F.* The War on Terror and the Ethics of Exceptionalism. P. 269.

сфере войны. Как замечает Питер Уоррен Сингер — старший научный сотрудник фонда «Новая Америка» и профессор Университета штата Аризона, один из ведущих мировых специалистов по проблемам новых войн, — рассуждая о характере конфликтов нашего времени, «как мы знаем, в нашем мире деньги обладают правом говорить громче, чем следовало бы»²⁶. Существует немало экономических структур, которые традиционно были заинтересованы в ведении их государствами войны. Достаточно вспомнить германский концерн Круппа, чьё имя стало синонимом милитаризма. Значение крупных промышленных групп и транснациональных корпораций и то влияние, которое они оказывали на развитие международных отношений, стремительно увеличивалось на протяжении двух последних веков. Война становится всё более дорогостоящим предприятием, превращаясь из продолжения политики иными средствами в продолжение экономики. Так, согласно отчёту Центра стратегических и бюджетных оценок, стоимость содержания одного военнослужащего в 2013 г. составляла 0,6 млн долл. в Ираке и 1,2 млн долл. в Афганистане²⁷. Сотни миллиардов долларов уходят на снабжение войск, что вызывает значительный интерес представителей самых различных отраслей экономики — не только военной промышленности, но и поставщиков продуктов питания, производителей бытовой химии и прочих товаров.

Впрочем, война всегда была связана со стремлением решить не только политические, но и экономические

²⁶ *Singer P.W.* The Ethics of Killer Applications: Why Is It So Hard to Talk about Morality When It Comes to New Military Technology? // *Journal of Military Ethics*. 2010. Vol. 9. No. 4. P. 304.

²⁷ *Analysis of the FY2013 Defense Budget and Sequestration*. P. 7. <<http://www.csbaonline.org/publications/2012/08/analysis-of-the-fy2013-defense-budget-and-sequestration/>>.

задачи. Подобное рассуждение можно найти у И.Г. Фихте: «...благодаря торговым интересам возникают политические понятия, которые носят самый авантюристический характер, а из них — войны, истинное основание которых уже больше не скрывается, а открыто выставляется наружу»²⁸. Бертран Рассел в главе XV своей работы по истории западной философии отмечает процесс начала доминирования экономических задач войны над политическими: «...на протяжении всего XIX столетия, вплоть до последнего времени, предприниматели стояли за мир. В настоящее же время интересы крупных дельцов повсюду настолько слились с интересами национальных государств, что положение существенным образом изменилось»²⁹. Однако в дополнение к этому традиционному образу взаимодействия экономических структур и войны в настоящее время мы сталкиваемся с примерами автономного участия экономических агентов в вооружённых конфликтах, что в исследовательской литературе получает название приватизации войны. Транснациональные корпорации если ещё не получили формального статуса легального участника международных отношений, той легитимной власти, которой требует один из принципов *just ad bellum*, безусловно, уже находят способы лоббирования собственных интересов в высших эшелонах власти. А вместе с тем отдельные экономические предприятия — частные военные компании

²⁸ Фихте И.Г. Основа общего наукоучения // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. С. 311. Примечательно, что противоположную позицию по этому вопросу занимает Кант, который в трактате «К вечному миру» называет дух торговли причиной, которая заставляет народы, а поэтому и государства, содействовать установлению мира, устраняя угрозы войны.

²⁹ Рассел Б. История западной философии, и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2001. С. 763.

(ЧВК)³⁰ действуют как самостоятельные субъекты, принимая непосредственное участие в войнах.

Государство, теряя таким образом свой уникальный статус единоличного обладателя права на ведение войны, вынужденно или целенаправленно передаёт свои функции частным субъектам. Подобные изменения касаются как внутренней политики, когда обязанность поддержания порядка и безопасности отдаётся в ведение охранных предприятий, так и внешней. Так, разведывательная служба и оборонительные задачи возлагаются на специализированные агентства. Бизнес-структуры, таким образом, встраиваются в политический процесс не только как субъекты, решающие задачи по обучению и тренировке военных кадров или формированию и вооружению отрядов, но и как исполнители обязанности по защите национальных интересов, традиционно приписываемой только государству. Одним из следствий этого процесса перехода военной отрасли из публичной сферы в частную стало появление частных военных компаний. И хотя война всегда привлекала людей, стремящихся к наживе, подобные компании уникальны для системы международных отношений, которая не избавилась полностью от наследия Вестфальского мира. Их уникальность связана с тем, что они ведут автономные от государства бизнес-проекты на стыке экономики и войны.

Питер Сингер определяет частные военные компании (РМС — *private military companies*) как «бизнес-организации, продающие профессиональные услуги, тесно связанные с войной... и специализирующиеся в передаче военных навыков»³¹. Подобные фирмы занимаются оказанием помощи странам, вооружённые силы кото-

³⁰ *Singer P.W. Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca: Cornell University Press, 2003. P. 6–8.*

³¹ *Ibid. P. 8.*

рых недостаточно развиты. В первую очередь эта помощь состоит в проведении обучения и тренировок, участии в разработке тактических и стратегических планов или развёртывании разведывательной сети. Однако сотрудники ЧВК — частные военные контрактники — нередко принимают непосредственное участие в боевых действиях. Наибольшую известность среди ЧВК получили такие фирмы, как Military Professional Resources Inc (MPRI), Blackwater, Stratfor, DynCorp и некоторые другие. Стремительные темпы вовлечения этих структур в вооружённые столкновения и применение частных разведывательных агентств (private intelligence agency) для сбора и анализа информации рождает немало проблем для международного права и этики войны.

Во-первых, ведётся оживлённая дискуссия о необходимости различения статусов частных военных контрактников и наёмников. Наёмничество с точки зрения международного публичного права запрещено Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наёмников, принятой резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи 4 декабря 1989 г. В частности, эта Конвенция предполагает, что «государства-участники не вербуют, не используют, не финансируют и не обучают наемников для цели противодействия законному осуществлению неотъемлемого права народов на самоопределение... и принимают в соответствии с международным правом надлежащие меры по предотвращению вербовки, использования, финансирования или обучения наемников для этой цели»³². Для того чтобы лицо могло быть признано наёмником, оно

³² Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята в 1989 г. <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml>.

должно соответствовать каждой из следующих характеристик:

«а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

б) принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

в) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

г) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;

д) не направлено государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в личный состав его вооруженных сил»³³.

Сайт Международного комитета Красного Креста свидетельствует в пользу различия статуса наёмника и частного военного контрактника: «...для того, чтобы быть наёмником, сотрудник частной военной или охранной компании должен удовлетворять такому большому количеству критериев, что на практике многие из них просто не попадают под определение наемника... Более того, для того, чтобы удовлетворять критерию наемника, человек должен вовлекаться в работу с целью прямого участия в боевых действиях, и затем действительно принимать такое

³³ Ibid.

[в них?] участие»³⁴. Впрочем, последняя формулировка кажется не совсем конкретной. Её абстрактный характер вынуждает поставить вопрос о том, что представляет собой процесс вовлечения в участие в боевых действиях. Сотрудники военной фирмы, скорее всего, не являются гражданами государства, участвующего в военной кампании, однако в действительности они оказываются вовлечёнными в войну. Кроме того, ЧВК получают прибыль за свою деятельность, и вряд ли стоит полагать, что их участие в конфликтах обусловлено их приверженностью некой идеологии. Так или иначе, сотрудники ЧВК хотя бы отчасти удовлетворяют всем пяти критериям, выдвинутым ООН для определения наёмника. Следует помнить, однако, что за частным военным контрактником в настоящее время всё же закреплён правовой статус официального участника вооружённого конфликта. Таким образом, они оказываются близки к обычным военным, «работают в государственных интересах, преследуют те же цели и следуют тем же планам, что и регулярные войска, хотя имеют большую свободу в выборе средств»³⁵. Кроме того, от обычного наёмничества деятельность ЧВК отличается своим характером — это «бизнес-структуры со всеми их необходимыми атрибутами, и насилие интересует их исключительно как товар или как условие получения прибыли»³⁶.

Частные военные компании появились благодаря продолжающемуся кризису традиционного проекта государ-

³⁴ Международное гуманитарное право и частные военные и охранные компании. 2008. <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/faq/pmsc-faq-150908.htm>>.

³⁵ Коновалов И.П., Валецкий О.В. Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 6.

³⁶ Кашников Б.Н. Частные военные компании как морально-политическая проблема современности // Российский научный журнал. 2010. № 6 (19). С. 62.

ства. Как отмечает Б.Н. Кашников, государство, утрачивая своё исключительное право на насилие, «усиливается как элитарное государство новой номенклатуры, но слабеет как эгалитарное государство демократических ценностей»³⁷. Экономические игроки наступают на сферу политического, что может в конечном счёте привести к поражению демократии, интересы которой в настоящий момент частные военные компании защищают. Но превратились ли бизнес-структуры в законных агентов войны и обладают ли ЧВК легитимными основаниями вступать в войну? А кроме того, существуют ли нормы ведения войны, которые обязаны соблюдать частные военные контрактники, номинально ответственные только перед своим руководством?

Эти вопросы требуют постоянного обсуждения. Очевидна проблема, связанная с едва ли не парадоксальным положением, в котором находятся ЧВК. Современное понимание вооружённых сил и задач, которые они решают, как мы уже многократно говорили, сводится к определению их роли как сдерживающей силы, предотвращающей эскалацию вооружённых конфликтов или содействующей их скорейшему завершению. ЧВК по сути своей явно не соответствуют такому определению, будучи экономически зависимыми от войны. Эти компании создаются, чтобы участвовать в конфликтах и тем самым зарабатывать деньги, что делает скорейшее завершение войны невыгодным для них. Руководители ЧВК, как правило, имеют связи с представителями политического руководства государств и специальных служб, что позволяет им оказывать влияние на принятие решения о проведении военной кампании, её сроках и содержании. Очевидно, что ЧВК в настоящее время не обладают необходимой субъектностью

³⁷ Там же. С. 70.

и легитимностью, чтобы открыто обосновать моральное право инициировать применение военной силы. Однако доля частных контрактников среди участников современных конфликтов неизменно растёт. В 2011 г. специалистами Исследовательского центра Конгресса США был подготовлен отчёт «Контрактники Министерства обороны в Афганистане и Ираке: общие данные и анализ», согласно которому в 2000-х годах доля частных военных контрактников среди всех войск, принимавших участие в операциях Соединённых Штатов в Ираке и Афганистане, колебалась в пределах от 10 до 20%³⁸. Иными словами, каждый пятый комбатант не был солдатом в классическом смысле этого слова, т.е. бойцом регулярной армии. Во многом в постгероическую эпоху это выгодно государству, не способному отказаться от насильственного способа решения конфликтов. Вместе с тем это заставляет задуматься, не столкнёмся ли в ближайшем будущем с ситуациями, когда ЧВК будут не просто присоединяться к военным кампаниям государств, но начнут сами инициировать их.

Кроме того, настоящую проблему составляет моральная оценка членов ЧВК. Военные фирмы — это экономические агенты, нацеленные на максимизацию прибыли, поэтому нередки случаи, когда они халатно относятся к возложенным на них обязанностям, а также не разделяют те ценности, которые пытается защитить при помощи силы нанявшее их государство. Сотрудники ЧВК, благодаря своему размытому статусу, оказываются наделёнными большей свободой, нежели члены регулярных сил. Подобное положение позволяет им менее требовательно относиться к исполнению принципов нормативной теории войны, нарушая её предписания.

³⁸ *Schwartz M., Swain J.* Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis. Washington: Congressional Research Service, 2011. <<http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40764.pdf>>.

Примечательным является пример, который приводит П.В. Сингер в статье «Этика средств уничтожения: почему так трудно говорить о морали, когда речь идёт о новых военных технологиях»³⁹. Сотрудники одной из частных военных компаний были причастны к преступлениям в тюрьме г. Абу-Грейб, однако в то время как служащие регулярных частей были преданы суду и понесли наказание, члены ЧВК не были призваны к ответственности. При этом всё же стоит отметить и факты добросовестного и доблестного поведения сотрудников некоторых компаний на полях сражений Ирака и Афганистана⁴⁰.

Любое лицо, принимающее непосредственное участие в вооружённом конфликте, должно быть наказуемо за нарушение норм права и этики. Это касается и тех, кто становится военным лишь на время, заключая контракт с ЧВК, а затем возвращается к обычной, мирной жизни. Человек, взявший на себя обязательства и риски, связанные с военной профессией, должен подчиняться тем же моральным нормам ведения войны, что и солдат регулярной армии, и не может восприниматься как гражданское лицо. Как говорит об этом Эдвард Барретт из Военно-морской академии США, «эти гражданские лица ослабили свой онтологический статус, будучи вовлечёнными в деятельность организации, занятой агрессивной деятельностью, и, вероятно, они могут быть подвергнуты нападению даже в неслужебное время»⁴¹. Статус частного контрактника должен быть приравнен к статусу комбатанта со всеми связанными с этим преференциями и обязательствами. В противном случае теории справедливой войны пришлось бы признать возможность двойного

³⁹ *Singer P.W.* The Ethics of Killer Applications... P. 304.

⁴⁰ Подробнее см.: *Коновалов И.П., Валецкий О.В.* Указ. соч. С. 45–47.

⁴¹ *Barrett E. T.* Warfare in a New Domain: The Ethics of Military Cyber-Operations // *Journal of Military Ethics*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 12.

прочтения своих положений, особенно важного принципа различения.

КИБЕРВОЙНА

Помимо трансформаций, которые происходят с политическими процессами, непосредственное влияние на характер войны оказывает и постоянная модернизация технических средств. Речь здесь идёт не только о совершенствовании средств уничтожения или обороны. Одно из наиболее революционных изменений самой сути военных конфликтов связано с появлением нового пространства ведения войны. В своё время настоящим прорывом было открытие для сражений моря, а затем через несколько веков и даже тысячелетий подчинёнными оказались подводный мир и воздух, и вот на рубеже XX и XXI столетий государства обнаружили для себя новую область борьбы. Стремительное развитие цифровых технологий, сопровождающих современного человека повсеместно, изменило привычный образ жизни простых людей и, естественно, не могло не оказать влияния на международные отношения. Информационные технологии предоставляют возможность коммуникации совершенного нового уровня, также помимо этого на них возлагается функция упорядочивания и хранения данных. Несмотря на то что само понятие информации всё ещё представляет отдельную исследовательскую проблему, столкновения в информационном мире уже оказываются реальными, во всяком случае, мы сталкиваемся с сообщениями о кибератаках и попытках их отражения. Человек, таким образом, открыл для себя пятую сферу войны — киберпространство. И пусть пока что кибервойска применяются для решения конкретных тактических задач, вполне возможно, их стратегическое использование в самом ближайшем будущем будет расширяться.

Кибервойна пока остаётся теоретически малоосмысленным явлением. СМИ периодически публикуют сообщения об угрозах, исходящих от военных хакеров из России, Китая или Северной Кореи, объявляя кибератаки даже большей опасностью, нежели террористические акты⁴². Заметим, что само понятие кибервойны было введено в словарь социальной философии и этики войны в 1990-е годы. Одними из первых его использовали Джон Арквила и Дональд Ронфельдт в статье 1993 г. «Кибервойна приближается!»⁴³ и затем в книге «Сети и сетевые войны: будущее террора, преступности и ответственности»⁴⁴. С тех пор литература по кибервойнам, и в частности по моральным проблемам, связанным с ними, сильно обогатилась, но среди прочих работ стоит отметить книгу Ричарда А. Кларка и Роберта Кнаке «Кибервойна: ближайшая угроза национальной безопасности и что с этим делать»⁴⁵, а также «Таллинское руководство по международному праву по отношению к кибервойнам»⁴⁶.

Развитие информационных технологий сопряжено с необходимостью решения ряда этических вопросов, таких, как проблема безопасности персональных данных и в целом защиты собственности и приватности личной жизни. Поскольку изучение данных вопросов должно стать темой отдельного исследования, следует остановиться

⁴² *Dilanian K.* Cyber-Attacks a Bigger Threat than Al Qaeda, Officials Say // Los Angeles Times. 2013. 12 March.

⁴³ *Arquilla J., Ronfeldt D.* Cyberwar Is Coming! // *Comparative Strategy*. 1993. Vol. 12. No. 2. P. 141–165.

⁴⁴ *Arquilla J., Ronfeldt D.* *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2001.

⁴⁵ *Clarke R.A., Knake R.* *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*. N.Y.: HarperCollins, 2010.

⁴⁶ *The Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare* / gen. ed. M.N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.

только на проблеме кибервойны, поставившей совершенно новые политические и моральные вопросы. Если обратиться к вводной статье Б.Дж. Стравсера, приглашённого редактора специального выпуска «Журнала военной этики», посвящённого теме кибервойны⁴⁷, можно определить основные проблемы, которые военные действия в цифровой среде ставят перед этикой войны: какие нравственные принципы должны быть применены для определения статуса кибероружия, способного атаковать компьютерную систему, находящуюся на противоположном конце мира? можно ли признать подобную атаку равнозначной обычному физическому нападению на живую силу противника или следует говорить о подобной акции как о факте шпионажа? оказывается ли ущерб, нанесённый кибератакой, достаточным, чтобы считаться веской причиной войны? как влияет на характер конфликта размытие статуса врага, которого зачастую почти невозможно идентифицировать?⁴⁸

Безусловно, это всего лишь вводные положения, указывающие на целый комплекс проблем, связанных с борьбой в виртуальном пространстве, однако их анализ позволяет получить представление о возможности применения теории справедливой войны к кибервойне. Так, очевидно, что использование теории справедливой войны для оценки конфликтов в цифровом мире должно учитывать специфику пространства, в котором ведётся борьба. В результате принцип правого дела в контексте кибервойны приобретает новые трактовки. Так, Эдвард Т. Барретт из Военно-морской академии США обращается к проблеме легитимации начала войны по совокупности множества

⁴⁷ *Strawser B.J.* Guest Editor's Column // *Journal of Military Ethics*. 2013. Vol. 12. No. 1.

⁴⁸ *Ibid.*

причин⁴⁹. Поскольку кибератаки, как правило, представляют собой точечные удары, необходимо определить, могут ли они по отдельности или в своей совокупности санкционировать объявление войны.

В принципе можно выделить несколько характерных направлений кибервойны. Полезным представляется разделение на кибершпионаж, т.е. сбор информации без причинения вреда программному обеспечению противника, и кибератаки, подразумевающие собой выведение из строя или полное уничтожение информационных сил врага. Кибершпионаж состоит обычно в попытках заполучить секретные сведения, связанные с национальной безопасностью или экономическими тайнами, раскрытие которых подрывает инфраструктуру государства. Соответственно, в контексте принципа правого дела должен быть поставлен вопрос о том, может ли множество актов шпионажа, каждое из которых, не было бы достаточно веской причиной применения силы, оправдать вступление в войну? Кибератаки, в свою очередь, нацелены на выведение из строя компьютерных систем противника. Такая атака может уничтожить не только программное обеспечение и сорвать работу каналов коммуникации, но и разрушить сами компьютерные системы, т.е. речь идёт о фактически физическом нападении на материальные объекты. В данном случае также встаёт вопрос о признании фактов нанесе-

⁴⁹ Barrett E.T. Warfare in a New Domain: The Ethics of Military Cyber-Operations. N.Y.: Continuum, 2007. P. 4–17. О множественности причин (multiple reasons) как справедливом основании войны пишет Николас Фоушин. Согласно Фоушину, возможно представить ситуации, когда военное нападение становится обоснованным не в силу отдельной причины, а по совокупности обстоятельств, каждое из которых не могло бы дать справедливую причину войне, но которые легитимируют её в сумме своей. Так, оправданным становится вторжение в Ирак в 2003 г. *Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 75.*

ния ущерба собственности в качестве веского основания для справедливой войны. Кроме того, как замечает Барретт, известную проблему представляют упреждающие действия в IT-среде, которые, как и в обычных войнах подаются как действия по самообороне. Поскольку применение вредоносного программного обеспечения или так называемых логических бомб всё же относится к оружию несмертельного действия (*non-lethal weapon*), вызывает сомнения допустимость ответа на агрессию в киберсреде при помощи конвенционального оружия. Как замечает Брайан Оренд, в этих обстоятельствах «кибератаки не могут послужить оправданием чему-либо более значительному, чем соответствующий киберответ»⁵⁰. Угроза использования кибероружия именно для убийства пока что остаётся скорее потенциальной, поэтому Барретт сравнивает средства киберборьбы с ядерным оружием, указывая на тот факт, что само по себе «обладание ядерным оружием никогда не рассматривалось как *casus belli*»⁵¹.

Итак, агрессивные действия в киберсреде сложно признать достаточным основанием для вооружённого ответа. Однако если кибершпионаж, подрывающий силы неприятеля, проводится в рамках общего военного наступления, он может дать дополнительные основания для обращения к военной силе и вооружённый ответ на совокупность агрессивных действий будет допустимой мерой. Кибершпионаж, таким образом, удовлетворяет требованиям принципа множественности причин Н. Фоушина и может рассматриваться в качестве одной из ряда веских причин, санкционирующих войну. Тем не менее сам по себе такой вид шпионажа, видимо, ничем не отличается

⁵⁰ *Orend B. Fog in the Fifth Dimension: The Ethics of Cyber-War // The Ethics of Information Warfare / ed. by L. Floridi, M. Taddeo. N.Y.: Springer, 2014. P. 14.*

⁵¹ *Barrett E.T. Op. cit. P. 6.*

от прочих видов разведывательной деятельности, которая ведётся в отношении любого государства постоянно и всё же не приводит к развязыванию войн, и представляет собой лишь одно из рутинных средств внешней политики государств.

Кибератаки, результатом которых оказывается лишь выведение из строя компьютерных сетей, важных для поддержания обороноспособности страны, могут рассматриваться аналогично предыдущему случаю в качестве одной из причин, складывающихся в совокупность основательных причин войны. Однако кибератака может завершиться повреждением аппаратов поддержания жизни, например, в госпитале, или спровоцировать аварию на особо опасном объекте (атомная электростанция, гидротехнические сооружения). В этих случаях атака приведёт к летальному исходу, к физическому уничтожению сил противника. Очевидно, что подобное нападение соответствует требованиям правого дела и может быть весомым основанием для войны при удовлетворении всех прочих принципов *jus ad bellum*. Таким образом, с точки зрения этики определяющей категорией становится результат кибератаки, а не её непосредственное содержание или продолжительность.

Упреждающая киберактивность близка к кибершпионажу, а следовательно, и оценка подобной активности с точки зрения нормативной теории близка к оценке случая киберразведки. Сама по себе разведывательная деятельность в киберсреде не может трактоваться как акт, санкционирующий ответное нападение. Но упреждающая или превентивная ИТ-деятельность может парализовать функционирование узлов, сбой в работе которых приводит к катастрофическим последствиям и потерям в живой силе. Таким образом, борьба с упреждающей самообороной в киберпространстве может рассматриваться в качестве действительно правого дела.

Особенный характер кибервойны заставляет большинство учёных поднять вопрос о проблеме атрибуции (attribution problem) в этом виде конфликта. Кристофер Дж. Эберле в статье «Справедливая война и кибервойна» следующим образом описывает проблему атрибуции: «Когда танки катятся через границу, обычно это в равной степени понятно, что они сделали это и чьи это танки... Кибератака может проходить через множество серверов во множестве стран, и власти этих стран, подвергшихся интервенции, могут не суметь или не пожелать помочь определить исходный источник атаки, и поэтому даже технологически продвинутая жертва может оказаться не в состоянии достоверно опознать виновника нападения»⁵². И хотя история традиционной войны знает примеры внезапных нападений, силы, участвующие в них, обычно становятся опознанными после того, как удар нанесён.

Проблема может быть сведена к исключительно технической задаче определения того, как по данным IP и логам интернет-провайдеров вычислить изначальную точку распространения вредоносного программного обеспечения. При этом с точки зрения этики характер затруднения не меняется. Действительно, совершенствование информационных технологий ведёт к тому, что атаки через компьютерные сети производятся скрыто и молниеносно, а возможный их итог в виде физического уничтожения инфраструктуры делает чрезвычайно затруднительным идентификацию атакующего лица.

Согласно интерпретации принципа различения Майклом Уолцером, в подобной ситуации, когда нельзя наверняка и однозначно идентифицировать врага, единственным возможным решением для жертвы атаки оказалось

⁵² Eberle C.J. Just War and Cyberwar // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 56.

бы признание своего поражения⁵³. С этим мнением соглашается и К.Дж. Эберле, который предполагает, что хотя государство, подвергнутое атаке, не имеет возможности отследить агрессора, что влияет некоторым образом на его действия, оно всё же вряд ли согласится с необходимостью отказа от борьбы. По его мнению, жертва кибератаки, вероятнее всего, будет стремиться нанести удар по её источнику. Невозможность точного определения источника агрессии делает затруднительной апелляцию к принципу правого дела. Как мы уже сказали, не удовлетворяется и принцип различения, коль скоро нет очевидного понимания той группы, которая совершила нападение. Однако, как замечает К.Дж. Эберле, требования теории справедливой войны жёстки, но однозначны: «...если мы подверглись несправедливой кибератаке и не можем наверняка связать её с конкретным правонарушителем, нам всё же нравственно запрещено отвечать, нападая на подозреваемый источник атаки»⁵⁴. Мы можем отвечать только на действия тех агрессоров, чья вина очевидно доказана, в прочих случаях, когда технически идентифицировать врага не представляется возможным, наше стремление дать отпор блокируется. Государство, таким образом, оказывается в тяжёлой ситуации, когда, с одной стороны, оно не имеет легитимного права нанести ответный удар, с другой стороны, оно не может удержаться от какого бы то ни было ответа — во всяком случае, от публичного объявления обвинения какого-то государства или группы в агрессии.

Нередко в кибератаке оказываются задействованными ресурсы третьего государства, хотя само по себе это государство не участвует в атаке и не подвергается нападению. Более того, владельцы компьютеров в этой третьей стра-

⁵³ *Walzer M. Just and Unjust Wars... P. 187.*

⁵⁴ *Eberle C.J. Op. cit. P. 57.*

не могут и не знают о происходящем. Однако как полагает Рендел Р. Диперт из Университета штата Нью-Йорк в Буффало, в подобном случае киберресурсы третьего государства оказываются «этически легитимной целью, если это государство виновно в неаккуратности, повлекшей за собой возможность использования этих ресурсов для атаки одного государства на другое»⁵⁵. Подобное действие легитимируется только при условии выполнения требования крайнего средства. То есть до того, как оказать воздействие или использовать ресурсы третьего государства, необходимо провести переговоры и выдвинуть ему требования по предотвращению угроз в будущем или компенсации ущерба. Третьему государству может быть предложена техническая помощь для предотвращения атак в будущем или в развёртывании системы киберзащиты.

Этим не исчерпываются затруднения, вызванные невозможностью точного определения источника кибератаки. Так, Р.Р. Диперт считает, что проблема атрибутивности, помимо того, что сопряжена с трудностью нанесения контрудара в случае кибератаки, служит «препятствием всякой политике сдерживания кибервойны»⁵⁶. В случае размытости самого понятия врага оказываются недействующими не только основные категории теории справедливой войны, но и принцип талиона, к которому восходит часть из этих норм. Если невозможно реализовать политику сдерживания посредством применения простейшего принципа «зуб за зуб», то, вероятнее всего, обернутся провалом и более сложные меры.

Кибервойна нередко оказывается асимметричной, что осложняет реализацию принципа легитимной власти. Атаку на компьютерную систему государства может осуще-

⁵⁵ *Dipert R. R. Other-than-Internet (OTI) Cyberwarfare // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 39.*

⁵⁶ *Ibid. P. 38.*

ствить частное лицо, которое не состоит на службе другого государства или не принадлежит к какой-либо организации. Э.Т. Барретт рассматривает подобную акцию как явно несправедливую. Впрочем, здесь можно принять во внимание концепцию двух теорий справедливой войны Николаса Фоушина, которая как раз предполагает освобождение иррегулярной стороны от прохождения верификации на соответствие требованиям принципа легитимной власти. В наиболее радикальной своей форме проблема асимметрии проявляет себя в случае, когда не запланированную специально атаку проводит искусственный интеллект в результате сбоя в его работе. Этот аспект кибервойны создаёт затруднения не только для военной этики, но и военного права.

Кибероперации подлежат также и рассмотрению относительно принципов *jus in bello* (пропорциональности и различия), а также военной необходимости. Наиболее активная дискуссия ведётся, естественно, по второму, важнейшему принципу *jus in bello*. Несмотря на появляющиеся сообщения о создании абсолютно автономных специализированных сетей, разработанных специально для армии, военные и гражданские сети до сих пор плотно связаны между собой, поэтому проведение различия между легитимными (военными) и нелегитимными целями в кибервойне крайне затруднено и случаи атаки на гражданские сети, очевидно, будут происходить регулярно. Как утверждает Э.Т. Барретт, наше понимание того, как распространяется информация по компьютерным сетям всё ещё ограничено, кибератака может привести к поражению значительного сегмента сети, парализовать работу компьютерной системы целой страны или континента. В настоящее время наше знание о силе и последствиях применения кибероружия условно может быть сопоставлено с представлениями о силе ядерного оружия в момент атаки на Хиросиму и Нагасаки, которые были весьма ограни-

ченными. Сама киберсреда создаётся человеком, что означает наличие в ней ряда ошибок, влияющих на точность кибератак. А значит, последствия кибератаки не всегда поддаются прогнозированию. В свою очередь, обычное оружие, несмотря на степень его развития, в настоящее время оказывает поражающее действие на относительно ограниченное количество людей или район их нахождения⁵⁷. Точность же кибератак продолжает совершенствоваться, а само нацеливание будет проводиться с гораздо большей аккуратностью, нежели этого можно добиться при ударе оружием массового поражения, поэтому в перспективе можно ожидать снижения потерь среди гражданского населения.

Многое в этом разделе было сказано о кибератаках и кибервойне в сослагательном наклонении. Это связано с тем, что у нас очень мало достоверной информации об этом виде войны. Обычно, когда говорят о наиболее значительных акциях кибервойны, называют масштабную операцию по кибершпионажу со стороны Агентства национальной безопасности США, направленную против организаций ЕС, затем кибератаки посредством распространения вируса Stuxnet, обнаруженного в 2010 г., а также нападение на компьютерные системы Эстонии весной 2007 г. Так, по сообщениям журналистов, АНБ занималось слежкой за гражданами ЕС, в том числе и политиками, часто в сотрудничестве с местными спецслужбами и телекоммуникационными компаниями. Вирус Stuxnet представлял собой червя, который использовался для поражения систем управления промышленных объектов. В результате атаки пострадали ядерные объекты в Иране — были выведены из строя ядерные центрифуги на атомных электростанциях, т.е. была физически разруше-

⁵⁷ Barrett E.T. Op. cit. P. 10.

на инфраструктура. В апреле 2007 г. в Эстонии состоялся перенос монумента Павшим во Второй мировой войне. На фоне этого события прошла серия массовых акций, а правительственные и частные сети страны подверглись DDoS-атакам. В какой-то момент перестали работать правительственные сайты, на которых, в частности, комментировались протесты.

Если сконцентрироваться именно на анализе кибератак, т.е. двух последних кейсах, то можно сделать несколько обобщений, раскрывающих сущность наступательного кибероружия, и обозначить проблемы, связанные с вопросами этики в данной сфере. Если допустить, что нападения были санкционированы заинтересованными в этом политическими структурами, то мы в этих примерах сталкиваемся с агрессией без объявления войны. Однако до сих пор точно не известны лица или организации, принимавшие решения о проведении атак и реализовавшие их. В любом случае, скрытность, с которой были проведены нападения, свидетельствует в пользу дискриминации принципа легитимной власти. Следовательно, дать им какое-то моральное обоснование сложно, если не невозможно. В обоих случаях не выполняются требования принципа правого дела и принципа добрых намерений. Ни Эстония, ни Иран, который, вероятно, был конечной целью распространения Stuxnet, не вели себя агрессивно и не представляли собой достаточно серьёзную военную угрозу. Эти атаки, во всяком случае акция против Эстонии, могли быть стремлением отомстить за поправленную честь и ответить на несправедливость или же заявить о силе атакующих. Однако подобная мотивация сама по себе не признаётся в теории справедливой войны в качестве веского основания для силового решения проблемы. Принцип крайнего средства также был нарушен, поскольку атаки были проведены без предъявления публичных обвинений, проведения переговоров или вы-

ставления дипломатических нот. Принципы пропорциональности и вероятности успеха можно считать реализованными, поскольку атаки были чувствительны для Эстонии и Ирана, значит, полученные выгоды явно превысили затраты на проведение кампаний. Тем не менее соответствие требованиям только этих двух принципов не может свидетельствовать в пользу справедливости всей военной кампании.

Приведённые примеры кибератак соответствуют требованиям лишь двух из шести принципов *jus ad bellum*. Что же касается *jus in bello*, то, вероятнее всего, принцип пропорциональности был удовлетворён и применённые в ходе атак средства не оказали чрезмерно разрушительного эффекта, по крайней мере не было заявлено о человеческих жертвах. В то же время в обоих случаях явно был игнорирован принцип различения. В атаке на Эстонию пострадали не только сети правительственных организаций, но и системы частных предпринимателей, не имеющих отношения к национальным вооружённым силам. Аналогичная ситуация была и в случае с вирусом Stuxnet. Атаки не были нацелены исключительно на военные цели. Скорее всего, нападавшие намеренно стремились повредить как можно большее число систем, в том числе и частных, с тем, чтобы замаскировать атаку. Или они в принципе не могли быть проведены нацелено. Хотя на этот счёт существует и противоположное мнение. Так, Райан Дженкис из Колорадского университета в Боулдере полагает, что пример Stuxnet убеждает в том, что «кибероружие может способствовать сокращению побочного ущерба»⁵⁸. По мнению Р. Дженкиса программа действовала довольно мягко, поражая лишь определённые компьютеры, т.е. была хорошо нацелена. При этом невозможно

⁵⁸ *Jenkins R. Is Stuxnet Physical? Does it Matter? // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 74.*

отрицать факт поражения и частных компьютеров, находившихся в собственности тех людей, которых признали бы в обычных условиях некомбатантами и распространили бы на них одно из основных требований запрета нападения на мирных граждан.

Акты, подобные атакам на Эстонию и распространению вируса Stuxnet, не могут быть признаны справедливыми и обоснованными с точки зрения теории справедливой войны в том её виде, в котором она существует сейчас. Если и можно представить себе операцию, отвечающую требованиям *jus in bello*, то соответствия *jus ad bellum* в контексте кибервойны добиться трудно. Кибератака, очевидно, имеет смысл, пока хранятся в тайне составляющие кода, используемого для нападения. Как указывают многие исследователи, кибероружие лишено физического воплощения⁵⁹, следовательно, попадание программы, предназначенной для атаки или обороны, в открытый доступ будет означать разрушение этого оружия. Таким образом, кибератака всегда должна проводиться скрытно, без публичного заявления о нападении и предварительных переговоров. Как замечает Дж. Арквила, подобные условия, а также риски эскалации более масштабного конфликта, вызванные кибератаками, заставляют с осторожностью относиться к кибервойне⁶⁰, несмотря на кажущуюся её мягкость и на все возможные выгоды. Тем не менее борьба в цифровой сфере уже стала реальностью, новой формой межгосударственных столкновений. В связи с этим одна из важнейших задач, стоящих перед философами и политическими мыслителями, заключается в адаптации нормативной теории к меняющимся условиям и новым формам конфликтов.

⁵⁹ Ibid. P. 69.

⁶⁰ Arquilla J. Twenty Years of Cyberwar // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 82.

* * *

Рассмотренные выше проблемы представляют собой лишь пример возможности приложения теории справедливой войны к конфликтам современности и анализа предложенных решений и возникающих проблем. Принимая во внимание разнообразие форм вооружённых конфликтов в настоящее время, мы должны отметить, что теоретикам справедливой войны ещё предстоит изучить и охарактеризовать каждый из них. Помимо всего прочего, одна из основных задач, стоящих перед приверженцами концепции справедливой войны, заключается в теоретическом осмыслении меняющейся политической сферы и выработке в случае необходимости новых принципов, ограничивающих вооружённое насилие.

Разрушение поствестфальского государства уже началось. Исследование того, исчезнет ли оно совсем, раздробившись на мелкие обособленные группы, или продолжит своё существование в некой другой форме, а также каковы будут последствия подобной политической трансформации — отдельная проблема, рассмотрение которой выходит за рамки настоящей публикации. Развитие техники также продолжается непрерывно, что, бесспорно, приведёт к разработке новых видов вооружения, и, поскольку техника и война всегда были диалектически связаны, стоит ожидать неизбежного появления новых типов конфликтов или способов ведения борьбы.

В своей совокупности все эти факторы способствуют, очевидно, эскалации вооружённых конфликтов и делают войну областью предельно сложной для однозначного определения. Сейчас мы пребываем в ситуации, когда традиционные средства сохранения мира и «способы оберегания и ограничения войны» (К. Шмитт) устарели. Нам требуется либо реставрировать их и адаптировать к условиям времени, либо выработать новую систему сдер-

живания. До того, как эта задача будет решена (если только её решение возможно), значительным будет оставаться спрос на насилие со стороны не только государств, но и новых политических акторов — экономических сообществ и негосударственных субъектов.

РОБОТИЗАЦИЯ ВОЙНЫ

В настоящее время автономные боевые системы и беспилотные летательные аппараты, в частности, воспринимаются как новейшее средство ведения войны. Однако в действительности они имеют достаточно продолжительную историю применения. Боевые средства, которые могут двигаться и наносить удары без непосредственного участия человека, появились как минимум столетие назад. Но всё это были различные виды оружия, не отличавшиеся разнообразием в своих функциях. Например, это могла быть бомба, привязанная к воздушному шару, летающая или плавающая торпеда, самонаводящаяся ракета. Их запуск контролировался человеком, после чего они действовали единственным возможным образом. Дроны в современном смысле слова, как автономные боевые системы, выполняющие сразу множество функций, стали разрабатываться в 1970–1980-е годы. Это были машины, которые могли сами контролировать свой полёт, собирать данные, передавать их в режиме реального времени и вести телепередачу. Именно это стало новым словом в военной технике.

Нередко при изобретении нового боевого средства или с началом его интенсивного использования создаётся впечатление, что оно изменит способы ведения войны и её понимание до неузнаваемости, приблизит человечество к Апокалипсису или, наоборот, сделает войну абсолютно невозможной. Так происходило при освоении стрельбы с закрытых позиций или при увеличении разру-

шительной мощности артиллерийских орудий, после появления в арсенале пулемёта, динамита, летательных аппаратов и особенно ядерного оружия. Мы уже писали о подобном восприятии роли, которую должна сыграть техника в деле постепенного убывания войны. Перед Первой мировой войной оно нашло воплощение в сочинениях И.С. Блюха, Н. Энджелла и ещё многих авторов. Безусловно, интенсификация использования дронов также породила ощущение, что война меняется принципиальным образом. Однако, как представляется, боевое применение дронов создаёт уникальную ситуацию в осмыслении войны. Особенность её в том, что дроны меняют войну, но не таким образом, что делают её чрезмерно жестокой или бессмысленной, поскольку обрекают одну из сторон на тотальное уничтожение. Наоборот, складывается впечатление, что роботизированные системы воплощают собой мечту многих поколений — если не избавиться от войны, то хотя бы сделать её менее кровавой и воевать без потерь. Кажется, впервые мы говорим о новом виде оружия, которое не пугает своей разрушительной, изничтожающей мощью, а удивляет своей «гуманностью», низким уровнем рисков, затрат и простотой — это буквально идеальное оружие. И эти характеристики боевых роботов меняют войну таким образом, что мы начинаем быть менее восприимчивыми к вопросу о конце всех войн, и даже наоборот, готовы принять войну, дать ей переоценку, отказать от обычных проклятий войны как бича человечества.

Можно выделить сразу несколько преимуществ, которые отличают современную войну, ведущуюся при помощи автономных боевых систем, и которые свидетельствуют об особом моральном преимуществе применения дронов по сравнению с конвенциональными видами оружия. Во-первых, нередко война признавалась ужасной тяготой, которая ложилась на людей, но, с другой стороны, она

считалась необходимой для продолжения развития цивилизации, поскольку она оживляет политическую жизнь, приободряет «душу наций», а кроме того, способствует прогрессу — многие научные достижения связаны со стоявшей перед человеком необходимостью решить военные задачи. Соответственно, этот аргумент может развиваться дальше таким образом, что война хотя и ужасна, но всё же необходима. А вследствие технологического роста, при постоянном совершенствовании средств нападения и обороны и появлении новых видов оружия, со временем мы должны прийти к такому состоянию, когда человек перестанет серьёзно страдать от войны или даже совсем будет исключён аспект, связанный с убийством людей, так как воевать будут машины. Дроны в буквальном смысле свидетельствуют об объективной возможности реализации этого сценария.

Во-вторых, дроны позволяют реализовать идеал войны как таргетированного (направленного) убийства (*targeted killing*). В идее таргетированного убийства легко угадывается абсолютизация принципа различения: убийству подлежат не все комбатанты, но только те, кто действительно «заслуживает» этого или чьё убийство целесообразно с военной точки зрения — например, командиры подразделений; стратеги, принимающие решение о проведении боевых операций; лидеры вооружённых отрядов. Значит, нужно вести войну так, чтобы гибли на ней только эти, законные цели. В результате таргетированного убийства удаётся исключить массовых и случайных жертв. И как отмечает Майкл Уолцер, применение дронов как нельзя лучше реализует задачу таргетированного убийства, поскольку само представление о том, как они должны быть использованы, прямо противоположно практике ненацеленного убийства.

В-третьих, применение боевых дронов обладает мощным психологическим эффектом. Беспилотный летатель-

ный аппарат наносит удар внезапно, его жертвы часто не успевают понять, что они подверглись атаке. А после нападения дрон исчезает, не дав возможности нанести ответный удар по нему, а его оператор находится за сотни или тысячи километров. Всё это должно деморализовать противника, заставить его постоянно чувствовать себя в опасности, даже в тот момент, когда он не находится непосредственно на линии фронта. Как это сформулировал Уолцер: «...наши враги уязвимы более, чем когда-либо, и мы можем добраться до них без какого-либо риска для наших собственных солдат»⁶¹.

В-четвёртых, традиционно восприятие солдата сводилось к тому, что он по роду своей профессии наделяется особым статусом. Ему дозволено носить и использовать оружие, но он же обязан рисковать своей жизнью во имя своего политического сообщества. На это, в частности, указывает концепция морального равенства комбатантов. Принятие на вооружение роботизированных систем позволяет избежать риска для жизни пилотов или солдат, которым раньше приходилось принимать непосредственное участие в атаках на вражеские позиции или спецоперациях по уничтожению террористов. Дрон превращает своего оператора из солдата в офисного работника или «desk jockey warrior» (букв. — воин рабочего стола; в данном случае — аналогия с диск-жокеем), как его называет австралийский философ Роберт Спэрроу.

В-пятых, беспилотные летательные аппараты многофункциональны, они собирают больше информации, поэтому снижается потребность в живой силе для ведения полевой службы. Дроны могут и наблюдать, и нацелено нападать, причём с большей точностью. Они рассеивают

⁶¹ *Walzer M. Targeted Killing and Drone Warfare // Dissent. 2013. <https://www.dissentmagazine.org/online_articles/targeted-killing-and-drone-warfare>.*

туман войны, что облегчает планирование, координирование и проведение операций.

В-шестых, перед большинством современных государств стоит задача научить солдат соблюдению и применению норм морали. Это долгий процесс воспитания навыков автономного суждения и выработки морального чувства. Но даже хорошо обученный военной этике солдат сталкивается с проблемой практического применения своих знаний. Часто принятие морального решения требует всестороннего и взвешенного анализа ситуации, сопоставления разных обстоятельств, после чего можно сделать вывод о том, какое именно действие следует совершить. В реальной боевой обстановке такого времени у солдат может попросту не быть — действовать необходимо быстро. Очевидно, что компьютерный алгоритм справится с подобной аналитической работой гораздо удачнее и точнее.

Можно также ожидать, что автономные боевые системы способны обучиться большей дисциплинированности и разборчивости в выборе своих целей. Особенно значимо это для действия в условиях новых войн, которые зачастую ведутся в городской или сельской местности, где гражданское население остаётся в своих домах. Для новых войн характерна также высокая степень асимметрии, т.е. в них участвуют нерегулярные армии, бойцы которых не носят униформу. Солдатам порой почти невозможно опознать своего противника и отличить его от местного жителя, женщины или ребёнка. Робот мог бы делать это распознавание точнее и опять же принимать решение быстрее, что помимо прочего обеспечит и снижение потерь среди гражданских лиц.

В-седьмых, стоит указать на ещё одну отличительную особенность роботизированных систем, отчасти дополняющую предыдущий пункт. Роботы не обладают психикой, подобной человеческой. Если моральные принципы,

согласно которым должно вести войну, загрузить в виде программы в автономную боевую систему, машина будет действовать в соответствии с заданными таким образом лимитами дозволенного. То есть получится сделать поведение робота соотносённым с нормами военной этики. При этом выполнение роботом обязательств, налагаемых моралью, не будет сопряжено с психологическим давлением, которое может испытывать живой солдат. Автоматическая система не будет столь эмоционально реагировать на ужасы войны, она не получит душевных травм и, соответственно, всегда будет действовать однозначно и предсказуемо в рамках прописанной логики поведения, в то время как человек действует зачастую под влиянием эмоций. Например, если робот распознает, что его сослуживца-робота подобьют, то вряд ли он впадёт в оцепенение или начнёт с большей жестокостью атаковать противника, игнорируя моральные и правовые нормы ведения боя. Робота нельзя спровоцировать на расстрел гражданского населения и разрушение их жилищ и уничтожение собственности. Помимо этого робот способен точнее выполнить приказ, поскольку ему не нужно тратить время на размышления о том, какое действие предпринять — спасти своего раненого или умирающего товарища, в панике бежать с поля боя или продолжить выполнение боевой задачи.

В-восьмых, роботизированные системы в несколько десятков раз дешевле пилотируемых боевых машин. Так, например, разведывательно-ударный дрон MQ-9 Reaper стоит около 6,5 млн долл., а час его работы оценивается в 3 тыс. долл. Истребитель-бомбардировщик Локхид-Мартин F-35 стоит 91 млн долл., и час его эксплуатации обходится в 16,5 тыс. долл.⁶²

⁶² О преимуществах применения дронов подробнее см.: *Singer P.W. Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century*.

Обозначенные выше пункты конвертируются из непосредственно военных выгод применения роботизированных систем в политические и даже психологические преимущества их эксплуатации. Политическому руководству, которому приходится сталкиваться с делегитимацией войны и необходимостью вести боевые действия с нулевыми потерями, не всегда просто объяснить своим гражданам, ради чего начинается та или иная военная кампания, особенно если она не вызвана крайней необходимостью. А в случае понесённых потерь оно обязано обосновывать общественную значимость таких жертв и, возможно, даже успокаивать население. Робот снимает эту ношу с политического руководства. Население, которое не становится свидетелем людских потерь, будет спокойнее и легче воспринимать войну. Таким образом, уменьшаются внутри- и внешнеполитические риски ведения войны.

С аналогичным эффектом сталкиваются и военные начальники — им проще проводить операции и отдавать приказы на уничтожение, так как они не столкнутся с физическими потерями в своих подразделениях. В самом страшном случае выйдет из строя или будет побит робот. Помимо прочего, правительство и военачальники ограждают себя от необходимости решать физические и психологические проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие: посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), ресоциализация, алкоголизм, наркомания и т.д. И самое главное — дроны требуют гораздо меньших рас-

ry. N.Y.: Penguin Books, 2009. P. 413–427; *Sparrow R.* Killer Robots // *Journal of Applied Philosophy*. 2007. Vol. 24. No. 1. P. 62–77; *Sparrow R.* War without Virtue / Killing by Remote Control. The Ethics of an Unmanned Military / ed. by B.J. Strawser. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 86–88; *Leveringhaus A.* Ethics and Autonomous Weapons. L.: Palgrave Pivot, 2016. P. 59–68; *Walzer M.* Just & Unjust Targeted Killing & Drone Warfare // *Daedalus*. 2016. Vol. 145. No. 4. P. 12–24; *Walzer M.* Targeted killing and Drone Warfare...

ходов и усилий для поддержания их «морального» духа. Их даже не нужно кормить и развлекать. Всё это позволяет говорить о том, что массовое применение роботизированных систем обеспечивает не только количественное, но и качественное изменение войны и способов её восприятия.

Но тут же мы должны сказать и о негативных сторонах роботизации войны. Можно выделить сразу несколько групп опасностей, связанных с ведением войны при помощи автономных боевых систем. К ним можно отнести психологические, моральные и, наконец, политические. Часто они накладываются одна на другую.

Начнём с того, что представление о том, что роботы и дроны снимают все психологические проблемы, вызванные войной, может оказаться преувеличением и переоценкой действительного состояния дел. Командиры подразделений, которые используют беспилотные летательные аппараты для проведения боевых операций, нередко жалуются, что участие в таких операциях кажется им едва ли не более сложным, нежели действия непосредственно на поле битвы. Отчасти это связано с тем, что оператор отделён несколькими тысячами километров от участка, где он проводит операцию, и лишается опыта непосредственного участия в ней и включённого наблюдения. Кроме того, влияние оказывает и то, что операторы в течение дня минимум дважды меняют образ своей жизни. Отправляясь утром к месту несения службы, где им, возможно, придётся участвовать в убийстве людей, оператор попадает на войну, но тут же, вечером он возвращается к гражданской жизни, приезжает к своей семье и бытовым проблемам. Поскольку мы находимся в самом начале эры роботизации войны, пока не вполне ясно, с какими психологическими проблемами могут столкнуться операторы, находящиеся в таком непростом положении. Например, не столкнёмся ли мы с ростом бытового или домашнего на-

силія, если операторы будут чувствовать необходимость получать эмоциональную разрядку или не будут способны перейти от типа поведения, уместного в военных обстоятельствах, к гражданскому. Или, в профессиональной деятельности, смогут ли они продолжить выполнять поставленную задачу достаточно ответственно, воспринимая боевую операцию не как компьютерную игру, а как опасную миссию, в результате которой гибнут люди и которая вследствие этого накладывает дополнительные обязательства на её исполнителей. Это в первую очередь психологические аспекты роботизации войны, но они имеют прямое отношение и к её моральному ограничению.

Дополнительное напряжение создаёт и вопрос об ответственности за действия робота или дрона. Лежит ли она на офицере, который отдал приказ о проведении операции, на обслуживающем персонале, операторе? Но является ли в принципе оператор, не находящийся физически на поле боя, комбатантом? Или, возможно, нужно учитывать также и ответственность программиста, который создал алгоритм, определяющий принципы функционирования робота: идентификация цели, способ прицеливания, параметры определения выполнения поставленной задачи, принятие решений в сложных условиях, например, когда противник использует живые щиты? Как мы отметили, у дрона нет психики, повреждение которой может заставить его действовать аморально. Но при этом сам характер его действий определяется людьми, участвующими в его создании, и военные заказчики, а возможно, и сам программист, закладывают в робота собственные принципы этики поведения на поле боя.

Но это также означает, что дрон не является субъектом морального действия, поскольку он не обладает эмоциями, эмпатией, не способен на чувства и не имеет представления о совести, вине, стыде. При этом он способен действовать с высочайшим уровнем автономии, самостоя-

тельно находя цели и принимая решение о нанесении удара по ним. Если в связи с этим ответственность за действия роботизированной системы переносить на тех, кто обслуживает или создаёт её, мы окажемся в нетривиальной ситуации. Необходимо будет пересмотреть принцип различения *jus in bello*. Вместо того чтобы сократить число людей, задействованных на войне, использование роботизированных систем может заставить идентифицировать как участников боевых действий представителей гражданских профессий — таких, как программисты.

Далее, мы отметили высокую точность и способность идентификации цели как одно из преимуществ ведения войны при помощи роботов. В 2009 г. глава ЦРУ Леон Панетта высоко оценил применение дронов в борьбе с террористами «Аль-Каиды» на территории Афганистана и Пакистана, сообщив, что атаки с применением дронов чрезвычайно результативны, точны и приводят лишь к ограниченному сопутствующим потерям⁶³. Однако по многочисленным свидетельствам точность ударов при помощи дронов пугающе низка: в некоторых случаях на одну атаку по идентифицированной цели приходится до 50 ударов по неидентифицированным целям (с 2006 по 2009 г. было проведено 82 атаки, в которых погибло от 750 до 1000 человек, из них только в отношении 20 человек удалось достоверно установить принадлежность к таким организациям, как «Аль-Каиде» или «Талибан») ⁶⁴. Непреднамеренными жертвами дронов стали сотни людей, в том числе и дети. Достаточно привести в пример известный случай нападения на свадебную церемонию в Йемене,

⁶³ U.S. airstrikes in Pakistan called 'very effective'. CNN. 18.05.2009. <<http://edition.cnn.com/2009/POLITICS/05/18/cia.pakistan.airstrikes/>>.

⁶⁴ Kilcullen D., Exum A.M. Death from above, Outrage down below // The New York Times. 2009. 17 May. <<https://www.nytimes.com/2009/05/17/opinion/17exum.html>>.

когда было убито 12 человек и ранено не менее 15 — атака была объявлена частью контртеррористической операции против лидеров организации «Аль-Каида» на Аравийском полуострове, однако по свидетельствам местных жителей, муниципальных властей и правозащитных организаций большая часть убитых и раненых, если не все, не имели отношения к террористической деятельности⁶⁵. Также высказывается мнение, что применение дронов дестабилизирует политическую обстановку в таких странах, как Пакистан или Йемен, население которых не чувствует своей защищённости от неожиданных атак беспилотников и считает, что правительство ответственно за допущение возможности проведения таких атак.

Стоит заметить также, что роботизированная война пока что представляется в высшей степени асимметричной. Мы не становимся свидетелями войны роботов, когда машины сражаются друг с другом. Скорее, вследствие консерватизма, присущего армии, всё ещё можно говорить лишь об ограниченном использовании автономных систем. Можно согласиться с выводом Мануэля Деланды: должно пройти много времени, чтобы роботизированные системы стали «автономными агентами разрушения, но даже и тогда они могут столкнуться с непреодолимыми проблемами, возникающими при встраивании в военную тактическую доктрину... Другими словами, роботизированные вооружения, вероятно, будут какое-то время оставаться сложным протезным расширением солдата-человека»⁶⁶. Другой не менее значимый аспект современной

⁶⁵ *Taylor L.* A Wedding that Became a Funeral: US Drone Attack on Marriage Procession in Yemen. Human Rights Watch, 2014. P. 8–15. <https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/yemen0214_ForUpload_0.pdf>.

⁶⁶ *Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый; Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 249.

войны с использованием роботов и дронов — её радикальная асимметричность. Между собой воюют высокоразвитые страны и государства или группы, не обладающие достаточным уровнем технологий и инфраструктурой для ответного удара при помощи автономных боевых систем. Появление подразделений «desk jockey warriors» — большое достижение в военной сфере. Но оно доступно пока что только незначительному числу государств. Всем остальным приходится воевать традиционными средствами, а солдатам гибнуть так, как это было всегда. Война в таком случае превращается в охоту «цивилизованных» воинов на «варваров» XXI в.: террористов, повстанцев, пиратов — мы возвращаемся к состоянию, описанному Аристотелем.

Если обобщить, то главная проблема, которую ставит перед нами роботизированная война — это эффект совокупного влияния преимуществ автономных систем. Оценивая достоинства применения дронов и роботов в качестве боевого оружия, политики, военные и даже люди, далёкие от военной сферы, могут прийти к ряду оптимистических заключений. Так, ощущение, что удары при помощи роботов обеспечивают высочайший уровень точности и реализацию концепции таргетированного убийства, в совокупности с нулевой смертностью со стороны операторов роботов, порождает представление о небывалом уровне гуманизации войны.

Достижение высочайшего уровня уязвимости врагов и собственной защищённости делает дроны «угрожающе соблазнительной технологией»⁶⁷, как выразил это Уолцер. Вследствие этого возникает опасность менее требовательно относиться к принципам военного применения роботизированных систем как в юридическом, так и в

⁶⁷ *Walzer M. Just & Unjust Targeted Killing & Drone Warfare... P. 15. Cp.: Walzer M. Targeted Killing and Drone Warfare...*

моральном отношении. И в результате мы сталкиваемся с подходом, подобным тому, что предлагал президент США Барак Обама: расценивать всех мужчин военного возраста в зоне удара в качестве комбатантов⁶⁸. А это не что иное, как намеренное решение снизить требования к точности выбора цели, которую, казалось бы, должны были обеспечить дроны.

Дистанцированность оператора дрона и его командования от поля боя позволяет им меньше беспокоиться о соблюдении нравственного кодекса ведения войны. Враг, представленный на дисплее пульта управления как совокупность нескольких пикселей, подвергается ещё большей степени дегуманизации и лишения человеческого достоинства, нежели это может быть при непосредственном столкновении с ним. На такого врага можно охотиться и убивать его, не думая о сдержанности и ограничениях.

Кроме того, утрата симметрии в субъектности ведёт к девальвации воинских добродетелей. Они перестают восприниматься всерьёз и воспроизводиться. Невозможно говорить о боевой доблести и чести с оператором дрона. Как пишет Роберт Спэрроу, подразделения, которые управляют дронами, по психологии своей отличаются от обычных армейских подразделений⁶⁹. Они не нуждаются в чувстве локтя, менее лояльны своему подразделению и не столько заинтересованы в товариществе, поскольку их безопасность не зависит от содействия и соучастия их сослуживцев. В постгероическом обществе воинские ценности и добродетели заменяются деньгами — солдатам предлагают не славу, а плату. Но плата не может научить быть сдержанным, не даёт полноценных мотивов для того, что-

⁶⁸ *Becker J., Shane S.* Secret 'Kill List' Tests Obama's Principles // *The New York Times*. 2012. 29 May.

⁶⁹ *Sparrow R.* War without Virtue... P. 96.

бы удержаться от излишней жестокости. Если военный не видит связи между своим доблестным и честным поведением на поле боя и последующей славой, то по какой причине он будет действовать сдержанно, лишая себя возможности любой ценой максимизировать эффективность операции? Возможно, эту ситуацию следует оценивать с оптимизмом: война между людьми постепенно исчезает и дроны изменяют её таким образом, что добродетели перестанут быть нужными, так как участие человека в войне будет минимизировано. Но есть риск того, что роботизированные системы подорвут доверие к добродетелям, в результате чего насилие начнёт использоваться всё более активно.

Кроме того, если ведение войны становится дешевле как в экономическом отношении (поскольку дрон сравнительно недорог в производстве), так и в политическом, поскольку военным и политикам не приходится отчитываться о потерях и случайных жертвах и брать на себя ответственность за них, то происходит основательная переоценка войны. Она перестаёт считаться наименее желательным способом решения конфликтов. Не воспринимается как крайнее средство, как это предполагается и теорией справедливой войны, и международным правом. Падает своеобразный барьер, психологический и политический одновременно, сдерживающий сторонников военного решения конфликтов; война «нормализуется». Принятие решения о войне упрощается. Это означает, что роботизация войны в моменте может привести к минимизации потерь, но в итоге последствием её станет увеличение числа войн или боевых операций и, соответственно, в совокупности вырастет количество жертв войны. Парадоксальным образом, чтобы сохранить на повестке вопрос о неприемлемости войны и о необходимости её ограничения, войне нужно сохранять свою кровавую сущность, связанную с убийством людей.

* * *

Совершенно очевидно невозможно сделать так, чтобы дроны (равно как кибероружие или частные военные компании) перестали использоваться в современной войне. Это означает, что обязательной становится постоянная дискуссия о необходимости использования преимущества новых средств ведения войны и минимизации негативных эффектов их применения. В этом отношении полезны замечания, которые сделал Майкл Уолцер. Чтобы в войне с применением роботизированных систем была реализована стратегия таргетированного убийства, её надо загнать в рамки тех же жёстких норм, что регулируют другие формы войны⁷⁰. Это требование — возможно даже, с ещё большей степенью строгости — относится к кибероружию и частным военным контрактникам. Не до конца определённый моральный и правовой статус их участия в конфликтах означает необходимость усилить контроль над их использованием в современной войне. Далее, дрон не может быть оружием, которое используется массово и которое не предполагает выборочные удары по строго определённым целям. Их можно применять только против конкретных целей. И недопустима их эксплуатация в качестве «умных» бомб, которые наносят поражение всем, кто оказался в зоне удара. Наконец, следует отказаться от не вполне обоснованных утверждений о том, что применение военной силы представляет собой наиболее эффективное или даже единственное средство борьбы с современными угрозами международной безопасности и в первую очередь с терроризмом. Пока что даже такие высокотехнологичные виды оружия, как дроны не решают проблему терроризма как такового.

⁷⁰ *Walzer M. Targeted Killing and Drone Warfare...*

Вместо заключения

От справедливой войны к этике мира

— Почему вы убиваете меня, когда за вами преимущество? Я безоружен.

— Как, разве вы не живете на другом берегу? Друг мой, если б вы жили на этом берегу, я был бы душегуб, и убивать вас таким способом было бы несправедливо. Но коль скоро вы живете на другом берегу, я храбрец, и это справедливо¹.

Блез Паскаль

НАСТОЯЩАЯ книга представляет собой введение в наиболее важные и проблемные дискуссии, в которых осмысляются современные войны. Её вряд ли можно назвать исчерпывающей, но она может послужить в качестве отправного пункта для дальнейшего исследования. Слишком много значимых тем осталось в данном случае за пределами возможности освещения, но хотелось бы надеяться, что на них даны указания. Безусловно, требуют куда более пристального изучения споры вокруг парадигмы теории справедливой войны, детализации заслуживает моральная оценка инструментария

¹ Паскаль Б. Мысли. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. С. 91.

новых войн, за скобками остались принципиально значимые для понимания способов рефлексии войны проблемы культуры памяти и коммеморации боевых действий. Отдельно стоит анализировать влияние, которое на войну оказывают современные технологии, причём не только военные, но и, казалось бы, абсолютно гражданские. Так, новые медиа и цифровые технологии позволяют получить особое восприятие войны, недоступное людям прошлого. Как пишет российский философ Николай Афанасов, благодаря компьютерным играм «опыт переживания военных действий входит во многие дома не как универсальный опыт страха, обретения идентичности, скуки, отчаяния, а может, и воодушевления — в зависимости от занимаемой позиции в конфликте, — но как развлечение»². Все эти аспекты обновления войны и опыта её проживания и рефлексии требуют дальнейших исследований. Вместе с тем необходимо сказать хотя бы несколько слов о том разделе этики войны, которому обычно уделяется гораздо меньше внимания, нежели обсуждению справедливых причин начала войны и нравственных способов её ведения. Собственно, это особенность, закреплённая в традиции — Гуго Гроций, назвавший свой труд «Три книги о праве войны и мира», почти ничего не говорит о мире.

На публичных мероприятиях и в частных дискуссиях при обсуждении различных аспектов этики войны и, в частности, современной теории справедливой войны мне приходилось часто слышать подобное суждение: «Возможно, нам надо говорить не об этике войны, а об этике мира, не о том, как ограничить войну, а о том, как в принципе избавиться от неё». Вероятно, само это высказывание кажется излишним упрощением. Но в этом пе-

² Афанасов Н. Новые войны — старая этика // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 159.

реключении регистра обсуждения проблем, связанных с войной и миром, действительно заложена важнейшая установка, связанная с поиском путей полной делегитимации войны и отказа от организованного вооружённого насилия. Она отнюдь небезосновательна. Когда Платон, Цицерон, Августин или Джон Стюарт Милль высказывались о необходимости ограничить свободу ведения войны, это не имело немедленных результатов. Однако их идеи обогащали европейскую и, возможно, общечеловеческую традицию осмысления войны. Небыстро, но тем не менее в какой-то момент они смогли повлиять на тот способ отношения к войне и ту систему международного права, которые мы имеем сейчас — с присущими им недостатками и упущениями, но всё же с установкой на признание принципа невмешательства и заложенной в них идеей ограничения войны. От философии и этики войны не стоит ждать решения всех проблем человечества и немедленного избавления от вооружённого насилия. У них есть свои конкретные задачи, которые они решают с той или иной степенью эффективности — в первую очередь к ним относится прояснение возможных ответов на вызовы, с которыми мы сталкиваемся, когда стоим на грани войны или оказываемся втянутыми в неё. Карл Шмитт очень точно выразил это в «Теории партизана»: «...теоретик не может сделать больше, нежели сохранение понятий и называние вещей своими именами»³. Но в какой-то момент теория действует, и её влияние на действительный социальный мир становится заметным. Именно поэтому представляется, что помимо дискуссии о нормативном сдерживании войны нам важно обращать свой взор вперёд, к идеалу мира без войны.

Существует несколько современных традиций, содействующих этому. Во-первых, можно вновь указать на

³ Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. С. 144.

теорию справедливой войны и предложенную в 2006 г. Майклом Уолцером идею более интенсивного использования практики сдерживания при помощи «средств, отличных от войны» (*short-of-war*) и разработку концепции *jus ad vim* (букв. — право на применение силы). К «средствам, отличным от войны», относятся: создание беспилотных зон, нанесение точечных ударов, ввод торговых санкций, эмбарго на поставку оружия и другие схожие мероприятия. Все эти меры силового сдерживания, по мысли Уолцера, должны решить задачи, с которыми часто пытаются справиться при помощи войны, но без обычных «непредсказуемых и катастрофических последствий войны»⁴. Концепция *jus ad vim*, которая должна обеспечить этическое обоснование применению средств, отличных от войны, представляется при этом Уолцеру занимающей более высокое иерархическое положение, нежели система принципов *jus ad bellum*. Фактически Уолцер указывает на необходимость разработки теории справедливого использования силы, которая включала бы в себя и теорию справедливой войны, однако рассматривала бы также и иные возможные средства политического использования средств, отличных от войны. В результате Уолцер надеется прийти к утверждению приоритета проведения невоенных силовых операций, менее масштабных и продолжительных⁵. Операции такого рода кажутся Уолцеру более удачной формой применения силы, поскольку позволяют минимизировать потери как среди военных, так и среди гражданских лиц, и оказываются менее разрушительными для региона, в котором они реализуются.

⁴ Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26–32.

⁵ Brunstetter D., Braun M. From Jus ad Bellum to Jus ad Vim: Recalibrating Our Understanding of the Moral Use of Force // Ethics & International Affairs. 2013. Vol. 27. No. 1. P. 87.

Далее, одна из теоретиков новых войн, Мэри Калдор, предлагает в качестве наиболее актуального способа регуляции конфликтов нового типа «космополитический подход». Мы писали в главе 2, что новые войны гораздо проще начинаются, чем заканчиваются. По замечанию Калдор, традиционный переговорный мирный процесс совершенно неэффективен в ситуации, когда конфликт был спровоцирован партикуляризмом сторон, у которых к тому же недостаточно политического опыта и власти для того, чтобы выполнять условия достигнутых соглашений⁶. В этих условиях «космополитический подход исходит из допущения, что решение не осуществимо, если оно основывается на политических целях воюющих сторон, и что законность может быть восстановлена только на основе альтернативной политики, действующей в рамках космополитических принципов. Как только будут установлены ценности включенности, толерантности и взаимоуважения, за ними с легкостью последуют территориальные решения»⁷. Поскольку космополитический подход представляет собой глобальный проект, задача мирового сообщества состоит в данном случае в том, чтобы искать среди представителей местного населения противников партии войны и сторонников космополитических ценностей. Именно они должны стать опорой коллективного усилия по преодолению военного конфликта. Для этого может применяться целый набор различных средств: сочетание военных и полицейских операций, финансовая помощь, поддержка политической реконструкции региона.

Сам по себе космополитизм не нов, корни его уходят в Античность, а в настоящее время предложено множе-

⁶ Калдор М. Новые и старые войны. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. С. 251.

⁷ Там же. С. 249.

ство довольно авторитетных интерпретаций такими авторами, как Марта Нуссбаум, Юрген Хабермас, Питер Сингер⁸ и многими другими. Иммануил Кант выступает в качестве одной из наиболее значимых фигур для различных теорий космополитизма⁹. Для Калдор космополитизм прежде всего связан с идеей защиты прав человека, т.е. она выступает как сторонница политического или даже легалистского космополитизма. Соответственно, для неё «деятельность по поддержанию мира могла бы быть концептуально переосмыслена как деятельность космополитического правоприменения»¹⁰. Это, безусловно, реактуализация кантовской программы в контексте современного международного права. Кантовская идея вечного мира помещается в среду, где действует система международного права, глобальных политических и юридических институтов, но по сути остаётся той же: состояние мира — это состояние законности и обеспечения прав человека.

Наконец, третий, наиболее строгий подход к нормативному осмыслению войны предлагает теория пацифизма. Сторонники пацифизма, или идеализма, пол-

⁸ *Nussbaum M.* The Cosmopolitan Tradition: A Noble But Flawed Ideal. Cambridge, MA; L.: Belknap Press. 2019; *Нуссбаум М.* Патриотизм и космополитизм // *Логос*. 2006. № 2 (53). С. 110–119; *Nussbaum M.* Kant and Stoic Cosmopolitanism // *The Journal of Political Philosophy*. 1997. Vol. 5. No. 1. P. 1–25; *Хабермас Ю.* Кантова идея вечного мира — из 200-летней исторической перспективы // *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 277–332; *Singer P.* Practical Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Singer P.* One World: The Ethics of Globalization. New Haven: Yale University Press, 2002. См. также: *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

⁹ *Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994.

¹⁰ *Калдор М.* Новые и старые войны. С. 49.

ностью отвергают возможность этического оправдания войны, даже той, что является крайним средством и могла бы быть оправдана с точки зрения теории справедливой войны. Традиционно пацифизм многое заимствовал из религиозной критики насилия и базировался на теологической аргументации. Такими были, например, учения китайского философа Мо-Цзы или Христа. Однако современные концепции пацифизма предлагают также и теоретические аргументы в пользу ненасилия. К наиболее известным философам-пацифистам можно отнести Л.Н. Толстого, У. Джеймса, Б. Рассела, эта традиция продолжает развиваться и в наше время. Современный пацифизм может быть основан на критике войны как практике, нарушающей базовые принципы морали, такие, например, как правило «не убий» (деонтологический пацифизм), или на оспаривании самой возможности получить выгоды от войны, поскольку ничто не может компенсировать утрату человеком жизни (утилитарный пацифизм). Ещё один подход основывается на утверждении, что война противоречит ценностям, которые проповедует либеральная демократия — принцип невмешательства и уважения чужих свобод. Наконец, возможны варианты анархического и(или) либертарианского пацифизма, связывающего войну с деструктивными действиями государственной машинерии, игнорирующей базовые свободы человека и распоряжающейся его жизнью ради блага людей, находящихся у власти. Но общим для всех видов пацифизма будет критика войны как социальной практики. Недостатком теории справедливой войны пацифисты могут назвать то, что она при изучении войны сосредоточена непосредственно на ведении войны, но игнорирует более широкий круг вопросов, относящихся к содержанию и организации всей военной сферы (мобилизация и управление людскими ресурсами, материальная

подготовка и т.д.)¹¹. Вторая сфера — область «военного строительства» — занимает доминирующее положение, как мы писали об этом при обсуждении нововременного проекта государства. Она прямо или косвенно подчиняет себе прочие сферы публичной жизни, нормализуя войну и представляя её как необходимое и неизбежное политическое средство. Соответственно, критика войны должна опираться на критику проекта государства как основного эксплуатанта войны.

Альтернативой войне пацифисты считают миротворчество и миростроительство. Эти практики могут иметь различное содержание. От критики и противодействия воинскому призыву до попыток внести конституционные изменения (согласно которым вступление в войну обязательно должно быть одобрено голосованием на референдуме) или поиска межгосударственных инициатив по отказу от войны. Иными словами, пацифистский подход сосредоточен на том, чтобы обойти ту доминирующую позицию, которую в вопросах управления войной занимает государство: разрушить его силу снизу посредством подрыва доверия к основным государственным институтам, обслуживающим войну, или сверху — благодаря построению межнациональных систем управления конфликтами. В этом смысле теория справедливой войны оказывается более консервативной и государственнической. Она поддерживает ограничение войны, но в то же время не отказывается от неё в принципе, оправдывая некоторые виды войны.

Подобные подходы, пожалуй, могут показаться идеализацией социально-политического пространства. Однако как мы уже заметили выше, в какой-то момент идеи начинают преобразовывать социальную реальность. В XIX в.

¹¹ *Ryan C. Pacifism / The Oxford Handbook of Ethics of War / ed. by S. Lazar, H. Frowe. N.Y.: Oxford University Press, 2015. P. 287.*

философская традиция критики войны начала оформляться в виде положений международного права. Возможно, идеи сторонников невоенных способов решения конфликтов также станут частью нормы и это произойдёт до того, как малые войны и тотальные конфликты приведут к «вечному миру... на гигантском кладбище человечества»¹².

¹² *Кант И.* К вечному миру // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 6.

Литература

- Августин Аврелий.* О граде Божием. Книги XIV–XXII // Августин Аврелий. Творения. Т. 4. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 592 с.
- Агамбен Дж.* Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
- Амвросий Медиоланский.* Об обязанностях священнослужителей. М.; Рига: Благовест, 1995. 416 с.
- Аннан К.* Доклад Генерального секретаря Совету Безопасности о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте. S/2001/331. 2001.
- Арзуманян Р.В.* Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения. Теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 334 с.
- Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Аристотель.* Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Афанасов Н.* Новые войны — старая этика // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 157–180.
- Баязитова Г.И., Митюрева Д.С.* В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. Тюмень: ТюмГУ, 2012. 240 с.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 330 с.
- Бекяшев К.А., Ходаков А.Г.* Международное публичное право: сб. документов: в 2 т. Т. 2. М.: БЕК, 1996. 539 с.
- Блиох И.С.* Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. 1. СПб.: Типография И. Ефрона, 1898. 628 с.
- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
- Болингброк Г.С.-Дж.* Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 359 с.

- Булгаков С.Н.* Русские думы // Русские философы о войне. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.
- Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
- Ваттель Э.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов / Энциклопедия: в 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. 864 с., 24 л. ил.
- Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 146 от 29.12.2014) // Российская газета. Федеральный выпуск № 298 (6570). 2014. 30 декабря.
- Выполнение обязанности защищать: доклад Генерального секретаря. А/63/677. 2009.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Геррман И., Пальмиери Д.* Новые конфликты: архаичная современность? // Междунар. журн. Красного Креста. 2003. № 849. С. 25–50.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
- Гоббс Т.* Бегемот, или Долгий парламент // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 591–623.
- Гольц К., фон дер.* Вооруженный народ / Соч. об устройстве армии и образе ведения войны в наше время бар. Кольмара ф. д. Гольц, подполк. королевско-прус. службы. СПб.: Воен. тип., 1886. 449 с.
- Гомер.* Илиада. СПб.: Наука, 2008. 572 с.
- Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Гутерреш А.* Защита гражданских лиц в вооруженном конфликте. S/2019/373. 2019.
- Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый; Ин-т общегуманитарных исследований, 2014. 338 с.
- Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник. Минск: Харвест, 1999. 605 с.
- Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.
- Иванова Ю.В.* Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. Науч. электрон. журн. фак. истории искусства РГГУ. 2014. № 13 (1). С. 10–25.
- Ильинский И. М.* О терроре и терроризме. М.: МГСА, 2001. 76 с.
- Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года // Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 октября 2005 года. А/RES/60/1.
- Калдор М.* Культура новых войн // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 1–21.
- Калдор М.* Новые и старые войны. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 416 с.
- Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. 664 с.

- Кант И.* К вечному миру // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 5–56.
- Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
- Кант И.* Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. 613 с.
- Караганов С.А.* О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 2. С. 8–19.
- Кашников Б.Н.* Частные военные компании как морально-политическая проблема современности // Российский науч. журн. 2010. № 6 (19). С. 62–73.
- Клаузевиц К., фон.* О войне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 864 с.
- Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания / Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года.
- Коновалов И.П., Валецкий О.В.* Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. 136 с.
- Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.
- Коньшев В.Н., Кубышкин А.И., Сергунин А.А.* Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 26. С. 53–66.
- Кревельд М., ван.* Трансформация войны. М.: Альпина Паблишер, 2005. 344 с.
- Кревельд М., ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
- Куманьков А.Д.* Эволюция концепции справедливой войны в работах М. Уолцера // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 8 (50). С. 146–150.
- Куманьков А.Д.* Мировая задача России: члены Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва о Великой войне // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та. 2014. № 10. С. 81–86.
- Куманьков А.Д.* Теория справедливой войны в XXI в.: основные задачи и проблемы // Философия. Язык. Культура / отв. ред. В.В. Горбатов. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2014. С. 352–365.
- Куманьков А.Д.* Мнимая трансформация войны // Философия. Язык. Культура / отв. ред. В.В. Горбатов, А.В. Марей. Вып. 6. СПб.: Алетейя, 2015. С. 329–340.
- Куманьков А.Д.* Этика военной интервенции. Аргумент Дж.Ст. Милля и его современное значение // Vox. Философский журнал. 2015. № 18. С. 1–11.
- Куманьков А.Д.* Концепция минимальной справедливости в философии войны Б. Орнда // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 2. С. 6–12.
- Куманьков А.Д.* Принцип правого дела и «новые» войны // Этика войны и мира: история и перспективы исследования / под науч. ред. Б.Н. Кашникова, А.Д. Куманькова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 152–175.

- Куманьков А.Д.* Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. МакМахан. СПб.: Алетейя, 2019. 268 с.
- Куманьков А.Д.* Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 99–116.
- Куренной В.А.* Война, терроризм и медиа // Прогнозис. 2006. Т. 5. № 1. С. 276–312.
- Линдси Б.* Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 416 с.
- Любэн Д.* Превентивная война // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 155–168.
- Люттвак Э.* Стратегия. Логика войны и мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 392 с.
- Мани М.* Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 208 с.
- Мизес Л., фон.* Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. 476 с.
- Милль Дж.* О свободе // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15; № 12. С. 21–26.
- Мор Т.* Утопия. М.: Наука, 1978. 417 с.
- Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. М.: Кучково поле, 2015. 400 с.
- Мюнклер Г.* Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках. М.: Кучково поле, 2018. 384 с.
- Нойманн Ф.* Бегемот. Структура и практика национал-социализма 1933–1934 гг. СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с.
- Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002. 407 с.
- Нуссбаум М.* Патриотизм и космополитизм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 110–119.
- Павлов А.В.* Послесовременность войны // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 247–263.
- Паскаль Б.* Мысли. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
- Паулюс А., Вашакмадзе М.* Асимметричная война и понятие вооруженного конфликта — попытка разработать концептуальную модель // Междунар. журн. Красного Креста. 2009. Т. 91. № 873. С. 127–170.
- Платон.* Политика // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 955 с.
- Прокофьев А.В.* Этика чрезвычайных ситуаций в свете доктрины двойного эффекта // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 6. С. 74–82.
- Пфаннер Т.* Асимметричная война с точки зрения гуманитарного права и гуманитарной деятельности // Междунар. журн. Красного Креста. 2005. № 857. С. 195–228.
- Рассел Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2001. 992 с.

- Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 года.
- Россия в формировании международной системы профилактики распространения оружия массового поражения / отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатуров. М.: КомКнига-URSS, 2008. 208 с.
- Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 496 с.
- Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
- Сергунин А.А., Конышев В.Н.* Концепция «обязанность защищать»: БРИКС в поисках консенсуса // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4. С. 202–217.
- Сисе Х.* Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М.: Весь мир, 2007. 176 с.
- Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 464 с.
- Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 466 с.
- Степанова Е.А.* Гуманитарные аспекты современных конфликтов // Пути к миру и безопасности. 2018. Т. 54. № 1. С. 11–43.
- Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
- Уолцер М.* Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журн. 2013. № 7. С. 26–32.
- Фененко А.В.* Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.
- Фихте И.Г.* Основа общего наукоучения // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.
- Флори И.* Идеология меча. М.: Евразия, 1999. 314 с.
- Франк С.Л.* О поисках смысла войны // Русские философы о войне. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.
- Фукидид.* История. М.: Ладомир; АСТ, 1999. 736 с.
- Фуко М.* Безопасность, территория, население / Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
- Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
- Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
- Хабермас Ю.* Кантова идея вечного мира — из 200-летней исторической перспективы // Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 277–332.
- Хансен Э.* Стратегия ядерного сдерживания в США в первые годы холодной войны // Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки / отв. ред. А.И. Никитин, П.А. Корзун. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 13–16.
- Хардт М., Негри А.* Множество Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция. 2006. 559 с.

- Хейзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры. М.: Прогресс — Традиция, 1997. 416 с.
- Ховард М.* Изобретение мира: размышления о войне и международном порядке. М.: Изд-во Моск. шк. полит. исслед., 2002. 112 с.
- Хомский Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М.: Практикс, 2002. 320 с.
- Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. 288 с.
- Цицерон М.Т.* Об обязанностях // Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.
- Цицерон М.Т.* О государстве // Цицерон М.Т. Диалоги. М.: Ладомир, 1994.
- Шмитт К.* Номос земли в праве народов *jus publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
- Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
- Шмитт К.* Теория партизана. М.: Практикс, 2007. 301 с.
- Щербакова Е.* Людские потери в вооруженных конфликтах в мире: 1946–2015 гг. // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 69–102.
- Ядерное сдерживание и нераспространение / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. 82 с.
- Achilli L., Yassin N., Erdoğan M.M.* Neighbouring Host-Countries' Policies for Syrian Refugees: The Cases of Jordan, Lebanon, and Turkey // *Papers IEMed. European Institute of the Mediterranean*. 2017. Vol. 19.
- Ahmad A.* Going Global: Islamist Competition in Contemporary Civil Wars // *Security Studies*. 2016. Vol. 25. No. 2. P. 353–384.
- Allansson M., Melander E., Themnér L.* Organized Violence, 1989–2016 // *Journal of Peace Research*. 2017. Vol. 54. No. 4. P. 574–587.
- Allhoff F.* The War on Terror and the Ethics of Exceptionalism // *Journal of Military Ethics*. 2009. Vol. 8. No. 4. P. 265–288.
- Arakelyan L.* Russian Foreign Policy in Eurasia: National Interests and Regional Integration. L.: Routledge, 2017.
- Arquilla J.* Twenty Years of Cyberwar // *Journal of Military Ethics*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 80–87.
- Arquilla J., Ronfeldt D.* Cyberwar Is Coming! // *Comparative Strategy*. 1993. Vol. 12. No. 2. P. 141–165.
- Arquilla J., Ronfeldt D.* Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2001.
- Arreguin-Toft I.* How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict // *International Security*. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 93–128.
- Barrett E.T.* Warfare in a New Domain: The Ethics of Military Cyber-Operations // *Journal of Military Ethics*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 4–17.
- Beaumont P.* America Gears up for a New Kind of War // *The Observer*. 2002. 10 March.
- Becker J., Shane S.* Secret “Kill List” Tests Obama’s Principles // *The New York Times*. 2012. 29 May.
- Beitz C.R.* Bounded Morality: Justice and the State in World Politics // *International Organization*. 1979. Vol. 33. No. 3. P. 405–424.

- Beitz C.R.* Nonintervention and Communal Integrity // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9. No. 4. P. 385–391.
- Blannin P.* Islamic State's Financing: Sources, Methods and Utilisation // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. 2017. Vol. 9. No. 5. P. 13–22.
- Bodin J.* Les six livres de la Republique. Paris: Fayard, 1986.
- Bougarel X.* L'Anatomie d'un conflit. Paris: La Decouverte, 1995.
- Bowyer D.G.* Challenges to the Military Code of Ethics: How New Wars and New Protagonists Challenge the Concept of Warrior Honour. <http://isme.tamu.edu/ISME07/Bowyer07.html#_edn21>.
- Bricmont J.* L'impérialisme humanitaire. Droit humanitaire, droit d'ingérence, droit du plus fort? Bruxelles: Aden Belgique, 2005.
- Bridoux J., Kurki M.* Democracy Promotion. A Critical Introduction. N.Y.; L.: Routledge, 2014
- Brunstetter D., Braun M.* From Jus ad Bellum to Jus ad Vim: Recalibrating Our Understanding of the Moral Use of Force // *Ethics & International Affairs*. 2013. Vol. 27. No. 1. P. 87–106.
- Buchanan A.* Justice, Legitimacy, and Human Rights // *The Idea of a Political Liberalism: Essays on Rawls* / ed. by V. Davion, C. Wolf. Oxford: Rowman and Littlefield, 2000.
- Buchanan A.* Justice, Legitimacy, and Self-Determination: Moral Foundations for International Law. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Bufacchi V., Arrigo J.M.* Torture, Terrorism and the State: A Refutation of the Ticking-Bomb Argument // *Journal of Applied Philosophy*. 2006. Vol. 23. No. 3. P. 355–373.
- Bush G.W.* Address on Signing the USA Patriot Act of 2001. 26.10.2001. <<https://americanrhetoric.com/speeches/gwbushusapatriotact2001.htm>>.
- Campbell D.J., Campbell K.M.* Soldiers as Police Officers / Police Officers as Soldiers: Role Evolution and Revolution in the United States // *Armed Forces & Society*. 2010. Vol. 36. No. 2. P. 327–350.
- Carothers T.* The Backlash against Democracy Promotion // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. No. 2. P. 55–68.
- Chomsky N.* Humanitarian Imperialism: The New Doctrine of Imperial Right // *Monthly Review*. 2008. Vol. 60. No. 4. P. 22–50.
- Chossudovsky M.* The Globalization of War: America's "Long War" against Humanity. Montreal: Global Research, 2015.
- Christopher P.* The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1999.
- Clarke R. A., Knake R.* Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do about It. N.Y.: HarperCollins, 2010.
- Coady C.A.J.* Terrorism and Innocence // *Journal of Ethics*. 2004. Vol. 8. No. 1. P. 37–58.
- Coady C.A.J.* Terrorism // *Encyclopedia of Ethics* / ed. by L.C. Becker, C.B. Becker. Vol. 3. N.Y.; L.: Routledge, 2001.
- Collier P.* Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places. L.: Vintage, 2001.
- Collier P., Hoeffler A.* Greed and Grievance in Civil War // *Oxford Economic Papers*. 2004. Vol. 56. No. 4. P. 563–595.
- Collier P., Hoeffler A., Söderbom M.* On the Duration of Civil War // *World Bank Policy Research*. Working Paper No. 2681. 2001.

- Crawford N.C.* Human Cost of the Post-9/11 Wars: Lethality and the Need for Transparency // Report. Watson Institute, Brown University. 2018.
- Cruceu V.* On Contemporary Warfare: Short Review of Specific Concepts // Revista Academiei Fortelor Terestre. 2014. Vol. 74. No. 3. P. 231–237.
- Democracy Promotion and the Challenges of Illiberal Regional Powers / ed. by N. Babayan, Th. Risse. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2016.
- Deutsch K.W.* External Involvement in Internal War // Internal War, Problems and Approaches / ed. by H. Eckstein. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1964.
- Dilanian K.* Cyber-Attacks a Bigger Threat than Al Qaeda, Officials Say // Los Angeles Times. 2013. 12 March.
- Dipert R.R.* Other-than-Internet (OTI) Cyberwarfare // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 34–53.
- Doppelt G.* Walzer's Theory of Morality in International Relations // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 8. No. 1. P. 3–26.
- Doyle M.* A Few Words on Mill, Walzer, and Nonintervention // Ethics & International Affairs. 2009. Vol. 23. No. 4. P. 349–369.
- Doyle M.W.* The Question of Intervention: John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. New Haven: Yale University Press, 2015.
- Duffield M.* Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security. L.: Zed, 2001.
- Dunlap C.J., Jr.* The Police-ization of the Military // Journal of Political & Military Sociology. 1999. Vol. 27. P. 217–232.
- Duty with Honour. The Profession of Arms in Canada. Canadian Defence Academy; Canadian Forces Leadership Institute, 2003.
- Eberle C.J.* Just War and Cyberwar // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 54–67.
- Einsiedel S., Bosetti L., Cockayne J., Salih C., Wan W.* Civil War Trends and the Changing Nature of Armed Conflict / United Nations University Centre for Policy Research Occasional Paper 10. March 2017.
- Elshtain J.B.* Just War against Terror: The Burden of American Power in a Violent World. N.Y.: Basic Books, 2003.
- Elshtain J.B.* Prevention, Preemption, and Other Conundrums // The Ethics of Preventive War / ed. by D.K. Chatterjee. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 15–26.
- Emonet F.* The Importance of Ethics Education in Military Training // NCO Journal. 2018. Vol. 27. No. 11. P. 1–6.
- FATF. Financing of the Terrorist Organisation Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL). FATF. 2015. P. 12–26.
- Fearon J.D.* Civil War and the Current International System // Daedalus. 2017. P. 18–32.
- Fearon J.D.* Why Do Some Civil Wars Last so Much Longer Than Others? // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 3. P. 275–301.
- Field A.* The “New Terrorism”: Revolution or Evolution? // Political Studies Review. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 200–204.
- Field Manual No. 1. The Army / HQ Department of the Army. 2005.
- Fotion N.* War and Ethics: A New Just War Theory. N.Y.: Continuum, 2007.
- Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K.* Terrorism. The New World Disorder. N.Y.: Continuum, 2008.

- Freedman L.* Prevention, not pre-emption // *The Washington Quarterly*. 2003. Vol. 26. No. 2. P. 105–114.
- Freedman L.* *The Evolution of Nuclear Strategy*. L.: Macmillan in association with the International Institute for Strategic Studies, 1981.
- Frowe H.* *The Ethics of War and Peace: An Introduction*. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2015.
- Gentili A.* *De iure belli libri tres*. Oxford: Clarendon Press, 1877.
- Glennon M.* Terrorism and the Limits of Law // *Wilson Quarterly*. 2002. Vol. 26. No. 2. P. 12–19.
- Goertz S., Streitparth A.E.* *The New Terrorism Actors, Strategies and Tactics*. N.Y.: Springer, 2019.
- Gray C.H.* *Postmodern War: The New Politics of Conflict*. N.Y.: Guilford Press, 1997.
- Haydar B.* The Ethics of Fighting Terror and the Priority of Citizens // *Journal of Military Ethics*. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 52–59.
- Hegre H., Ellingsen T., Gates S., Gleditsch N.P.* Toward a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992 // *American Political Science Review*. 2001. Vol. 95. No. 1. P. 33–48.
- Hobsbawm E.* *Globalisation, Democracy and Terrorism*. L.: Little, Brown, 2007.
- Hoffman F., Mattis J.N.* Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // *U.S. Naval Institute Proceedings*. 2005. November. P. 30–32.
- Hoffman F.G.* *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.
- Hoffman F.G.* How the Marines Are Preparing for Hybrid Wars // *Armed Forces Journal International*. 2006. April.
- Hoffman F.G.* Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Forces Quarterly*. 2009. No. 52. P. 34–39.
- Hoffman F.G.* Preparing for Hybrid Wars // *Marine Corps Gazette*. 2007. Vol. 91. No. 3. P. 57–61.
- Holsti K.* *The State, War and the State of War / Cambridge Studies in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Howard M.* *The Invention of Peace: Reflections on War and International Order*. New Haven, CT: Yale University Press, 2001.
- Janowitz M.* *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*. N.Y.: Free Press, 2017.
- Jenkins B.M.* International Terrorism: A New Mode of Conflict // *International Terrorism and World Security / ed. by D. Carlton, C. Schaerf*. L.: Croom Helm, 1975.
- Jenkins R.* Is Stuxnet Physical? Does it Matter? // *Journal of Military Ethics*. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 68–79.
- Jokic A.* What is Really Military Ethics (and What They Think It Is in the West)? // *Theoria*. 2017. Vol. 60. No. 4. P. 35–54.
- Kaldor M.* *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Cambridge: Polity, 1999.
- Kaldor M.* Identity and War // *Global Policy*. 2013. Vol. 4. No. 4. P. 336–346.
- Kaldor M.* In Defence of New Wars // *Stability: International Journal of Security and Development*. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 4. P. 1–16.
- Kaldor M.* *Global Security Cultures*. Cambridge: Polity Press, 2018.

- Kalyvas S.N.* “New” and “Old” Civil Wars: A Valid Distinction? // *World Politics*. 2001. Vol. 54. No. 1. P. 99–118.
- Kasher A.* Public Trust in a Military Force // *Journal of Military Ethics*. 2003. Vol. 2. No. 1. P. 20–45.
- Kasher A., Yadlin A.* Military Ethics of Fighting Terror: An Israeli Perspective // *Journal of Military Ethics*. 2005. Vol. 4. No. 1. P. 3–32.
- Keane J.* *Democracy and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Kilcullen D., Exum A.M.* Death from above, Outrage down below // *The New York Times*. 2009. 17 May. <<https://www.nytimes.com/2009/05/17/opinion/17exum.html>>.
- Kissane B.* *Nations Torn Asunder. The Challenge of Civil War*. N.Y.: Oxford University Press, 2016.
- Krulak C.C.* The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War. 1999. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/usmc/strategic_corporal.htm>.
- Kumankov A.* Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt’s Criticism of Just War Theory // *Russian Sociological Review*. 2015. Vol. 14. No. 4. P. 77–91.
- Kumankov A.* Intervening as a Moral Duty: Michael Walzer versus a Multilateralism Approach // *Military Ethics and Leadership*. Vol. 3. Boston; Leiden: Brill, Nijhoff, 2017. P. 190–204.
- Kurtulus E.N.* The “New Terrorism” and Its Critics // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2011. Vol. 34. No. 6. P. 476–500.
- Lacina B., Gleditsch N.P.* Monitoring Trends in Global Combat: A New Dataset of Battle Deaths // *European Journal of Population*. 2005. Vol. 21. No. 2–3. P. 145–166.
- Laqueur W.* *The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Lesser I.O., Hoffman B., Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M., Jenkins B.M.* *Countering the New Terrorism*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1999.
- Leveringhaus A.* *Ethics and Autonomous Weapons*. L.: Palgrave Pivot, 2016.
- Lind W.S., Nightengale K., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // *Marine Corps Gazette*. 1989. Vol. 73. No. 10. P. 22–26.
- Luban D.* Just War and Human Rights // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9. No. 2. P. 161–181.
- Luban D.* The Romance of the Nation-State // *Philosophy and Public Affairs*. 1980. Vol. 9. No. 4. P. 392–397.
- Lynch O., Ryder C.* Deadliness, Organisational Change and Suicide Attacks: Understanding the Assumptions Inherent in the Use of the Term “New Terrorism” // *Critical Studies on Terrorism*. 2012. Vol. 5. P. 257–275.
- Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // *World Politics*. 1973. Vol. 27. No. 2. P. 175–200.
- Markakis D.* *US Democracy Promotion in the Middle East: The Pursuit of Hegemony*. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2015.
- Mattis J.N., Hoffman F.G.* Future Warfare: The Rise of Hybrid Warfare // *U.S. Naval Institute Proceedings*. 2005. November. P. 30–32.
- McKinley M.* *Economic Globalization as Religious War: Tragic Convergence*. Milton Park; Abingdon; Oxon: Routledge, 2007.

- McMahan J.* The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life. N.Y.: Oxford University Press, 2002.
- McMahan J.* Liability and Collective Identity: A Response to Walzer // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. Iss. 1. P. 13–17.
- McMahan J.* On the Moral Equality of Combatants // *The Journal of Political Philosophy*. 2006. Vol. 14. No. 4. P. 377–393.
- McMahan J.* The Ethics of Killing in War // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. No. 1. P. 23–41.
- McMahan J.* Collectivist Defenses of the Moral Equality of Combatants // *Journal of Military Ethics*. 2007. Vol. 6. No. 1. P. 50–59.
- McMahan J.* Aggression and Punishment // *War: Essays in Political Philosophy* / ed. by L. May. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- McMahan J.* The Morality of War and the Law of War // *Just and Unjust Warriors: The Moral and Legal Status of Soldiers* / ed. by D. Rodin, H. Shue. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 19–43.
- McMahan J.* Killing in War. Oxford: Clarendon Press, 2009.
- McMahan J.* The Conditions of Liability to Preventive Attack // *The Ethics of Preventive War* / ed. by D.K. Chatterjee. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Meernik J.* United States Military Intervention and the Promotion of Democracy // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33. No. 4. P. 391–402.
- Meisels T.* Combatants: Lawful and Unlawful // *Law and Philosophy*. 2007. Vol. 26. No. 1. P. 31–65.
- Merkel W.* Democracy through War? // *Democratization*. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 487–508.
- Mill J.S.* A Few Words on Non-Intervention // *Doyle M.W. The Question of Intervention: John Stuart Mill and the Responsibility to Protect*. New Haven: Yale University Press, 2015. P. 205–226.
- Mueller J.* Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War. N.Y.: Basic Books, 1989.
- Mueller J.* The Remnants of War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.
- Mumford A.* Proxy Warfare. Oxford: Polity Press, 2013.
- Münkler H.* Die Neuen Kriege. Reinbek: Rowohlt, 2002.
- Münkler H.* Asymmetrie und Kriegsvölkerrecht. Die Lehren des Sommerkrieges 2006 // *Die Friedens-Warte. Journal of International Peace and Organization*. 2006. Vol. 81. No. 2. P. 59–65.
- Nagorski A.* The Greatest Battle: Stalin, Hitler, and the Desperate Struggle for Moscow that Changed the Course of World War II. N.Y.: Simon & Schuster, 2008.
- Nathanson S.* Terrorism and the Ethics of War. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.
- New Wars: Restructuring the Global Military Sector* / ed. by M. Kaldor, V. Basker. L.: Pinter, 1998.
- Nussbaum M.* Kant and Stoic Cosmopolitanism // *The Journal of Political Philosophy*. 1997. Vol. 5. No. 1. P. 1–25.
- Nussbaum M.* The Cosmopolitan Tradition: A Noble But Flawed Ideal. Cambridge, MA; L.: Belknap Press, 2019.
- Orend B.* Fog in the Fifth Dimension: The Ethics of Cyber-War / *The Ethics of Information Warfare* / ed. by L. Floridi, M. Taddeo. N.Y.: Springer, 2014.

- Orend B.* The Morality of War. N.Y.: Broadview Press, 2006.
- Orend B.* War and International Justice: A Kantian Perspective. Waterloo, Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 2000.
- Palmerston H.J.T.* Speech to the House of Commons. 1 March 1848 // Hansard. Vol. 97. P. 122.
- Pattison J.* Legitimacy and Humanitarian Intervention: Who Should Intervene? // The International Journal of Human Rights. 2008. Vol. 12. No. 3. P. 395–413.
- Pattison J.* Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention // Journal of Military Ethics. 2008. Vol. 7. No. 4. P. 262–283.
- Pattison J.* Humanitarian Intervention and the Responsibility to Protect. Who Should Intervene? N.Y.: Oxford University Press, 2010.
- Primoratz I.* Terrorism: A Philosophical Investigation. Cambridge: Polity Press, 2013.
- Pufendorf S.* De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem. N.Y.: Oxford University Press, 1927.
- Rapoport D.* Four Waves of Terrorism // Terrorism and Homeland Security / ed. by D.K. Gupta. Belmont, CA: Wadsworth, 2005.
- Rapoport D.* The Fourth Wave: September 11 and the History of Terrorism // Current History. 2001. Vol. 100. No. 650. P. 419–424.
- Rickli J.-M.* The Impact of Globalization on the Changing Nature of War / Geneva Center for Security Policy's Policy Brief. 2007. No. 24. February 7. P. 3–5.
- Rodin D.* Morality and Law in War // The Changing Character of War / ed. by S. Scheipers, H. Strachan. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 446–463.
- Rodin D.* The Problem with Prevention // Preemption: Military Action and Moral Justification / ed. by H. Shue, D. Rodin. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Rodin D.* War and Self-Defense. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Rother B., Pierre G., Lombardo D., Herrala R., Toffano P., Roos E., Auclair G., Manasseh K.* The Economic Impact of Conflicts and the Refugee Crisis in the Middle East and North Africa / IMF Staff Discussion Note. Washington, DC: International Monetary Fund, 2016.
- Ryan C.* Pacifism // The Oxford Handbook of Ethics of War / ed. by S. Lazar, H. Frowe. N.Y.: Oxford University Press, 2015.
- Scheffler S.* Is Terrorism Morally Distinctive? // Journal of Political Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 1–17.
- Schmid A., Jongman A.* Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988.
- Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte. Berlin: Duncker & Humblot, 2011.
- Schwartz M., Swain J.* Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis. Washington: Congressional Research Service, 2011.
- Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny. L.: Penguin Books, 2006.
- Shue H.* Torture // Philosophy and Public Affairs. 1978. Vol. 7. No. 2. P. 124–143.

- Shue H.* Eroding Sovereignty: The Advance of Principle / The Morality of Nationalism / ed. by R. McKim, J. McMahan. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Singer P.* Practical Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Singer P.* One World: The Ethics of Globalization. New Haven: Yale University Press, 2002.
- Singer P. W.* Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Singer P.W.* Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. N.Y.: Penguin Books, 2009.
- Singer P.W.* The Ethics of Killer Applications: Why Is It so Hard to Talk about Morality When It Comes to New Military Technology? // Journal of Military Ethics. 2010. Vol. 9. No. 4. P. 299–312.
- Smilansky S.* Terrorism, Justification, and Illusion // Ethics. 2004. Vol. 114. No. 4. P. 790–805.
- Snow D.* Uncivil Wars: International Security and the New Internal Conflicts. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1996.
- Sparrow R.* Killer Robots // Journal of Applied Philosophy. 2007. Vol. 24. No. 1. P. 62–77.
- Sparrow R.* War without Virtue // Killing by Remote Control. The Ethics of an Unmanned Military / ed. by B.J. Strawser. N.Y.: Oxford University Press, 2013. P. 86–88.
- Spencer A.* Questioning the Concept of New Terrorism // Peace, Conflict and Development. 2006. No. 8. P. 1–33.
- Steinhoff U.* On the Ethics of War and Terrorism. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Steinhoff U.* Torture — The Case for Dirty Harry and against Alan Dershowitz // Journal of Applied Philosophy. 2006. Vol. 23. No. 3. P. 337–353.
- Strawser B.J.* Guest Editor's Column // Journal of Military Ethics. 2013. Vol. 12. No. 1. P. 1–2.
- Sussman D.* What's Wrong with Torture? // Philosophy and Public Affairs. 2005. Vol. 33. No. 1. P. 1–33.
- Syse H.* The Moral Equality of Combatants // The Ashgate Research Companion to Military Ethics / ed. by J.T. Johnson, E. Patterson. Farnham: Ashgate, 2015. P. 259–270.
- Tamminga O.* Hybride Kriegsführung. Zur Einordnung einer aktuellen Erscheinungsform des Krieges // SWP-Aktuell. 2015. No. 27. <www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2015A27_tga.pdf>.
- Taylor L.* A Wedding That Became a Funeral: US Drone Attack on Marriage Procession in Yemen. Human Rights Watch, 2014.
- The Profession of Arms in Canada. Kingston, Ontario: Canadian Defence Academy; Canadian Forces Leadership Institute, 2003.
- The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa: International Development Research Centre. 2001. December.
- The Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare / gen. ed. M.N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013.
- Vitoria F. de.* De Indis // Vitoria F. de. Relectiones theologicae. Matriri, 1725.

- Vitoria F. de.* De titulis legitimis, quibus Barbari potuerint venire in ditionem Hispanorum // *Vitoria F. de.* Relectiones theologicae. Matriti, 1725.
- Walzer B.F.* Does Conflict Beget Conflict? Explaining Recurring Civil War // *Journal of Peace Research.* 2004. Vol. 41. No. 3. P. 371–388.
- Walzer B.F.* Why Bad Governance Leads to Repeat Civil War // *The Journal of Conflict Resolution.* 2015. Vol. 59. No. 7. P. 1242–1272.
- Walzer M.* The Moral Standing of States: A Response to Four Critics // *Philosophy & Public Affairs.* 1980. Vol. 9. No. 3. P. 209–229.
- Walzer M.* The Politics of Rescue // *Social Research.* 1995. Vol. 62. No. 1. P. 53–66.
- Walzer M.* The Argument about Humanitarian Intervention // *Dissent.* 2002. Vol. 49. No. 1. P. 29–37.
- Walzer M.* *Arguing about War.* New Haven: Yale University Press, 2003.
- Walzer M.* *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations.* N.Y.: Basic Books, 2006.
- Walzer M.* Response to Jeff McMahan // *Philosophia.* 2006. Vol. 34. No. 1. P. 19–21.
- Walzer M.* Terrorism and Just War // *Philosophia.* 2006. Vol. 34. No. 1. P. 3–12.
- Walzer M.* Targeted Killing and Drone Warfare // *Dissent.* 2013. <https://www.dissentmagazine.org/online_articles/targeted-killing-and-drone-warfare>.
- Walzer M.* Just & Unjust Targeted Killing & Drone Warfare // *Daedalus.* 2016. Vol. 145. No. 4. P. 12–24.
- Wasserstrom R.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations by Michael Walzer, Review // *Harvard Law Review.* 1978. Vol. 92. No. 2. P. 536–545
- Whetham D.* Why Does Ethics Matter for the Military? <<https://defenceindepth.co/2015/11/30/why-does-ethics-matter-for-the-military/>>.
- World Bank. *The Toll of War: The Economic and Social Consequences of the Conflict in Syria.* Washington, DC: World Bank Group, 2017.
- Zimmermann E.* Globalization and terrorism // *European Journal of Political Economy.* 2011. Vol. 27. No. 1. P. 152–161.
- Zolo D.* *Cosmopolis: Prospects for World Government.* Cambridge: Polity Press, 1997.

Kumankov, Arseniy

War in the 21st Century [Text] / A. Kumankov; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2020. — 296 pp. — (Political Theory). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1957-8 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-2049-9 (e-book).

The monograph discusses two questions: what is war in the 21st century? And how does the moral theory assess modern wars? The author provides social, political, and ethical interpretations of conflicts. In order to address the first question, he tracks down the history of the development of the classical image of interstate war. Aligning with the leading specialists, such as Mary Kaldor, Herfried Münkler, Martin van Creveld, he offers the original conceptual framework of new wars. This approach allows to identify both the most significant features of new wars and the typical practices of waging them. Answering the second question, the author delves into the ways in which moral justification of military actions is carried out and explores the moral component of the most distinctive forms and practices of waging modern war, namely terrorism, robotization and computerization of war, as well as the activities of private military companies.

The book is intended for philosophers, political and social scientists, historians, and specialists in cultural studies.

СЕРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/25279520>

Научное издание

Арсений Куманьков
ВОЙНА В ХХІ ВЕКЕ

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор МАРИНА КОВАЛЕВА
Верстка: ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА
Корректор ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

Дизайн обложек серии: ABCdesign
ПОЛИНА ЛАУФЕР,
ТАТЬЯНА БОРИСОВА
Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 06.11.2019. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 12,7. Печать струйная ролевая
Тираж 1000 экз. Изд. № 2264. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59

Серия
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Готовится к выпуску:

Роджер Скрутон

**Дураки, мошенники
и провокаторы:**

Новые левые мыслители

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1788-8

2020 г.

Серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»

Готовятся к выпуску:

Питер Галисон
**Часы Эйнштейна,
карты Пуанкаре:
Империи времени**

Перевод с английского
ISBN 978-5-7598-1962-2
2020 г.

Йоран Терборн
**Города власти:
Город, нация,
народ, глобальность**

Перевод с английского
ISBN 978-5-7598-1787-1
2020 г.

Пол Фасселл

**Класс: Путеводитель
по статусной системе Америки**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-1999-8

2020 г.

Арли Рассел Хокшилд

**Вторая смена:
Работающие семьи
и домашняя революция**

Перевод с английского

ISBN 978-5-7598-2102-1

2020 г.

Серия
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»

Готовится к выпуску:

Филипп Ван Парайс,
Янник Вандерборгт

**Базовый доход.
Радикальный проект
для свободного общества
и здоровой экономики**

Перевод с английского
ISBN 978-5-7598-1784-0
2020 г.